СЭРЪ ИСААКЪ НЬЮТОНЪ

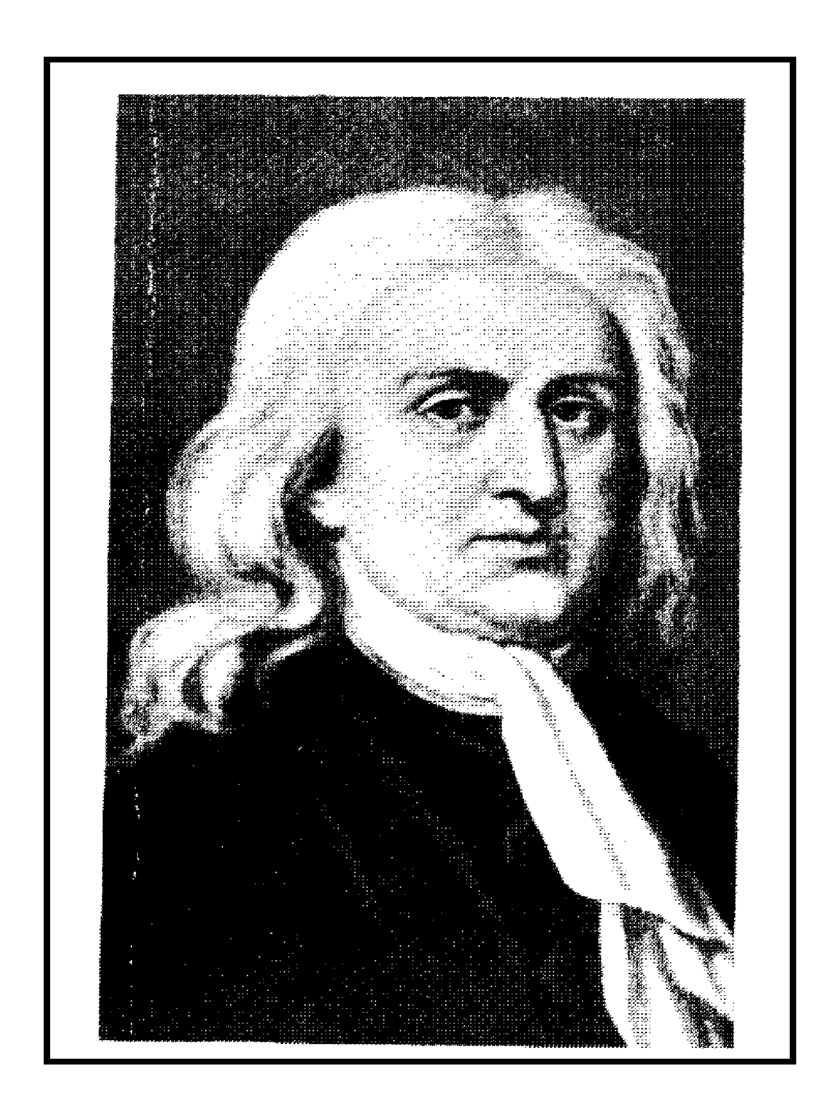
ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНІИЛА И АПОКАЛИПСИСЪ СВ. ИОАННА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Петроградъ
Изданіе Т-ва А. С. Суворина —
«Новое время»
1915

ОГЛАВЛЕНІЕ

1643-1727

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящее сочиненіе Исаака Ньютона представляетъ собой точный и полный переводъ, сделанный съ англійскаго изданія этой книги, вышедшей въ свѣтъ въ 1733 году, т. е. спустя 6 лѣтъ после смерти автора.

Имя Исаака Ньютона окружено вѣчнымъ сіяніемъ такой мыслительной силы, что каждое слово его имѣетъ исключительную ценность. Основатель нѣкоторыхъ отраслей математики и физики, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій изъ великихъ астрономовъ. Отличаясь съ дѣтства глубокой вѣрой въ Бога, а также нравственной чистотой, Ньютонъ подъ конецъ жизни направилъ свое вниманіе на богословскіе вопросы. Изъ нихъ онъ выбралъ книгу пророка Даніила и Апокалипсисъ святого ап. Іоанна. Такой выборъ понятенъ. Даніилъ получилъ воспитаніе въ школе вавилонскихъ звѣздочетовъ и волхвовъ. Поэтому въ его пророчествѣ много астрономическаго элемента. Сталкиваясь съ первыми воодушевленіями человѣческой гордыни, которая потомъ вылилась въ четырехъ послѣдовательныхъ монархіяхъ — вавилонской, персидской, македонской и римской, Даніилъ обличилъ ихъ тщету и изрекъ свое предвѣщаніе о грядущемъ Богочеловѣкѣ. При этомъ Даніилъ пользовался хронологическими концепціями вавилонской небесной науки. Вотъ почему дискурсіи Ньютона о книгѣ Даніила являются сугубо интересными. Нѣкоторыя главы книги Ньютона до сихъ поръ сохранили полную цѣну и могутъ служить неувядаемыми образцами точности и силы мысли. Таковы главы о «семидесяти седминахъ», о годе рожденія Іисуса Христа, вычисленія о количестве лѣтъ

земного служенія Спасителя, о временахъ празднованія іудейской Пасхи по даннымъ Евангелія.

Къ сожалѣнію, собственно историческія соображенія Ньютона не могутъ удовлетворить современного читателя. И это зависитъ не отъ того, что Ньютонъ не имѣлъ подъ руками достаточного количества источниковъ. Напротивъ, его свѣдѣнія обширны и точны. Но дѣло въ томъ, что всѣ его старанія примѣнить пророческіе символы къ тѣмъ, а не инымъ историческимъ событіямъ внѣшни и мало убѣдительны. Они не задѣваютъ ни сокровенной правды пророческихъ образовъ, ни внутренней сути прошлыхъ событій. Его сужденія о римской имперіи, о македонскомъ царствѣ, о персидскомъ владычествѣ, о папствѣ, о Византіи, можетъ быть, и вѣрны, но безсильны, такъ какъ не объясняютъ самаго существеннаго въ этихъ всеобъемлющихъ построеніяхъ.

Въ толкованіи же на Апокалипсисъ мысль Ньютона о Іерусалимскомъ храмѣ очень цѣнна и могла бы послужить путеводною нитью для нашихъ толкователей. Символическое значеніе разныхъ частей храма до сихъ поръ мало вами понято. Храмъ знаменовалъ грядущаго въ міръ Богочеловѣка. Какъ Мессія долженъ былъ быть единороднымъ, такъ и храмъ могъ быть только одинъ. Будущая судьба христіанскаго человѣчества, т. е. человѣчества после искупленія, вся строится на фактѣ пришедшаго и пострадавшаго Богочеловѣка. Поэтому символика храма имѣетъ онтологическое значеніе, и таинственный смыслъ исторіи христіанскихъ народовъ долженъ съ ней совпадать. Мысль — замѣчательная по глубинѣ. И рядомъ съ этимъ ошибки, которыя невольно хочется отнести къ досадной категоріи ignoratio facti. Но, конечно, тутъ причины заблужденія гораздо интимнѣе и тоньше, такъ какъ почти всѣ сужденія Ньютона о

Церкви святоотеческихъ временъ ошибочны. Чѣмъ объяснить эту слабость?

Ньютонъ обладалъ геніальнымъ умомъ и той долей религіозной вѣры, которую могла удѣлить ему тогдашняя Англиканская церковь, къ которой онъ принадлежалъ. Недостаточность этого второго коэффиціента сказалась отрицательно на многихъ его церковноисторическихъ концепціяхъ. Въ этомъ отношеніи Ньютонъ представляетъ собой разительный примѣръ вліянія на человѣка того вѣроисповѣданія, въ которомъ онъ рожденъ. Несмотря на выдающіяся личныя качества, онъ неизбѣжно былъ обреченъ на нѣкоторыя существенныя ошибки. Во вселенскихъ соборахъ, напримѣръ, онъ не видитъ ничего больше, какъ дѣло интриги византійскихъ императоровъ. Въ распространившемся во всѣхъ церквахъ почитаніи святыхъ видитъ — идолопоклонство. Въ объявшемъ всѣ души стремленіи къ аскетизму и монашеству онъ видитъ склоненіе Церкви къ гностической ереси, отрицавшей плоть. Даже мученичества первыхъ христіанъ не отверзаютъ ему очей: къ повѣствованіямъ о чудесахъ, имѣвшихъ мѣсто при пыткахъ, онъ относится съ недовѣріемъ.

Въ странномъ противорѣчіи съ этимъ скептицизмомъ находится вѣра того же Ньютона въ подлинность и Богооткровенность Священнаго Писанія, и особенно вѣра его въ чудо, гораздо болѣе ирраціональное и труднопреемлемое, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и легче обойти ухищреніями мысли, — это чудо явленія въ міръ Богочеловѣка въ предреченный часъ и день. И тутъ Ньютонъ твердъ въ вѣрѣ, какъ адамантъ. Онъ признаетъ самое загадочное изъ чудесъ домостроительства, — пророчество о «семидесяти седминахъ», признаетъ искупительныя страданія Іисуса Христа, Спасителя міра, и воскресенье Его изъ мертвыхъ.

И наряду съ этимъ тотъ же Ньютонъ считаетъ святоотеческую Церковь причастной къ ересямъ, отрицающимъ бракъ. Это ужъ явное недоразумѣніе. Ибо именно на первомъ вселенскомъ соборѣ Церковь навсегда отвергла противубрачныя стремленія. И во всей послѣдующей исторіи Востока и Запада бракъ признавался таинствомъ изъ числа семи, а монашество лишь священнымъ обѣтомъ. Повидимому, Ньютонъ находился въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ протестантскихъ авторитетовъ своего времени, увлеченныхъ полемикой съ католичествомъ.

Эти заблужденія Ньютона бросаются въ глаза своей рѣзкой непослѣдовательностью. Но измѣнять что-либо въ текстѣ мы считали совершенно недопустимымъ. Ньютонъ такъ думалъ, Ньютонъ самъ за себя и отвѣчаетъ. Предлагаемая книга — это человѣческій документъ, памятникъ мысли человѣка, для котораго мысль была всею жизнью.

Не взирая на свои недостатки, книга Ньютона сдѣлаетъ у насъ свое дѣло. Раціоналистамъ она поможетъ побѣдить свой скепсисъ; юныхъ же мыслителей, питающихъ себя толкованіями въ родѣ извѣстнаго сочиненія г. Морозова, она способна отрезвить навсегда. Но есть и еще одно обстоятельство.

Мы переживаемъ теперь грозное время. На нашихъ глазахъ совершаются суды Божіи надъ народами. Потребность внести свѣтъ въ пониманіе прошлаго и будущаго христіанскаго человѣчества нынѣ стала чувствоваться не только теоретиками, но и дѣятелями, призванными строить это будущее. Теперь вниманіе къ пророческимъ свиткамъ, хранимымъ Церковью, усиливается во стократъ, и всякая попытка пріоткрыть завѣсу уготованнаго намъ «лѣта Господня» можетъ быть только привѣтствуема. Вотъ причины, почему выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія долженъ быть признанъ желательнымъ и благовременнымъ.

ЧАСТЬ I.
ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНІИЛА.

ГЛАВА I.
О составителяхъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Когда Іудейскій царь Манассія поставилъ въ домѣ Божіемъ изваяннаго идола и на обоихъ дворахъ храма воздвигъ алтари свѣтиламъ небеснымъ и прибѣгалъ къ заклинаніямъ и волшебству и къ домашнимъ духамъ (домовымъ), — за такое великое нечестіе царство его подверглось вторженію Ассаргадона, царя Ассирійскаго, самъ Манассія былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ Вавилонъ, а книга Закона была утеряна. Послѣ этого она была найдена лишь на 18-мъ году царствованія Іосіи, внука Манассіина. Ее нашелъ Хелкія первосвященникъ въ храмѣ, когда производилъ тамъ поправки. Іосія, скорбя, что отцы его не творили по словамъ Писанія, издалъ указъ, чтобы всѣмъ читали эту книгу, и велѣлъ народу возобновить святой завѣтъ съ Богомъ.

Когда Сусакимъ пришелъ изъ Египта, разграбилъ храмъ и привелъ Іудею въ подчиненіе Египетской монархіи (что случилось на пятомъ году царствованія Ровоама), то Іудеи среди великихъ волненій, около двадцати лѣтъ будучи *безъ Бога истиннаго и безъ священника учащаго и безъ закона... и въ тѣ времена не было мира ни выходящему, ни входящему, но великія волненія были у всѣхъ жителей земель*, и народъ сражался съ народомъ и городъ съ городомъ, ибо богъ привелъ ихъ въ смятеніе всякими бѣдствіями» (2 Парал. XV, 3, 5—6).

Но когда Сусакимъ умеръ, и въ Египтѣ начались смуты, то Іудея провела спокойно 10 лѣтъ. Въ это время *Аса* построилъ укрѣпленные города въ Іудеѣ и устроилъ войско въ 580.000 человѣкъ. Съ этимъ войскомъ, на 15-мъ году своего царствованія, онъ встрѣтилъ и поразилъ *Зарая* Еѳіоплянина, который покорилъ Египетъ, Ливію и Троглодитовъ и выступилъ съ войскомъ *Ливійцевъ* и *Еѳіоплянъ* въ «тысячу тысячъ», чтобы возвратить земли, отвоеванныя *Сесакомъ*. Послѣ этой побѣды *Аса* лишилъ свою мать царскаго достоинства за идолопоклонство, обновилъ алтарь и внесъ новые золотые и серебряные сосуды въ храмъ. И онъ, и народъ его вошли въ новый завѣтъ съ Господомъ и умоляли Бога отцовъ своихъ послать болѣзнь и смерть на тѣхъ, кто поклонялся инымъ богамъ; а сынъ его *Іосафатъ* уничтожилъ высоты и въ 3-й годъ своего царствованія послалъ князей, священниковъ и левитовъ учить въ городахъ Іудеи; у нихъ была съ собою книга Закона; они прошли почти всѣ города Іудеи и научали народъ. Это и есть та самая книга Закона, которая была потеряна въ и потомъ снова найдена въ царствованіе *Іосіи;* слѣдовательно, она была написана до 3-го года царствованія *Іосафата*.

Эта самая книга Закона была сохранена и передана потомству Самаритянами. Слѣдовательно, она была получена десятью колѣнами передъ плѣненіемъ. Ибо, когда десять колѣнъ были уведены въ плѣнъ, одинъ изъ плѣнныхъ священниковъ былъ посланъ назадъ въ Веѳиль, по приказанію царя Ассирійскаго, для наученія новыхъ жителей Самаріи *закону туземного Бога,* и Самаритяне получили отъ этого священника Пятикнижіе, какъ содержащее *законъ туземного Бога. Съ* тѣхъ поръ они пребывали въ вѣрѣ, которой были научены отъ священника, соединяя съ ней поклоненіе собственнымъ богамъ своимъ. Они сохранили книгу Закона съ подлинными письменами Евреевъ, тогда какъ другіе два колѣна по возвращеніи изъ Вавилона

измѣнили письменность свою на Халдейскую, которой они научились въ Вавилонѣ.

Но такъ какъ Пятикнижіе было получено, какъ книга Закона, и двумя колѣнами и десятью, то выходитъ, что они получили его до раздѣленія своего на два царства. Ибо по раздѣленіи своемъ они не получали законовъ другъ отъ друга, но всегда находились во враждѣ, Іуда не могъ убѣдить Израиля отказаться отъ грѣха Іеровоамова, а Израиль не могъ склонить къ грѣху Іуду. Такимъ образомъ, Пятикнижіе было книгой Закона во дни Давида и Соломона. Служеніе при скиніи и храмѣ было устроено Давидомъ и Соломономъ согласно съ велѣніями этой книги; и Давидъ въ 77-мъ псалмѣ, убѣждая народъ внимать Закону Божію, говоритъ о законѣ, написанномъ именно въ этой книгѣ. Ибо, описывая, какъ отцы ихъ не исполняли его, онъ заимствуетъ многія историческія событія изъ книгъ Исходъ и Чиселъ.

Родословіе царей Эдомскихъ, «прежде царствованія царей» надъ Израилемъ (Быт. XXXVI, 31), приведено въ книгѣ Бытія; слѣдовательно, эта книга не была сполна написана въ существующемъ нынѣ видѣ до царствованія Саула. Писатель исчислилъ поколѣніе этихъ царей до своего времени, и, слѣдовательно, писалъ ранѣе, чѣмъ Давидъ покорилъ Эдомъ. Пятикнижіе состоитъ изъ закона и вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи народа Божія; исторія же была составлена изъ нѣсколькихъ книгъ, а именно: исторіи сотворенія міра, составленной Моисеемъ (Быт. II, 4), книги потомства Адамова (Быт. V, 1) и книги браней Господнихъ (Числ. XXI, 14). Эта книга браней содержитъ описаніе того, что произошло при Чермномъ морѣ, а также странствованія Израиля по пустынѣ, и, слѣдовательно, была начата Моисеемъ. Іисусъ же Навинъ могъ довести ее до покоренія Ханаана; ибо Іисусъ Навинъ вписалъ нѣчто въ книгу Закона Божія (Іисусъ Навинъ XXIV, 26) и,

слѣдовательно, могъ описать свои собственныя войны въ книгѣ браней, такъ какъ его войны были самыми важными изъ браней Божіихъ. Эти книги назначались для общественнаго употребленія. Позднѣе Самуилъ, во время царствованія Саула, привелъ книги Моисея и Іисуса Навина въ тотъ видъ, въ какомъ онѣ существуютъ нынѣ, включивъ въ книгу Бытія родословную царей Эдомскихъ, тянущуюся до тѣхъ поръ, пока не появился царь въ Израилѣ.

Книга Судей есть продолженіе исторіи судей до смерти Сампсона включительно, и, слѣдовательно, составлена послѣ его смерти на основаніи записей о *дѣяніяхъ судей*. Нѣкоторыя части этой книги были написаны, какъ говорятъ, *когда еще не было царя во Израилѣ* (Суд. XVII, 6; XVIII, 1; XXI, 25). Слѣдовательно, эта книга была написана послѣ начала царствованія Саула. Когда эта книга была написана, Іевусеи жили въ Іерусалимѣ (Суд. 1, 21), отсюда видно, что время ея написанія относится приблизительно къ 8-му году царствованія Давида (2 Царств. V, 8 и 1 Паралипом. XI, 6). Книги Моисея, Іисуса Навина и Судей содержатъ одну непрерывную исторію, начиная отъ сотворенія міра до смерти Сампсона. Тамъ, гдѣ кончается Пятикнижіе, начинается книга Іисуса Навина, и гдѣ кончается книга Іисуса Навина, начинается книга Судей. Такимъ образомъ, ясно, что всѣ книги были составлены изъ писаній Моисея, І. Навина и другихъ источниковъ, одной и той же рукою, во время между началомъ царствованія Саула и 8-мъ годомъ царствованія Давида. Самуилъ же былъ священный писатель (1 Царств. X, 25), знакомый съ исторіей Моисея и Судей (1 Царств. XII, 8, 9, 10, 11, 12) и имѣвшій въ царствованіе Саула время и полномочіе для составленія этихъ книгъ. Онъ былъ пророкомъ, судилъ Израиля во всѣ дни жизни своей и былъ въ величайшемъ уваженіи у народа. Законъ, по которому

онъ судилъ всѣхъ, не могъ быть обнародованъ властью меньшей, нежели его собственная, такъ какъ законодатель не ниже судьи. И книга праведнаго, о которой упоминается въ книгѣ І. Навина (X, 13), уже существовала во время смерти Саула (2 Царств. I, 18).

При освященіи храма Соломонова, когда кивотъ Завѣта внесенъ былъ во святилище, тамъ не было ничего, кромѣ двухъ скрижалей (3 кн. Царствъ VIII, 9). Когда Филистимляне завладѣли кивотомъ, они вынули изъ него книгу Закона, золотой сосудъ съ манной и Аароновъ жезлъ. Эта и другія утраты, происшедшія при разграбленіи Израиля Филистимлянами, могли дать случай Самуилу, спустя нѣкоторый промежутокъ времени после освобожденія отъ непріятелей, вновь собрать разрозненныя писанія Моисея и І. Навина, записи о патріархахъ и судьяхъ и привести ихъ въ тотъ видъ, въ которомъ они существуютъ понынѣ.

Книга *Руѳь* есть исторія событій, происшедшихъ во дни судей, она можетъ быть разсматриваема какъ добавленіе къ книгѣ Судей, написанное тѣмъ же составителемъ и въ то же самое время. Ибо она была написана послѣ рожденія Давида (Руѳь IV, 17, 22) и притомъ немного спустя, такъ какъ иначе исторія Вооза и Руѳи, прадѣда и прабабки Давида, а равно и исторія ихъ современниковъ, не могли бы хорошо сохраниться, спустя два или три поколѣнія. И такъ какъ эта книга производитъ родословную Давида отъ Вооза и Руѳи и опускаетъ старшихъ братьевъ Давида и сыновей его, то слѣдуетъ заключить, что она написана для возвеличенія Давида послѣ того, какъ онъ былъ помазанъ на царство Самуиломъ, и ранѣе того, когда у него появились дѣти въ Хевронѣ, и, слѣдовательно, — въ царствованіе Саула. Она не доходитъ до исторіи Давида и поэтому надо думать, что она была написана немедленно послѣ помазанія Давида на царство.

Такимъ образомъ, правильно разсуждаютъ тѣ, кто приписываетъ Самуилу книги І. Навина, Судей и Руѳь.

Самуилъ также признается авторомъ первой книги Самуила[1] до времени его смерти. Обѣ книги Самуила[2] не заключаютъ въ себе указаній на составителя, и поэтому, кажется, ихъ слѣдуетъ признать подлинными. Онѣ начинаются съ его родословной, рожденія и воспитанія и могли быть написаны имъ самимъ или при его жизни его учениками, сынами пророческими изъ Наваѳа въ Рамѣ (1 Царствъ XIX, 18, 19, 20), а частью и послѣ его смерти тѣми же самыми учениками.

Книги Царей[3] указываютъ иныхъ составителей, чѣмъ книга дѣяній Соломоновыхъ — Лѣтописи царѣй Израильскихъ и Лѣтописи царей Іудейскихъ[4] Обѣ Лѣтописи эти ссылаются на книгу *Самуила* провидца, на книгу *Наѳана* пророка и на книгу *Гада* прозорливца для описанія дѣяній Давида; на книгу *Наѳана* пророка, на пророчество Ахіи Силомлянина и видѣнія Адды провидца[5] — для дѣяній Соломона; на записи *Самея* и пророка *Адды* провидца при родословіяхъ для дѣяній Ровоама и Авіи; на книгу царей Іудейскихъ и Израильскихъ — для дѣяній *Асы, Іоаса, Амасіи, Іоаѳама, Ахаза, Езекіи, Манассіи* и *Іосіи;* на книгу Ананія[6] провидца для дѣяній *Іосафата* и на видѣнія Исаіи для дѣяній *Озіи* и *Езекіи.*

Эти книги были составлены, такимъ образомъ, по историческимъ лѣтописямъ древнихъ пророковъ и провидцевъ. Такь какъ книги Царствъ и

---

[1] І книга Царствъ.

[2] І и II книги Царствъ.

[3] III и IV книги Царствъ.

[4] І и II книги Паралипоменонъ.

[5] Ньютонъ ошибается: не Адды, а Іоиля (2 Пар. IX, 29).

[6] Тоже ошибка Ньютона: Інуя, сына Ананіева (2 Пар. XX, 34).

Паралипоменонъ ссылаются одна на другую, то, слѣдовательно, онѣ были написаны въ одно и то же время. Это время и было послѣ возвращенія Израиля изъ Вавилонскаго плѣна, такъ какъ означенныя книги доводятъ исторію Іудеи и родословную царей Іудейскихъ и первосвященниковъ до этого плѣна.

Книга Ездры была первоначально частью книгъ Паралипоменонъ и затѣмъ была отдѣлена отъ нихъ. Ибо она начинается съ двухъ послѣднихъ стиховъ книгъ Паралипоменонъ, и вторая книга Ездры начинается съ двухъ послѣднихъ главъ книги Паралипоменонъ. Ездра, слѣдовательно, былъ составителемъ книгъ Царствъ и Паралипоменонъ и довелъ исторію до своего времени. Онъ былъ истиннымъ книгописцемъ во Израилѣ. Для помощи ему въ его трудахъ Неемія основалъ книгохранилище и *собралъ сказанія о царяхъ и пророкахъ и о Давидѣ и письма царей о священныхъ приношеніяхъ* (2 Маккав. 11, 13). Подъ дѣяніями Давида я разумѣю здѣсь двѣ книги Самуила[7] или, по крайней мѣрѣ, вторую книгу. По сказаніямъ о Царяхъ, записываемыхъ время отъ времени пророками, Ездра составилъ книги царей Іудейскихъ и Израильскихъ, Лѣтопись царей Іудейскихъ и Лѣтопись царей Израильскихъ[8]. Онъ соединилъ всѣ эти сказанія вмѣстѣ, въ должномъ порядкѣ и послѣдовательности, списывая подлинныя слова составителей, какъ это явствуетъ изъ того, что книги Царей и Паралипоменонъ во многихъ мѣстахъ часто совершенно сходятся. Гдѣ они сходствуютъ по содержанію, тамъ они сходны также и въ самыхъ словахъ.

Точно также пророчества Исаіи, написанныя въ разное время, онъ собралъ вмѣстѣ въ одну книгу. То же самое онъ сдѣлалъ и съ пророчествами Іереміи и другихъ пророковъ вплоть до дней второго храма. Книга

[7] I и II книги Царствъ.
[8] I и II книги Паралипоменонъ.

Іоны есть исторія Іоны, написанная другимъ лицомъ. Книга Даніила есть сборникъ рукописей, писанныхъ въ разныя времена. Шесть послѣднихъ главъ ея содержатъ пророчества, записанныя въ разное время самимъ Даніиломъ; первыя шесть главъ представляютъ сборникъ историческихъ рукописей, писанныхъ другими лицами. Четвертая глава представляетъ собою указъ Навуходоносора. Первая глава была написана послѣ смерти Даніила, ибо авторъ говоритъ, что Даніилъ жилъ до перваго года царствованія Кира, т. е. до перваго года господства Кира надъ Персами и Мидянами и третьяго года — надъ Вавилономъ. И по тому же основанію слѣдуетъ, что 5-я и 6-я главы были написаны также послѣ его смерти; ибо онѣ оканчиваются слѣдующими словами: *И Даніилъ благоуспѣвалъ въ царствованіе Дарія и въ царствованіе Кира Персидского.* Слова эти можно приписать собирателю рукописей, которымъ, по моему мнѣнію, былъ Ездра.

Псалмы, составленные Моисеемъ, Давидомъ и другими лицами, повидимому, собраны въ одинъ сборникъ также Ездрою. Я считаю его за составителя Книги Псалмовъ потому, что въ этомъ сборникѣ встрѣчаются псалмы до Вавилонскаго плѣна, и ни одного изъ болѣе позднихъ.

Послѣ этого Антіохъ Епифанъ разграбилъ храмъ, принудивъ Евреевъ отпасть отъ Закона ихъ подъ страхомъ смертной казни, и приказалъ сжигать священныя книги всюду, гдѣ онѣ найдутся; во время этихъ смятеній книга Лѣтописей Царей Израильскихъ была совершенно потеряна. Но после освобожденія отъ власти Антіоха Епифана Іуда Маккавей собралъ вмѣстѣ всѣ священныя писанія, которыя только могъ отыскать (2 Макк. 11, 14), и, приведя ихъ въ порядокъ, часть пророчествъ Исаіи или, можетъ быть, другого пророка помѣстилъ въ конецъ пророчествъ Захаріи; книга же Ездры была отдѣлена отъ книги Паралипоменонъ и

сведена въ двухъ различныхъ редакціяхъ: въ одной редакціи — въ книгѣ Ездры, принятой въ канонъ священныхъ книгъ; и въ другой — въ 3-й книгѣ Ездры.

Послѣ Римскаго завоеванія, Евреи, желая сохранить свои преданія, изложили ихъ письменно въ Талмудѣ; а для сохраненія священныхъ писаній собрали ихъ въ одинъ свитокъ, пунктировали и сосчитали количество всѣхъ буквъ алфавита въ каждой книге; и такъ какъ сохранился только этотъ списокъ, то всѣ более раннія разночтенія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были установлены переводомъ 70 толковниковъ, нынѣ утрачены; отмѣтки же на поляхъ или иныя искаженія текста, которыя по ошибкѣ переписчиковъ до составленія этого изданія, вкрались въ текстъ, едва ли могутъ быть теперь исправлены.

Евреи предъ Римскимъ завоеваніемъ раздѣляли священныя книги на Законъ, Пророковъ и Агіографы или священныя жизнеописанія; читались въ синагогахъ только Законъ и Пророки. Христосъ и Апостолы полагали сущность вѣроученія въ Законѣ и Пророкахъ (Матѳ. VII, 12. Лука XVI, 16, 29, 31; XXIV, 44. Дѣянія XXIV, 14; XXVI, 22. Римл. III, 21). Подъ Агіографами разумѣлись историческія книги І. Навина, Судей, Руѳь, Самуила, Царствъ, Паралипоменонъ, Ездры, Нееміи и Эсѳири, книга Іова, Псалмы, книги Соломона и Плачъ Іереміи. Самаритяне же чтили только Пятикнижіе; и когда Іосафатъ послалъ людей учить въ городахъ, то они имѣли съ собой только книгу Закона, ибо Пророчества въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, не были еще тогда написаны. И послѣ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна Ездра читалъ народу только книгу Закона, отъ утра до полудня въ 1-й день 7-го мѣсяца и ежедневно въ праздникъ кущей: ибо писанія пророковъ еще не были собраны въ одинъ сборникъ въ настоящемъ его видѣ. Однако онъ узаконилъ чтеніе ихъ послѣ того, какъ составленіе сборника было закончено. Благодаря

тому, что Законъ и Пророки читались въ синагогахъ, книги эти остались свободнѣе отъ порчи и искаженій, чѣмъ Агіографы.

Въ дни юности народа Израильскаго, когда Богъ далъ ему Законъ и заключилъ съ нимъ завѣтъ: быть его Богомъ, если онъ будетъ соблюдать Его заповѣди, — Онъ посылалъ Пророковъ для исправленія Израиля всякій разъ, когда онъ уклонялся къ инымъ богамъ; когда же онъ вновь обращался къ Нему, нарушенный завѣтъ возобновлялся. Этихъ пророковъ Богъ посылалъ постоянно до дней Ездры; но послѣ того, какъ Пророчества стали читаться въ синагогахъ, въ новыхъ пророкахъ уже не было больше нужды. Ибо, если народъ не захотѣлъ бы слушаться Моисея и древнихъ пророковъ, то онъ не сталъ бы слушать и новыхъ, *«даже если бы они возстали изъ мертвыхъ»*. Впослѣдствіи, когда нужно было возвѣстить новую истину язычникамъ, именно — *что Іисусъ* былъ *Христосъ* — Богъ посылалъ новыхъ пророковъ и учителей. Но когда ихъ писанія также были приняты и стали читаться въ собраніяхъ христіанъ, пророчествованіе прекратилось вторично. У насъ есть Моисей, пророки, Апостолы и слова Самого Христа, и если мы не хотимъ итти во слѣдъ имъ, то намъ это еще болѣе непростительно, чѣмъ Евреямъ. Ибо Пророки и Апостолы предсказали, что какъ Израиль часто возставалъ противъ заповѣдей Божіихъ и нарушалъ завѣтъ свой съ Богомъ и затѣмъ приносилъ раскаяніе и возобновлялъ союзъ съ Господомъ, такъ будутъ отпаденія и между христіанами вскорѣ послѣ Апостоловъ; и что въ послѣдніе дни Богъ истребитъ нераскаянныхъ отступниковъ и заключитъ съ Своимъ народомъ новый завѣтъ. Истинной Церковью является только та, которая склоняетъ слухъ свой къ слову пророковъ, что служитъ основнымъ отличительнымъ признакомъ ея отъ церквей ложныхъ. Ибо Богъ такъ открылъ волю Свою въ пророчествахъ,

что «нечестивые будутъ поступать нечестиво, и не уразумѣетъ сего никто изъ нечестивыхъ, а мудрые уразумѣютъ» (Дан. XII, 9, 10). Установленіе власти императоровъ, царей и князей есть установленіе человѣческое. Власть соборовъ, синодовъ, епископовъ и пресвитеровъ есть установленіе человѣческое. Учительство же Пророковъ, включая въ число ихъ Моисея и Апостоловъ, есть установленіе божественное и коренится въ глубочайшемъ существѣ религіи; и если ангелъ съ неба будетъ проповѣдывать другое благовѣствованіе, чѣмъ открыли эти посланники Божіи, «то анаѳема да будетъ». Ихъ писанія содержатъ въ себѣ завѣтъ Бога со Своимъ народомъ и наученія, какъ соблюдать его, примѣры кары Господней надъ тѣми, кто нарушалъ этотъ завѣтъ, и наконецъ — предвѣщаніе грядущаго. Пока народъ Божій продолжаетъ хранить завѣтъ свой съ Богомъ, онъ пребываетъ народомъ Божіимъ; нарушая же его, онъ перестаетъ быть народомъ Господа и Церковью Его и, говоря о себѣ, «что они — іудеи, а они не таковы», онъ становится «сборищемъ сатанинскимъ» (Апок. II, 9). И нѣтъ силы на землѣ, которая была бы властна измѣнить этотъ завѣтъ.

Пророческое предвѣщаніе грядущаго относится къ состоянію Церкви во всѣ вѣка; и между всѣми древними пророками Даніилъ наиболѣе точенъ въ указаніи сроковъ событій и доступнѣе всѣхъ для пониманія; вслѣдствіе этого, во всемъ, что относится до послѣднихъ временъ, онъ можетъ служить ключомъ для уразумѣнія всѣхъ остальныхъ пророчествъ.

ГЛАВА II.
О языкѣ пророчествъ.

Для пониманія пророчествъ мы должны прежде всего познакомиться съ символическимъ языкомъ пророковъ. Языкъ этотъ состоитъ въ уподобленіи міра внѣшней природы міру отношеній государствъ и властей между собою.

Сообразно съ этимъ, все *мірозданіе,* небо и земля, обозначаютъ весь міръ властей, состоящій изъ престоловъ и народовъ, — или, по крайней мѣрѣ, ту его часть, которая содержится въ пророчествѣ; и всѣ вещи въ *томъ* мірѣ обозначаютъ соотвѣтствующія вещи въ *этомъ.* Такъ, *небо* и все, что въ немъ, обозначаетъ престолы и власти, а также тѣхъ, кто обладаетъ ими; *земля* со всѣмъ сущимъ на ней обозначаетъ подвластный народъ; самыя же низшія части земли, называемыя *геенной* или *адомъ*, обозначаютъ угнетенные слои народа. Точно также выраженія: *восхожденіе на небо* и *нисхожденіе на землю* употребляются для обозначенія возвеличенія во власти или утраты власти и почестей; *поднятіе* съ *земли* или съ *водъ* на высоту или *паденіе съ нея* знаменуетъ возвышеніе во власть или господство изъ низшихъ положеній, или переходъ изъ высшаго сословія въ низшее; *нисхожденіе въ самыя* низшія части земли обозначаетъ ниспаденіе въ самое унизительное и несчастное состояніе; *говорить слабымъ голосомъ изъ праха* значитъ находиться въ жалкомъ и униженномъ положеніи; *двигаться съ одного мѣста на другое* обозначаетъ переходъ изъ одного состоянія власти, знатности или господства въ другое; великія *землетрясенія и колебанія неба и земли* обозначаютъ колебанія царствъ, раздѣленіе или паденіе ихъ; *сотвореніе новаго неба и земли* или *прехожденіе* стараго,

или *начало* и *конецъ* міра, обозначаютъ возвышеніе и разрушеніе государства.

Солнце и *луна* на небесахъ, по словамъ снотолкователей, обозначаютъ царей и царицъ; въ священныхъ же пророчествахъ, которыя имѣютъ въ виду не отдѣльныхъ лицъ, *солнце* употребляется для обозначенія всего рода и поколѣнія царей, блистающихъ державною мощью и славой. *Луна* обозначаетъ совокупность простого народа, разсматриваемаго какъ царская жена; *звѣзды* означаютъ подчиненныхъ князей и знать или же первосвященниковъ и правителей народа Божьяго; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Солнце обозначаетъ собою Христа, *свѣтъ* обозначаетъ славу, истину и вѣдѣніе, въ которыхъ великіе и благіе люди блистаютъ и просвѣщаютъ другихъ; мракъ обозначаетъ темное состояніе, заблужденіе, слѣпоту или невѣжество; *помраченіе, разрушеніе* или *захожденіе солнца, луны* и *звѣздъ* обозначаетъ гибель царства, или опустошеніе его — сообразно со степенью мрака; затменіе солнца, *кровавый цвѣтъ луны и паденіе звѣздъ* обозначаютъ то же самое; *новолуніе* знаменуетъ возстановленіе разсѣяннаго народа въ свое политическое или церковное тѣло. *Огонь и падающія* звѣзды обозначаютъ безразлично и небо и землю; пожраніе *огнемъ* — погибель отъ войны; *попаленіе земли* или обращеніе страны въ огненное озеро — пораженіе царства войною; *нахожденіе* въ горнилѣ — состояніе въ рабствѣ подъ властью другого народа; постоянное *восхожденіе дыма* съ мѣста пожарища — пребываніе покореннаго народа подъ гнетомъ постояннаго порабощенія и рабства; *попаляющій жаръ солнца* означаетъ губительныя войны, преслѣдованія и гнетъ со стороны царя; *шествованіе на облакахъ* означаетъ царствованіе надъ многими народами; *покрытіе солнца* облаками или дымомъ — пораженіе царя непріятельскимъ войскомъ; *бури и движеніе* облаковъ — войны; громъ или *голосъ изъ тучи*

— голосъ толпы; гроза съ громомъ, *молнія, градъ, потоки дождя* означаютъ бурю войны, нисходящую съ политическихъ небесъ и тучъ на головы враговъ; *умѣренный дождь, роса и живыя воды* означаютъ благодатные дары и ученіе Св. Духа; *засуха* обозначаетъ духовное безплодіе.

Суша и собраніе водъ (море, рѣка, потокъ) — употребляются для означенія народовъ многихъ странъ, языковъ и государствъ; *вода горькнущая* означаетъ угнетеніе народа войной или преслѣдованіемъ; *превращеніе въ кровь* знаменуетъ мистическую смерть политическаго тѣла, т. е. его распадъ; *разливъ моря* или рѣки обозначаетъ вторженіе въ политическую землю *мореходного* народа; *высыханіе водъ* обозначаетъ завоеваніе страны сухопутнымъ народомъ; *водные ключи* означаютъ города, какъ постоянные истоки политическихъ рѣкъ, т. е. государствъ; *горы* и *острова* означаютъ города политической земли и моря вмѣстѣ съ областями и владѣніями, принадлежащими этимъ городамъ; *пещеры* и *скалы* въ горахъ означаютъ храмы въ городахъ; бѣгство людей въ пещеры и горы съ цѣлью скрыться въ нихъ означаетъ помѣщеніе въ храмахъ идоловъ; *дома* и *корабли* означаютъ семейства, собранія и города политическихъ моря и земли; а *флотъ* и *военные корабли* обозначаютъ войско царства, обозначаемаго моремъ.

Животныя, а также и растенія употребляются для обозначенія народовъ разныхъ областей и положеній; въ частности: *деревья, травы и земноводныя животныя* — для обозначенія народа данной политической земли; водоросли, *тростники и рыбы* — для обозначенія народовъ политическихъ водъ; *птицы и насѣкомыя* — для обозначенія людей политическихъ *небесъ и земли; лѣсъ* — для обозначенія царства; и *пустыня* — для обозначенія разореннаго или оскудѣлаго народа.

Если политическій міръ, о которомъ идетъ рѣчь въ пророчествѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ государствъ, то они представляются различными частями міра природы; при этомъ благороднѣйшія изъ нихъ обозначаются небеснымъ сводомъ, и тогда *луна и облака* означаютъ простой народъ; менѣе благородныя означаются *землею, моремъ и рѣками, звѣрями и растеніми*, или *зданіями;* и тогда болѣе крупные и могучіе звѣри и болѣе высокія *деревья* означаютъ царей, князей, знать. И такъ какъ все царство есть лишь политическое тѣло царя, то вслѣдствіе этого *солнце,* или *дерево,* или *звѣрь,* или *человѣкъ* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о царѣ, употреблены въ широкомъ значеніи вмѣсто цѣлаго государства; и различные звери — какъ *левъ, медвѣдь, леопардъ, козелъ,* сообразно съ ихъ свойствами, обозначаютъ различныя государства и политическія тѣла; *принесеніе звѣрей въ жертву* означаетъ избіеніе и покореніе царствъ, а *дружба* между звѣрями обозначаетъ миръ между царствами. Однако иногда растенія и животныя, посредствомъ извѣстныхъ эпитетовъ или обстоятельственныхъ словъ, получаютъ и иное значеніе; напр., дерево, когда оно называется *древомъ жизни* или *древомъ познанія;* и звѣрь, когда, напримѣръ, сказано: *древній змій,* или когда звѣрь служитъ предметомъ поклоненія.

Когда *звѣрь* или *человѣкъ* обозначаютъ собою царство, то его части и свойства означаютъ соотвѣтственныя части и свойства государства; такъ *голова* звѣря означаетъ великихъ міра сего, которые предсѣдаютъ и правятъ; *хвостъ* звѣря означаетъ низшіе слои народа, — ведомыхъ и управляемыхъ, когда рѣчь идетъ о гражданской власти; *головы* — если ихъ болѣе одной — означаетъ число главныхъ частей или династій или властителей въ государствѣ, одновременно существующихъ или послѣдующихъ одинъ за другимъ въ гражданской власти; когда рѣчь идетъ о военномъ

могуществѣ, *рога* на головѣ означаютъ число царствъ; *зрѣніе* значитъ разумъ, а глаза — людей науки и правителей, а въ дѣлахъ религіи — епископовъ; говорить — значитъ издавать законы; *уста* — это законодатель гражданскій или церковный; *громкій голосъ* обозначаетъ силу и власть; точно также *робкій и тихій голосъ* означаетъ слабость; *ѣсть и пить* значитъ пріобрѣтать то, что обозначено съѣденнымъ и выпитымъ; *шерсть звѣря* или *волосы человѣка и перья птицъ* означаютъ народъ; *крылья* означаютъ число царствъ, представляемыхъ *звѣремъ*; *рука* человѣка означаетъ его силу, а по отношенію къ народу — то, въ чемъ состоитъ крѣпость его и сила; *ноги* человѣка означаютъ самое низшее сословіе народа или отдаленнѣйшія окраины государства; *лапы, когти и зубы* хищныхъ звѣрей означаютъ войска и отряды войскъ; *кости* — крѣпость, а также укрѣпленныя мѣста; *мясо* означаетъ богатства и владѣнія; *дни* же ихъ дѣйствія означаютъ года; когда же *дерево* употреблено въ значеніи государства, то *вѣтви, листья и плоды* обозначаютъ то же, что крылья, перья и пища птицы или звѣря.

Когда *человѣкъ* берется въ мистическомъ смыслѣ, то его качества часто обозначаются посредствомъ его дѣйствій или обстоятельствъ, имѣющихъ мѣсто вокругъ него. Такъ, правитель обозначается посредствомъ его *ѣзды на звѣрѣ;* воитель и завоеватель — посредствомъ указанія на его *мечъ и лукъ;* могущественный человѣкъ посредствомъ *богатырскаго роста;* судья — посредствомъ *мѣры и вѣсовъ;* оправдательный или обвинительный приговоръ — посредствомъ бѣлаго или чернаго *камня;* новое званіе — посредствомъ новаго *имени;* нравственныя или гражданскія достоинства — посредствомъ *одеждъ;* почести и слава — посредствомъ *пурпура и багряницы* или посредствомъ короны; праведное — посредствомъ *бѣлыхъ и чистыхъ одеждъ;* грѣховное — посредствомъ грязныхъ *отрепьевъ*; обида,

скорбь и униженіе — посрѣдствомъ *одѣянія во вретище;* безчестіе, позоръ и отсутствіе добрыхъ дѣлъ — посредствомъ *наготы*; блужданіе, бѣдственность изображается въ видѣ испитія чаши того *вина,* которое порождаетъ ихъ; распространеніе вѣры изображается какъ овладѣніе народомъ посредствомъ сношеній и *торговли;* поклоненіе или служеніе народа ложнымъ богамъ — какъ блудодѣяніе его князей или какъ поклоненіе князьямъ; идолопоклонство — какъ *богохуленіе;* пораженіе на войнѣ — какъ рана человѣка или звѣря; язва войны — какъ *болячки;* скорбь, страданія и труды, которымъ подвергается народъ, основывающій новое государство — какъ *муки женщины,* рождающей ребенка; разложеніе политическаго или церковнаго тѣла — какъ *смерть человѣка* или *звѣря;* и возстановленіе разрушеннаго государства — какъ *воскресеніе мертвого.*

ГЛАВА III.
О видѣніи истукана, сдѣланнаго изъ четырехъ металловъ.

Всѣ пророчества Даніила находятся въ такой связи одно съ другимъ, какъ будто бы они были отдѣльными частями единаго всеобъемлющаго пророчества, но возвѣщеннаго имъ въ разное время. Первое пророчество, самое простое и доступное для пониманія; каждое слѣдующее прибавляетъ къ предыдущему что-нибудь новое. Первое пророчество было дано во снѣ *Навуходоносору,* царю Вавилонскому, во второй годъ его царствованія; но такъ какъ царь забылъ свой сонъ, то пророчество было повторено Даніилу во снѣ и имъ объяснѣно царю. Съ той поры Даніилъ настолько прославился своей мудростью и тайновѣдѣніемъ, что Іезекіиль, его современникъ, такъ говорилъ о немъ царю Тирскому: *«Вотъ, ты премудрѣе Даніила, нѣтъ тайны, сокрытой отъ тебя»* (Іезек. XXVIII, 3). Тотъ же Іезекіиль въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Даніилѣ, Ноѣ и Іовѣ, какъ о трехъ мужахъ, наиболѣе высокихъ въ очахъ Господа (Іезек. XIV, 14, 16, 18, 20). Въ послѣдній годъ царствованія *Валтасара,* царица-мать сказала о немъ царю: *«Есть въ царствѣ твоемъ мужъ, въ которомъ духъ Бога*[9] *живаго; во дни отца твоего найдены были въ немъ свѣтъ, разумъ и мудрость, подобная мудрости боговъ; и царь Навуходоносоръ, отецъ твой, поставилъ его главою тайновидцевъ, обаятелей, халдеевъ и гадателей, — самъ отецъ твой, царь, потому что въ немъ, въ Даніилѣ, котораго царь переименовалъ Валтасаромъ, оказались высокій духъ, вѣдѣніе и разумъ, способный изъяснять сны, толковать загадочное и разрѣшать узлы* (Даніилъ

[9] Въ. Библіи «Бога».

V, 11, 12)». Даніилъ пользовался между евреями огромнымъ авторитетомъ вплоть до царствованія Римскаго императора *Адріана.* Отрицать его пророчества значитъ отрицать самое христіанство. Ибо религія эта основана на пророчествѣ о Мессіи.

Въ основаніи всѣхъ пророчествъ Даніила лежитъ сновидѣніе объ *истуканѣ,* изваянномъ изъ 4 металловъ. Истуканъ этотъ представляетъ собою тѣло четырехъ народовъ, которые послѣдовательно должны были царить надъ всею землею, т. е. — народъ *Вавилоніи, Персовъ, Грековъ и Римлянъ.* Подъ образомъ *камня,* отторгнувшагося отъ горы безъ помощи руки человѣческой, ударившаго въ ноги истукана, разбившаго въ куски всѣ четыре металла и *«ставшаго великою горою, наполнившею всю землю»,* — пророчествуется о томъ, что должно возникнуть новое царство, послѣ четырехъ, и покорить всѣ эти 4 народа и стать великимъ и пребыть до конца вѣковъ.

Голова истукана была изъ золота и означаетъ народы Вавилона, который царилъ первый, какъ изъясняетъ самъ Даніилъ. «Ты самъ эта голова изъ золота», сказалъ онъ Навуходоносору. Вавилоняне царили, пока Вавилонъ не былъ завоеванъ *Киромъ,* который спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того вернулся въ Персію и Персовъ поставилъ выше Мидянъ. *Грудь и руки* истукана были изъ серебра и представляютъ *Персовъ,* господствовавшихъ надъ всею землей вслѣдъ за Вавилономъ. *Желудокъ и бедра* истукана были изъ мѣди и представляютъ собою Грековъ, которые, подъ властью Александра Великаго побѣдили Персовъ и господствовали вслѣдъ за ними. *Голени* были желѣзныя, они представляютъ Римлянъ. Римляне получили всемірное господство вслѣдъ за Греками и начали дѣло завоеванія ихъ въ 8-й годъ царствованія Антіоха Епифана. Въ этотъ именно годъ они побѣдили Персея, царя Македоніи, которая была

основаніемъ мірового греческаго государства; съ той поры Римъ возросъ въ могущественную имперію и державствовалъ съ великою мощью до дней Өеодосія Великаго. Тогда, благодаря вторженію сѣверныхъ народовъ, Римская имперія распалась на нѣсколько мелкихъ государствъ, которыя представляются *ступнями и пальцами* на ногѣ истукана, состоящими частью изъ желѣза, частью изъ глины. Ибо тогда, говоритъ Господь Даніилу «будетъ царство раздѣленное, и въ немъ останется нѣсколько крѣпости желѣза... А что ты видѣлъ желѣзо, смѣшанное съ глиною горшечною, это значитъ, что они смѣшаются чрезъ сѣмя человѣческое, но не сольются одно съ другимъ».

«И въ дни тѣхъ царствъ, говоритъ Даніилъ, Богъ небесный воздвигнетъ царство, которое во вѣки не разрушится; и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно, такъ какъ ты видѣлъ, что камень отторгнутъ былъ отъ горы не руками и раздробилъ желѣзо, мѣдь, глину, серебро и золото» (Гл. II, 44 и далѣе).

ГЛАВА IV.
Видѣніе четырехъ звѣрей.

Въ слѣдующемъ видѣніи — видѣніи четырехъ звѣрей — пророчество о четырехъ всемірныхъ царствахъ повторено съ нѣсколькими новыми добавленіями; таковы два *крыла льва, три клыка въ пасти медвѣдя, четыре крыла и четыре головы барса, одиннадцать роговъ* четвертаго *звѣря и Сынъ человѣческій,* грядущій на облакахъ небесныхъ къ Ветхому днями, возсѣдающему для суда.

Первый *звѣрь* былъ подобенъ льву и имѣлъ орлиныя крылья, что обозначаетъ царства Вавилонское и Мидійское, которыя покорили Ассирійскую имперію и раздѣлили ее между собою, благодаря чему сами стали могущественными и обратились въ міровыя державы. Въ предыдущемъ пророчествѣ Вавилонское царство было изображено въ видѣ золотой головы; въ этомъ — обѣ державы представлены вмѣстѣ въ виде *двухъ крыльевъ* льва. «Я *смотрѣлъ»,* говоритъ Даніилъ, *«доколѣ не вырваны у него были крылья, и онъ поднятъ былъ отъ земли и сталъ на ноги, какъ человѣкъ, и сердце человѣческое дано ему»* (Гл. VII, 4); т. е. доколѣ левъ не былъ униженъ и покоренъ и былъ принужденъ познать свой ограниченный удѣлъ человѣка.

Второй звѣрь былъ подобенъ *медвѣдю.* Онъ изображаетъ собою царство, которое господствовало надъ землей вслѣдъ за Вавилономъ, т. е. царство Персовъ. «Раздѣлено (или разрѣшено) царство твое, говоритъ Даніилъ царю Вавилонскому, и дано Мидянамъ и Персамъ» (Дан. V, 23). Этотъ звѣръ самъ возсядетъ на одинъ изъ троновъ, — что означаетъ, что Персы при паденіи Вавилона были подъ властью Мидянъ, а теперь поднялись выше ихъ. «И три клыка во рту у него (у звѣря) между зубами его» (Гл. VIII, 5) —

для обозначенія Сардъ, Вавилона и Египта, которые были покорены царствомъ Персидскимъ, но не принадлежали къ его собственному составу. И онъ пожиралъ много мяса — богатства этихъ трехъ государствъ.

Третій звѣрь было царство, которое послѣдовало за Персами, т. е. имперія Грековъ (Дан. VIII, 6, 7, 20, 21). Онъ былъ подобенъ *барсу*, чтобы обозначить лютую хищность его; и у него было четыре головы и четыре крыла, что обозначаетъ, что греческое государство должно раздѣлиться на четыре царства (Дан. VIII, 22), такъ какъ оно оставалось единымъ лишь въ теченіе царствованій Александра Великаго, брата его Аридея и малолѣтнихъ сыновей — Александра и Геркулеса; а затѣмъ раздѣлилось на четыре царства, такъ какъ правители областей возложили короны на свои головы и правили своими областями по взаимному соглашенію, каждый отдѣльно.

Кассандръ правилъ Македоніей, Греціей и Эпиромъ; Лизимахъ — Ѳракіей и Виѳиніей; Птоломей — Египтомъ, Ливіей, Аравіей, Килосиріей и Палестиной, и Селевкъ — Сиріей.

Четвертый *звѣрь* представлялъ державу, слѣдовавшую за имперіей Грековъ, это была Римская имперія. Этотъ звѣрь былъ необычайно страшенъ и свирѣпъ; у него были большіе желѣзные зубы, и онъ все пожиралъ и сокрушалъ въ куски, остатки же попиралъ своими ногами; такова именно и была Римская имперія. Она была обширнѣе, могущественнѣе, грознѣе и прочнѣе каждой изъ предыдущихъ. Она завоевала царство Македонское съ Илліріею и Эпиромъ, въ 8-й годъ царствованія Антіоха Епифана (580 г. эры Набонассара), унаслѣдовала царство Пергамское (эры Наб. 615); покорила Сирію (той же эры 679) и Египетъ (т. е. 718). Благодаря этимъ и другимъ завоеваніямъ она стала больше, страшнѣе каждаго изъ трехъ

предыдущихъ звѣрей. Эта имперія возрастала и усиливалась вплоть до Ѳеодосія Великаго и затѣмъ раздѣлилась на десять государствъ, символизированныхъ въ пророчествѣ десятью *рогами* этого *звѣря*. Она продолжала существовать въ раздѣленномъ видѣ, доколѣ Ветхій днями не возсѣлъ на престолѣ въ огненномъ пламени, и данъ былъ судъ, и «раскрылись книги... и звѣрь былъ убитъ, и тѣло его сокрушено и предано на сожженіе огню; и съ облаками небесными шелъ какъ бы Сынъ человѣческій и подошелъ къ Ветхому днями» и получилъ власть надъ всѣми народами, и данъ былъ судъ святымъ Всевышняго и настало время, когда они получили въ свою власть царство (Дан. VII, 10, 11, 13, 14, 22).

«Видѣлъ я, говоритъ Даніилъ, звѣрь былъ убитъ въ глазахъ моихъ, и тѣло его сокрушено и предано на сожженіе огню. И у прочихъ звѣрей отнята власть ихъ и продолженіе жизни дано имъ только на время и на срокъ». (Гл. VII, 11, 12). Слѣдовательно, всѣ 4 звѣря были живы, хотя власть у первыхъ трехъ и была отнята. Народы Халдеи и Ассиріи еще оставались, какъ тѣло перваго звѣря; народы Мидіи и Персіи представляли второго звѣря; народы Македоніи, Греціи и Ѳракіи, Малой Азіи, Сиріи и Египта — третьяго звѣря; а народы Европы по сю сторону Греціи — четвертаго звѣря. Видя такимъ образомъ, что тѣло третьяго звѣря состоитъ изъ народовъ, живущихъ по сю сторону р. Евфрата, а тѣло четвертаго — изъ народовъ по сю сторону Греціи, мы должны искать четыре головы 3-го звѣря между народами, обитавшими по сю сторону Евфрата, а всѣ 11 роговъ 4-го звѣря — между народами, жившими по сю сторону Греціи. Вслѣдствіе этого при раздѣленіи Греческой (Македонской) имперіи на четыре царства мы не включили туда Халдеевъ, Мидянъ и Персовъ, ибо они принадлежатъ къ тѣлу первыхъ двухъ звѣрей. Точно также мы не считаемъ Греческую имперію, утвердившуюся въ Константинополѣ, въ числѣ роговъ 4-го звѣря, такъ какъ она принадлежитъ къ тѣлу третьяго *звѣря*.

ГЛАВА V.
О царствахъ, представленныхъ ногами истукана, изваянными изъ желѣза и глины.

Дакія была обширной страной, окруженной съ юга Дунаемъ, съ востока Чернымъ моремъ, съ сѣвера рѣкой Днѣстромъ и горами Карпатскими и съ запада — рѣкою Тибезисомъ или Тейссою[10], которая течетъ на югъ и впадаетъ въ Дунай немного выше Бѣлграда. Она обнимала страны, называемыя нынѣ Трансильваніей, Молдавіей и Валахіей, и восточную часть верхней Венгріи. Ея древніе обитатели назывались Гетами по-гречески, Дакійцами по-латыни и Готами на ихъ собственномъ языкѣ. Александръ Великій воевалъ съ ними, а Траянъ покорилъ ихъ и обратилъ ихъ страну въ провинцію Римской имперіи, благодаря чему проповѣданіе Евангелія между Дакійцами было значительно облегчено. Населеніе Дакіи состояло изъ нѣсколькихъ Готскихъ племенъ, называемыхъ Остроготами, Визиготами (Вестготы), Вандалами, Гепидами, Лонгобардами, Бургундами, Аланами и т. д., которыя сходствовали въ своихъ обычаяхъ и говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ удостовѣряетъ Прокопій. Когда они находились подъ властью Римлянъ, Готы или Остроготы жили въ восточныхъ частяхъ Дакіи, Вандалы въ западной части по рѣкѣ Тейссѣ, гдѣ въ нее впадаютъ рѣки Марошъ и Кёрёшъ[11]. Визиготы обитали между ними. Гепиды, согласно

---

[10] Древняя Tisia, теперѣшняя Тисса. См. Henrici Kiepert «Formae orbis antiqui». Berlin, 1901. № 17. Illyricum et Thracia.

[11] Древняя Marisia и Crisia. См. Henrici Kiepert «Formae orbis antiqui». Berlin, 1901. № 17. Illyricum et Thracia.

Іорнанду, жили по Вистулѣ[12] (Вислѣ), Бургунды[13], племя Вандальское, обитали между Вислой и южными истоками Бористена (Днѣпра), въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Карпатскихъ горъ въ сѣверномъ направленіи, гдѣ Птоломей[14] помѣщаетъ ихъ подъ именемъ Фругундіоновъ и Бургіоновъ. Аланы, другое Готское племя, жили между сѣверными источниками Бористена (Днѣпра) и устьемъ рѣки Танаиса (Дона), гдѣ Птоломей помѣщаетъ гору Alanus, и на западъ отъ Меотійскихъ болотъ.

Всѣ эти племена находились подъ римскимъ владычествомъ до второго года царствованія императора Филиппа, а затѣмъ, вслѣдствіе неплатежа слѣдовавшаго имъ жалованія за военную службу, возстали. *Остроготы* основали собственное королевство, которое при короляхъ Остроготѣ, Книвѣ, Аларихѣ, Геперихѣ и Германарихѣ возрастало и усиливалось до 376 года по Р. **X.**; а затѣмъ вслѣдствіе вторженія Гунновъ изъ-за Танаиса и смерти Германариха, государство ихъ распалось на нѣсколько меньшихъ королевствъ. Гуннимундъ, сынъ Германариха, сдѣлался королемъ Остроготовъ, Фридигернъ — королемъ Визиготовъ, Виниѳаръ — королемъ части Готовъ, называвшихся Грутунгами по Амміану, Готуннами по Клавдіану и Сарматами или Скиѳами по инымъ источникамъ; Атанарихъ воцарился надъ другою частью Готовъ въ Дакіи, называвшихся Тервингами; Боксъ надъ Антами въ Сарматіи; а Гепиды также имѣли особаго короля. Вандалы бѣжали за Дунай отъ Геберика

---

12 Собственно на островахъ, образуемыхъ дельтой Вислы. См. Ѳ.Браунъ. «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. 1. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка». Пгр. 1889 г., стр. 32.

13 Бургунды, правильнѣе, Вуругунды, соотв. Paul. Dic. I, 13 (ed. Waitz, p. 54), Ουρουγουνδοι. См. Ѳ. Браунъ. «Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. — Готы и ихъ сосѣди до V вѣка, Пгр. 1899 г., стр. 314—316.

14 Procop. I. I, «De Bello Vandalico»

въ самыя удаленныя окраины имперіи въ самомъ концѣ царствованія Константина Великаго и заняли земли, предоставленныя имъ въ Панноніи этимъ императоромъ, гдѣ они и жили спокойно въ теченіе 40 лѣтъ, т. е. до 377 года, когда нѣкоторыя Готскія племена, убѣгая отъ Гунновъ, перешли черезъ Дунай и заняли земли, предоставленныя имъ Греческимъ императоромъ Валентомъ въ *Мизіи* и *Ѳракіи*. Но въ слѣдующемъ году они возстали, призвали изъ-за Дуная Готовъ, Аланъ и Гунновъ, разбили римское войско, убили императора Валента и вторглись въ Грецію и Паннонію до самыхъ Альпъ. Въ 379 и 380 году они были поражены оружіемъ императоровъ Граціана и Ѳеодосія и заключили миръ, подчинившись снова власти Римлянъ; Визиготы и Тервинги возвратились на свои мѣста осѣдлости въ Мизіи и Ѳракіи, Гунны удалились за Дунай, а Аланы и Грутинги заняли земли въ Панноніи.

Около 373 или 374 года Бургунды поднялись съ своихъ мѣстъ по Вислѣ и съ войскомъ въ 80.000 человѣкъ вторглись въ Галлію; но, будучи отражены, осѣли по сѣверному берегу Рейна выше Майнца. Въ 358 г. часть Салическихъ Франковъ съ своимъ королемъ, придя съ береговъ Сала, были приняты въ имперію императоромъ Юліаномъ и поселились въ Галліи между Брабантомъ и Рейномъ; король же ихъ Меллобаудъ былъ назначенъ императоромъ Граціаномъ Comes domesticorum. Точно также Рихомеръ, знатный Салическій Франкъ, получилъ отъ императора Ѳеодосія званіе Comes domesticorum и Magister utrinsgue Militiae, а въ 384 году по Р. Х. былъ назначенъ консуломъ вмѣстѣ съ Клеархомъ. Онъ былъ у Ѳеодосія въ большой милости и сопровождалъ его въ войнѣ противъ Евгенія, но умеръ во время похода и оставилъ сына по имени Тевдомира, который впослѣдствіи сдѣлался королемъ Салическихъ Франковъ въ Брабантѣ. Во время этой войны нѣкоторыя Франкскія племена изъ-за Рейна

вторглись въ Галлію подъ предводительствомъ *Генобальда, Маркомира иСунона,* но были отражены Стилихономъ; Маркомиръ при этомъ былъ убитъ, и ему унаслѣдовалъ въ Германіи сынъ его Фарамондъ.

Пока эти племена оставались спокойными въ предѣлахъ имперіи въ качествѣ подданныхъ Рима, многія другія пребывали въ такомъ же состояніи за Дунаемъ до самой смерти Ѳеодосія, а затѣмъ возстали съ оружіемъ въ рукахъ. Павелъ Діаконъ въ своей Historia Miscell. lib. XIV, разсказывая о временахъ, наступившихъ вслѣдъ за смертью этого императора, говоритъ: «Eodem tempore erant Gothi et aliae gentes maximae trans Danubium habitantes: ex quibus rationabiliores quatuor sunt, Gothi scilicet, Huisogothi, Gepides et Vandali; et nomen tantum et nihil aliud mutantes. Isti sub Arcadio et Honorio Danubium transeuntes, locati sunt in terra Romanorum: et Gepides quidem, ex quibus postea divisi sunt Longobardi et Avares, villas, quae sunt circa Singidonum et Sirmium, habitavere».

«Въ то же самое время Готы и другія сильныя племена обитали за Дунаемъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстны были четыре племени, а именно: Готы, Визиготы, Гепиды и Вандалы; различались они только по имени и ни по чему иному; перейдя черезъ Дунай при Аркадіи и Гоноріи, они были поселены въ землѣ Римлянъ; Гепиды же, изъ которыхъ впослѣдствіи выдѣлились Лонгобарды и Авары, обитали въ селеніяхъ вокругъ Сингидона и Сирмія». Прокопій въ началѣ своей «Исторіи Вандаловъ» (Historia Vandalica) пишетъ то-же самое. До этого времени Западная имперія была единой, а съ этой поры раздѣлилась на нѣсколько государствъ.

Ѳеодосій умеръ въ 395 году послѣ Р. Х.; и тогда Визиты, подъ предводительствомъ Алариха, наслѣдника Фридигерна, поднялись съ своихъ мѣстъ во Ѳракіи и опустошали Македонію, Ѳракію, Ахаію, Пелопоннесъ и

Эпиръ огнемъ и мечомъ въ теченіе пяти лѣтъ; затѣмъ, направившись на западъ, они вторглись въ Далмацію, Иллирію и Паннонію; отсюда же, въ 402 году послѣ Р. Х., они вступили въ Италію; но въ слѣдующемъ году потерпѣли при Поллентѣ и Веронѣ такое пораженіе отъ Стилихона, вождя военныхъ силъ Западной имперіи, что Клавдіанъ называетъ остатки силъ Алариха tanta ex gente reliquias breves (малыми обломками великаго племени), а Пруденцій — gentem deletam (народомъ погибшимъ). Вслѣдствіе этого Аларихъ заключилъ съ императоромъ миръ, при чемъ чувствовалъ себя такъ униженнымъ, что, по словамъ Орозія, сталъ pro pace optima et quibuscunque sedibus suppliciter et simpliciter orare (т. е. просто умолялъ униженно о лучшихъ условіяхъ мира и предоставленіи его народу хоть какихъ-нибудь земель для поселенія).

Этотъ миръ былъ закрѣпленъ взаимными заложниками; къ Алариху въ качествѣ заложника былъ посланъ Аэцій, и Аларихъ продолжалъ оставаться независимымъ владѣтелемъ въ земляхъ, дарованныхъ ему императорскимъ указомъ.

Вслѣдъ за Аларихомъ пришли въ движеніе и племена, обитавшія за Дунаемъ; въ ближайшую зиму — съ 395-го на 396-й годъ — большія толпы Гунновъ, Алановъ, Остроготовъ, Гепидовъ и другихъ сѣверныхъ племенъ перешли по льду Дунай, по приглашенію Руфина, въ то время, какъ соплеменники ихъ, занимавшіе земли внутри имперіи, также взялись за оружіе. Іеронимъ называетъ эти огромныя толпы Гуннами, Аланами, Вандалами, Готами, Сарматами, Квадами и Маркоманами, и говоритъ, что они наводнили всѣ мѣстности между Константинополемъ и Юліанскими Альпами, опустошая Скиѳію, Ѳракію, Македонію, Дарданію, Дакію, Ѳессалію, Ахаію, Эпиръ, Далмацію и всю Паннонію. Свевы вторглись также въ Рэцію; ибо въ то время, какъ Аларихъ опустошалъ

Паннонію, Римляне были заняты защитой Рэціи. Это дало Алариху возможность вторгнуться въ Италію, какъ это изображено къ поэмѣ Клавдіана:

Non nisi perfidia nacti penetrabile tempus,
Irrupere Getae, nostras dum Raetia vires
Occupat, atque alio desudant Marte cohortes,

(т. е. «избравъ при помощи вѣроломства удобное время, вторглись Геты въ то время, какъ наши силы были заняты въ Рэціи, и когорты подвизались на иномъ полѣ брани»).

Когда же Аларихъ отправился отсюда въ Италію, другія варварскія племена вторглись въ Норикъ и Винделицію, какъ пишетъ тотъ же поэтъ Клавдіанъ:

....Jam foedera gentes
Exuerant, Latiique audita clade feroces
Vendelicos saltus et Norica rura tenebant

(т. е. «уже нарушили народы договоры и, услышавъ о пораженіи Лаціума, захватили дикія Венделикскія ущелья и Норійскія села»).

Это происходило въ 402 и 403 году. Среди этихъ племенъ я склоненъ предполагать Свевовъ, Маркомановъ и Квадовъ, такъ какъ въ это время они взялись за оружіе. Квады и Маркоманы были Свевскими племенами; первоначально они пришли изъ Богеміи и съ рѣки Свева или Спрека въ Лузатіи; къ этому же времени они объединились подъ властью одного общаго короля по имени Эрмериха, который вскорѣ повелъ ихъ въ Галлію. Вандалы и Аланы около этого времени также вторглись въ Норикъ. Равно и Ульдинъ перешелъ Дунай во время ссылки Іоанна Златоуста, т. е. въ 404 г. по Р. Х., съ большими толпами Гунновъ и опустошилъ Ѳракію и Мизію. *Радагезъ,* король Грутунновъ и преемникъ Виниѳара, призвавъ еще большее число варваровъ изъ-за Дуная, вторгся въ Италію съ войскомъ свыше 200 тысячъ Готовъ, но,

преслѣдуемый Стилихономъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, погибъ вмѣстѣ съ войскомъ, въ 405 или 406 году по Р. Христовомъ. Во время этой войны Стилихонъ подвергся нападенію великаго множества Гунновъ и Остроготовъ подъ предводительствомъ Ульдина и Саруса, которые были наняты императоромъ Гоноріемъ.

Во время всѣхъ этихъ смутъ Лонгобарды въ Панноніи принуждены были вооружиться сами для собственной защиты и обезпеченія своей свободы, такъ какъ Римляне не были уже въ состояніи оказать имъ покровительство.

Затѣмъ Стилихонъ задумалъ самъ стать императоромъ. Онъ назначилъ военнымъ префектомъ Алариха и послалъ его на востокъ на службу западнаго императора Гонорія; при этомъ онъ ввѣрилъ предводительству Алариха нѣкоторое количество римскихъ отрядовъ для подкрѣпленія его готской арміи и обѣщалъ выступить вслѣдъ за нимъ со своими собственными войсками. Онъ расчитывалъ вернуть нѣкоторыя области Иллирія, которыя восточный императоръ, какъ его обвиняли, несправедливо захватилъ у Западной имперіи, но тайный замыселъ его заключался въ томъ, чтобы самому сдѣлаться императоромъ при помощи Вандаловъ и ихъ союзниковъ, такъ какъ и самъ онъ былъ Вандалъ. Чтобы облегчить исполненіе этого замысла, онъ подговорилъ большое число варварскихъ народовъ вторгнуться въ Западную имперію въ то время, когда онъ и Аларихъ вторгнутся въ Восточную. И эти народы, подъ предводительствомъ своихъ королей — Вандалы подъ предводительствомъ Годегизила, Аланы въ двухъ отрядахъ, одинъ подъ начальствомъ Гоара, другой — Респлендіала, а Свевы, Квады и Маркоманы подъ предводительствомъ Эрмериха, выступили черезъ Рэцію на берега Рейна, предоставивъ свои жилища въ Панноніи Гуннамъ и Остроготамъ; въ дальнѣйшемъ же

походѣ они соединились съ Бургундами и взбунтовали Франковъ. Въ концѣ декабря 406 года они перешли Рейнъ при Майнцѣ и вторглись въ Germania prima (ближнюю къ Риму Германскую область) и прилежащія страны; между прочимъ они захватили Триръ. Затѣмъ они перешли въ Бельгію и начали опустошать эту страну. Вслѣдствіе этого Салическіе Франки въ Брабантѣ взялись за оружіе подъ предводительствомъ Тевдомира, сына Рицимера или Рихомера, упомянутаго выше, дали имъ могучій отпоръ, и перебили почти 20 т. Вандаловъ вмѣстѣ съ королемъ ихъ Годегизиломъ, также павшимъ въ битвѣ; остальные же спаслись отъ избіенія только благодаря Аланамъ Респлендіала, которые во-время пришли къ нимъ на помощь.

Въ то же время солдаты Британского легіона, возбужденные слухами о такихъ происшествіяхъ, взбунтовались и поставили надъ собою тиранновъ: сначала Марка, котораго они вскорѣ же убили, затѣмъ Граціана, котораго они убили черезъ 4 мѣсяца, и наконецъ Константина, подъ предводительствомъ котораго они въ 408 году вторглись въ Галлію, получивъ помощь отъ Гоара и Гундикара. А Константинъ, овладѣвъ значительной частью Галліи, сдѣлалъ сына своего Константа кесаремъ и послалъ его въ Испанію, чтобы привести тамъ свои дѣла въ порядокъ.

Въ то же самое время Респлендіалъ, видя описанное пораженіе Вандаловъ и зная, что Гоаръ перешелъ на сторону Римлянъ, увелъ свои войска съ Рейна, и вмѣстѣ съ Свевами и остатками Вандаловъ направился въ Испанію; Франки же продолжали одерживать побѣды, при чемъ имъ удалось отбить обратно Триръ, который они опустошили и затѣмъ оставили Римлянамъ. Варвары сначала остановились у Пиренейскихъ горъ, что заставило ихъ разсѣяться по Аквитаніи; но на слѣдующей годъ проходъ черезъ Пиренеи былъ указанъ имъ однимъ изъ солдатъ

Константа, и, вторгшись въ Испанію въ 4 день октябрьскихъ календъ 409 года, они завоевали тамъ все, что только было возможно, и наконецъ, въ 411 году, раздѣлили свои завоеванія по жребію: Вандаламъ досталась Боэтика и часть Галиціи, Свевамъ остальная Галиція, а Аланамъ Лузитанія и Карѳагенская провинція; императоръ же ради мира закрѣпилъ за ними эти мѣста указомъ по Р. Х. въ 413 году.

Римскіе Франки, вышепоименованные, избравъ Тевдомира своимъ королемъ, начали, вслѣдъ за пораженіемъ Вандаловъ, нападать на своихъ сосѣдей. Первыми, на которыхъ они напали, были Брабантскіе Галлы; но, встрѣтивъ со стороны послѣднихъ сильный отпоръ, они порѣшили вступить съ ними въ союзъ. Итакъ, эти Галлы отпали отъ Римлянъ и вступили въ тѣсный союзъ съ Франками, чтобы стать однимъ народомъ. Вступая между собою въ браки и усваивая взаимно обычаи, они стали единымъ народомъ безъ всякаго различія Галла отъ Франка. Такъ, благодаря присоединенію этихъ Галловъ, а также и пришлыхъ Франковъ, которые впослѣдствіи пришли изъ-за Рейна, Салическое государство скоро стало весьма обширнымъ и могущественнымъ.

Походъ Стилихона противъ Греческаго императора былъ остановленъ по приказу Гонорія; тогда Аларихъ перешелъ изъ Эпира въ Норикъ и потребовалъ за свою службу большую сумму денегъ. Сенат намѣревался было отказать ему. Однако, благодаря посредничеству Стилихона, предписалъ удовлетворить его. Но когда черезъ нѣсколько времени Стилихонъ былъ обвиненъ въ измѣнническомъ заговорѣ съ Аларихомъ и казненъ въ 10 день сентябрьскихъ календъ 408 года по Р. Х., то Алариху, вслѣдствіе этого, отказали въ уплатѣ денегъ, — и онъ былъ объявленъ врагомъ имперіи; тогда онъ немедленно ворвался въ Италію съ войскомъ, которое онъ привелъ изъ Эпира, и послалъ за

своимъ братомъ Адольфомъ, чтобы тотъ шелъ за нимъ со всѣми своими силами, которыми онъ располагалъ въ Панноніи; войско это было хотя невелико, но пренебрегать имъ, однако, было невозможно. Тогда Гонорій, опасаясь быть запертымъ въ Римѣ, удалился въ Равенну въ октябрѣ 408 года. И съ тѣхъ поръ Равенна сдѣлалась постояннымъ мѣстопребываніемъ Западныхъ императоровъ. Въ то же время Гунны также вторглись въ Паннонію и, захвативъ покинутыя жилища Вандаловъ, Алановъ и Готовъ, основали тамъ новое королевство. Аларихъ, подступивъ къ Риму, осадилъ его, и въ 9 день сентябрьскихъ календъ 410 года по Р. Х. взялъ его; послѣ этого, пытаясь переплыть въ Африку, онъ потерпѣлъ крушеніе. Тогда Гонорій заключилъ съ нимъ миръ и собралъ армію, чтобы послать ее противъ тиранна Константина.

Въ то же самое время Геронтій, одинъ изъ вождей Константина, отпалъ отъ него и поставилъ Максима императоромъ Испаніи. Вслѣдствіе этого Константинъ послалъ Эдобека, другого изъ своихъ военачальниковъ, склонить на свою сторону варваровъ, жившихъ подъ властью Гоара и Гундикара въ Галліи, и просить помощи Франковъ и Аллемановъ, жившихъ за Рейномъ; охрану же Віенны въ Нарбоннской Галліи ввѣрилъ сыну своему Констансу. Геронтій, наступая, убилъ сначала Констанса въ Віеннѣ, а затѣмъ приступилъ къ осадѣ Константина въ Арлѣ. Но такъ какъ Гонорій въ то же самое время послалъ Констанція съ войскомъ съ такимъ же порученіемъ, то Геронтій бѣжалъ, а Констанцій продолжалъ осаду, увеличивъ свои силы присоединеніемъ большей части солдатъ Геронтія. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады Эдобекъ привелъ къ осажденнымъ помощь, и варварскіе короли Гоаръ и Гундикаръ избрали Іовина императоромъ и вмѣстѣ съ нимъ выступили для освобожденія Арля. При ихъ приближеніи Констанцій отступилъ. Они

преслѣдовали его, но онъ нечаяннымъ нападеніемъ разбилъ ихъ; но такъ какъ онъ не воспользовался побѣдой, то варвары вскорѣ опять собрались съ силами, не настолько однако, чтобы помѣшать паденію тиранновъ Константина, Іовина и Максима. Британію же оказалось уже невозможно вновь присоединить къ имперіи, и она навсегда осталась особымъ королевствомъ.

Въ слѣдующемъ 412 году Визиготы были разбиты въ Италіи, и Аквитанія разрѣшила имъ вернуться въ ея предѣлы; они же вошли въ нее, производя большія насилія и вынуждая Алановъ и Бургундовъ отступать, отчего страна обезлюдѣла. Въ то же самое время Бургунды были принуждены къ миру, и императоръ предоставилъ имъ въ наслѣдственное владѣніе область по Рейну, которую они занимали; такимъ же образомъ, какъ кажется, онъ поступилъ и съ Аланами. Но такъ какъ Франки немного спустя отняли у Римлянъ и сожгли Триръ, то въ 416 году послѣ Р. Х. противъ нихъ былъ посланъ Кастинъ съ войскомъ, и онъ побѣдилъ ихъ и убилъ ихъ короля Тевдомира. Это было вторичное завоеваніе Трира Франками. Такимъ образомъ онъ подвергался захвату всего четыре раза — одинъ разъ Вандалами и три раза Франками. Тевдомиру наслѣдовалъ Фарамондъ, князь или король Салическихъ Франковъ въ Германіи. Приведя оттуда новыя силы, онъ сталъ править надъ всею страной, и императоръ предоставилъ ему земли для его народа въ предѣлахъ имперіи по Рейну.

И вотъ всѣ варвары были умиротворены и поселились въ различныхъ королевствахъ въ предѣлахъ имперіи не только по праву завоеванія, но и вслѣдствіе жалованныхъ грамотъ императора Гонорія. Ибо Рутилій своемъ «Путеводителѣ», написанномъ осенью въ 1169-мъ году отъ основанія Рима, т. е., согласно исчисленію

Варрона, въ 416 году послѣ Р. Х., такъ оплакиваетъ опустошенныя поля:

Illa quidem longis nimium deformia bellis

(т. е. «вотъ разрушеніе, произведенное долгими войнами»); и затѣмъ прибавляетъ:

Iam tempus laceris post longa incendia fundis
Vel pastorales aedificare casas

(т. е. «уже пора на опустошенныхъ непрерывными пожарами помѣстьяхъ построить сельскіе хижины»).И немного далѣе:

Aeternum tibi Rhenus aret,

т. е. «на вѣки будетъ для тебя Рейнъ огненной преградой». И Орозій въ концѣ своей исторіи, которая заканчивается на 417 году по Р. Х., изображаетъ всеобщее умиротвореніе варварскихъ народовъ словами: comprimere, coangustare, addicere gentes immanissimas», т. е. «подавленіе, усмиреніе, подчиненіе многочисленнѣйшихъ племенъ», обозначая ихъ словомъ imperio addictas (подданныя имперіи), такъ какъ они заняли земли внутри имперіи согласно союзу и договору, и словомъ coangustatas (усмиренныя), такъ какъ они не смѣли уже нападать на сосѣднія области, когда имъ вздумается, но по тѣмъ же договорамъ оставались мирно на тѣхъ мѣстахъ, которыя были предоставлены имъ. И вотъ эти народы и представляли тѣ царства, изъ которыхъ состояли съ той поры *ноги истукана,* сдѣланныя изъ желѣза и глины, которыя не смѣшивались одно съ другимъ и были различной крѣпости.

ГЛАВА VI.
О десяти царствахъ, символизированныхъ десятью рогами четвертаго звѣря.

Итакъ, благодаря войнамъ, выше изображеннымъ, Западная имперія Римлянъ ко времени осады и взятія Рима Готами, раздѣлилась на слѣдующія десять государствъ:

1.— Королевство Вандаловъ и Алановъ въ Испаніи и Африкѣ.

2.— Королевство Свевовъ въ Испаніи.

3.— Королевство Визиготовъ.

4.— Королевство Алановъ въ Галліи.

5.— Королевство Бургундовъ.

6.— Королевство Франковъ.

7.— Королевство Британцевъ.

8.— Королевство Гунновъ.

9.— Королевство Лонгобардовъ.

10.— Королевство Равеннское.

Семь изъ этихъ государствъ перечислены Сигоніемъ въ слѣдующихъ словахъ: Honorio (1) regnante in Pannoniam Hunni (2), in Hispaniam Vandali (3), Alani (4), Suevi (5), et Cothi (6), in Galliam Alani (4), Burgundiones (7), et Gothi (6), certis sedibus permissis, accepti». («Въ царствованіе Гонорія въ Паннонію были приняты Гунны, въ Испанію Вандалы, Аланы, Свевы, Готы, въ Галлію Аланы, Бургунды и Готы, и всѣмъ было предоставлено опредѣленное мѣстожительство»). Прибавивъ Франковъ, Британцевъ и Лонгобардовъ, мы получимъ десять государствъ, ибо они возникли въ одно и то же время съ указанными семью. Разсмотримъ ихъ каждое въ отдѣльности.

1.— Королями Вандаловъ были: по Р. Х. въ 407 году Годегизилъ, въ 407 Гундерихъ, въ 426 Гейзерихъ, въ 477 Гуннерихъ, въ 484 Гундемундъ, въ 496 Ѳразамундъ,

въ 523 Гейзерихъ, въ 530 Гелимеръ. Годегизилъ повелъ Вандаловъ въ Галлію въ 406 году, Гуннерихъ въ Испанію въ 409, Гейзерихъ (Гензерихъ) въ Африку въ 427[15], и Геллимеръ былъ побѣжденъ Велизаріемъ въ 533 г. Королевство Вандаловъ существовало въ Галліи, Испаніи и Африкѣ вмѣстѣ всего 126 лѣтъ, и въ Африкѣ оно было очень могущественно. Аланы имѣли въ Испаніи только двухъ собственныхъ королей — Респлендіала и Атака, Утака или Отакара. Ведомые Респлендіаломъ, они пришли во Францію въ 407 году и въ Испанію въ 409. Атакъ былъ убитъ вмѣстѣ со всѣмъ почти своимъ войскомъ Валліей, королемъ Визиготовъ, въ 419 по Р. Х. И тогда остатки Аланъ подчинились Гундериху, королю Вандаловъ въ Боэтикѣ, и впослѣдствіи ходили вмѣстѣ съ ними въ Африку, какъ это можно видѣть у Прокопія. Съ тѣхъ поръ короли Вандаловъ стали называть себя королями Вандаловъ и Аланъ, какъ это можно видѣть изъ эдикта Гуннериха, приводимого Викторомъ въ его изслѣдованіи исторіи Вандаловъ. Въ соединеніи съ Хаттами эти Аланы дали имя Каталоніи или Кат-Аланіи, провинціи, и до сей поры сохранившей это названіе. Между Аланами были также Гепиды, и вслѣдствіе этого Гепиды пришли въ Паннонію прежде, чѣмъ Аланы покинули ее. Тутъ они стали подданными Гунновъ вплоть до смерти Аттилы въ 454 г. по Р. Х., и наконецъ были покорены Остроготами.

2.— Королями Свевовъ были: въ 407 г. Эрмерихъ, 438 Рехила, 448 Рехіарій, 458 Мальдра, 460 Фрумарій, 463 Регизмундъ. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ королей, которые остались неизвѣстными, царствовали: Тевдомиръ съ 558, съ 568 Миро, съ 582 Эвборикъ и съ 583 Андека. Это королевство, основавшись въ Испаніи, всегда оставалось въ Галлиціи и Лузитаніи. Эрмерихъ послѣ паденія Аланскаго королевства, распространилъ

[15] Основаніе вандальск. королевства въ Африкѣ относится къ 439 г. *Прим. изд.*

королевство Свевовъ на всю Галлицію, принудивъ Вандаловъ удалиться въ Боэтику и Карѳагенскую провинцію. Это королевство, согласно Исидору, просуществовало 177 лѣтъ и затѣмъ было покорено Леовигильдомъ, королемъ Визиготовъ, и стало провинціей его королевства въ 585 году по Р. Х.

3.— Королями Визиготовъ (Вестготовъ)[16] были: въ 400 году Аларихъ (1-й), 410 Атаульфъ, 415 Сергерихъ и Валлія, 419 Теодорихъ, 451 Торизмундъ, 452 Теодорихъ, 465 Эврихъ, 482 Аларихъ, 505 Гензаларихъ, 526 Амаларихъ, 531 Тевдій, 548 Тевдисклъ и проч. Я веду начало этого государства съ того времени, когда Аларихъ покинулъ Ѳракію и Грецію и вторгся въ Западную имперію. Въ концѣ царствованія Атаульфа Готы были стѣснены Римлянами и пытались перейти изъ Франціи въ Испанію, Сергерихъ царствовалъ лишь нѣсколько дней.

Въ началѣ царствованія Валліи они снова напали на Римлянъ, но опять потерпѣли пораженіе и заключили миръ на томъ условіи, чтобы при помощи имперіи напасть на варварскія королевства въ Испані; и они сдѣлали это совмѣстно въ Римлянами въ 417 и 418 году и разбили Алановъ и часть Вандаловъ. Тогда они получили отъ императора въ полный даръ Аквитанію, предоставивъ ему всѣ свои завоеванія въ Испаніи; и такимъ образомъ земли побѣжденныхъ Аланъ поступили въ руки Римлянъ. Въ 455 году Теодорихъ съ помощью Бургундовъ вторгся въ Испанію, которая была тогда почти вся подчинена Свевамъ, и отнялъ у нихъ часть ея. Въ 506 году Готы были изгнаны изъ Галліи Франками. Въ 585 году они завоевали Свевское королевство и стали господами всей Испаніи. Въ 713 году на нихъ напали Сарацины, но на время они отстояли свои владѣнія и продолжали владѣть Испаніей.

---

[16] Мы удерживаемъ терминологію Ньютона. *Прим. изд.*

4.— Королями Алановъ въ Галліи были: Гоаръ, Самбида, Эохарихъ, Сангибанъ, Беургъ и друг. Подъ предводительствомъ Гоара они вторглись въ 407 году въ Галлію и получили тамъ земли по Рейну въ 412 году. Во время царствованія Самбиды, котораго Бухеръ считаетъ наслѣдникомъ, если не сыномъ Гоара, они получили земли въ Валенціи, данныя имъ въ 440 г. Аэціемъ, полководцемъ императора. При Эохарихѣ они покорили область возставшихъ Арборійскихъ Галловъ, предоставленную имъ тѣмъ же Аэціемъ. Эта область по ихъ имени названа Алансономъ, Alenconium, quasi Alanorum conventus. При Сангибанѣ они подверглись нашествиію, и ихъ столичный городъ Орлеанъ былъ осажденъ Аттилою, королемъ Гунновъ, съ огромнымъ войскомъ въ 500.000 человѣкъ. Аэцій и варварскіе короли Галліи пришли на помощь осажденнымъ и поразили Гунновъ въ достопамятной битвѣ въ 451 году in campis Catalaunicis (Каталаунскихъ поляхъ), названныхъ такъ по имени Хаттовъ и Алановъ. Эта область называется нынѣ Кампанія или Шампань. Въ этой битвѣ пало съ обѣихъ сторонъ 162.000 человѣкъ. Годъ или два спустя Аттила вернулся съ огромнымъ войскомъ для завоеванія этого королевства, но опять былъ разбитъ Аланами вмѣстѣ съ Визиготами (Вестготами) въ битвѣ, продолжавшейся три дня, при чемъ кровопролитіе было почти столь же велико, какъ и въ первой битвѣ. Подъ предводительствомъ Беурга или Біоргора галльскіе Аланы производили опустошенія почти по всей Галліи, что продолжалось до воцаренія императора Максима; тогда они зимою перешли Альпы и явились въ Лигурію, но были здѣсь разбиты, а Беургъ убитъ Рицимеромъ, начальникомъ императорскихъ силъ, въ 464 г. Послѣ этого они были разбиты еще разъ соединенными силами Одоакра, короля Италіи[17], и

[17] Одоакръ былъ собственно вождемъ Геруловъ, провозгласившимъ себя впослѣдствіи королемъ Италіи, хотя

Хильдериха, короля Франкскаго, около 480 г. по Р. Х., и затѣмъ еще разъ Тевдобертомъ, королемъ Австрійскихъ Франковъ, въ 511 году.

5.— Королями Бургундовъ были: съ 407 г. Гундикаръ, съ 436 Гундіохъ, 467 Билимеръ, 473 Гундобальдъ съ своими братьями, 510 Сигизмундъ, 517 Годомаръ. При Гундикарѣ Бургунды вторглись въ Галлію въ 407 году и получили по указу императора земли вблизи Рейна въ Бельгійской Галліи въ 412 г. (413?). Между ними находились Саксы, которые были настолько могущественны, что Орозій въ 417 г. писалъ о нихъ, что «они составляютъ преобладающую часть Бургундовъ». Въ 435 году они потерпѣли большое пораженіе отъ Аэція и вскорѣ послѣ того отъ Гунновъ; но спустя пять лѣтъ послѣ этого *Савой* предписалъ имъ размежеваться съ туземцами, и съ этого времени они опять стали могущественнымъ королевствомъ, ограниченнымъ рѣкою Роною, а впослѣдствіи распространившимся глубоко дальше въ сердце Галліи. Гундобальдъ покорилъ области по рѣкамъ Арарису[18] и Ронѣ вмѣстѣ съ территоріями Марселя; и, вторгшись въ Италію во время царствованія императора Гликерія, они покорили себѣ всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Годомаръ сдѣлалъ Орлеанъ своей королевской резиденціей: отсюда и королевство стало называться Regnum Anrelianorum. Онъ былъ побѣжденъ Клотаріемъ и Хильдебертомъ, королемъ Франкскимъ, въ 526 г. Съ той поры это королевство то соединялось съ королевствомъ Франковъ, то опять отдѣлялось отъ него до самаго царствованія Карла Великаго, который сдѣлалъ сына своего Клотаря королемъ Бургундіи. Съ этого времени

номинально и признававшимъ надъ собою верховную власть восточно-римск. импер. Зенона (474—491). *Примѣч. изд.*

[18] Древній Araurіs къ западу отъ Рона или Arar, впадающій въ Рону съ сѣвера около Lugdunum, или наконецъ Arura, притокъ Рейна.

въ теченіе почти 300 лѣтъ оно имѣло своихъ собственныхъ королей, а затѣмъ было раздѣлено на герцогство Бургундское, графство Бургундское и графство Савойское; впослѣдствіи же и они подѣлились на еще меньшія графства.

6.– Королями Франковъ были: съ 407 г. Тевдомиръ, 417 Фарамондъ, 428 Клодіо, 448 Меровей, 456 Хильдерихъ, 482 Клодовей и проч. Винделинъ и Бухеръ, два наиболѣе добросовѣстныхъ изслѣдователя происхожденія этого королевства, относятъ его къ одному году съ годомъ вторженія варваровъ въ Галлію, т. е. къ 407-му по Р. Х. Относительно перваго короля въ манускриптахъ Лаббіевой Библіотеки имѣется слѣдующее мѣсто: «Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, извлеченныя изъ древняго родословнаго гербовника королей Франціи.

«Генобальдъ, Маркомеръ, Сунонъ, Тевдомиръ. Эти вожди или царьки существовали въ разное время отъ самаго начала племени Франкскаго. Но историкамъ неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одинъ за другимъ.

Фарамондъ. При этомъ первомъ своемъ королѣ Франки впервые установили у себя законы, которые предложены были вождями Визогастомъ, Астрогастомъ, Салегастомъ.

Хлохило. Этотъ король, перейдя Рейнъ, поразилъ въ Карбонерскомъ лѣсу Римлянъ, взялъ Камаракъ и удержалъ его за собою; правилъ 20 лѣтъ. При немъ Франки дошли до высшей степени процвѣтанія.

Меровехъ. При немъ Франки разрушаютъ Тревиръ, захватываютъ Мецъ (Metim) и доходятъ до Орлеана».

Что же касается до Генобальда, Маркомера и Сунона, то они были вождями зарейнскихъ Франковъ

въ царствованіе Ѳеодосія, и о нихъ мы теперь не будемъ говорить.

Мы начнемъ съ *Тевдомира,* перваго короля возставшихъ салическихъ Франковъ, названнаго Дидіономъ у Иво Карнотскаго и Тіедономъ и Тевдемеромъ у Ренана.

Изображеніе его лица существуетъ на одной золотой монетѣ съ надписью THEUDEMIR REX; объ этомъ писалъ *Петавій,* самая же монета сохранилась и позже, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Венделинъ. Существованіе этой монеты доказываетъ, что Тевдомиръ быдъ королемъ и при томъ въ Галліи, такъ какъ въ грубой варварской Германіи еще не была извѣстна чеканка монетъ и употребленіе латинскихъ словъ и письменъ. Тевдомиръ приходился сыномъ Рицимеру или Рихомеру, любимцу императора Ѳеодосія; и такъ какъ онъ былъ Римскій Франкъ и происходилъ изъ салическаго королевскаго рода, то после возстанія его и выбрали королемъ. Описаніе всего царствованія этого короля можно найти въ «Извлеченіяхъ изъ Фредигарія» Григорія Турскаго (Excerptis Gregorii Turonensis é Fredigario гл. 5, б, 7, 8), гдѣ въ видѣ ряда послѣдовательныхъ событій описаны: избраніе Тевдомира королемъ, тираннія Іовина, избіеніе сторонниковъ Іовина, вторичное взятіе Франками Трира и ихъ война съ Кастиномъ, въ которой этотъ король былъ убитъ.

Лѣтописецъ говоритъ: «Когда у Франковъ прекратилось правленіе герцоговъ, то они стали избирать королей изъ того же самаго рода, изъ котораго избирались ранѣе герцоги. Въ то же самое время Іовинъ захватилъ знаки королевскаго достоинства. Константинъ бѣжалъ въ Италію, но, настигнутый погоней, посланной Іовиномъ, былъ обезглавленъ невдалекѣ отъ рѣки *Ментисъ* многіе изъ знатныхъ по приказанію Іовина были захвачены у Авернскихъ

Франковъ, и военачальниками Гонорія были подвергнуты жестокой смерти. Городъ *Тревировъ*, благодаря измѣнѣ одного изъ сенаторовъ по имени Луція, былъ взятъ Франками и сожженъ. Кастинъ, императорскій комесъ, предпринялъ экспедицію противъ Франковъ» и т. д.— Затѣмъ, возвращаясь опять къ Тевдомиру, лѣтописецъ прибавляетъ:

«Франки, руководствуясь своими древними обычаями, тщательно разыскавъ по длиннымъ волосамъ потомка изъ рода Пріама, Фрига и Франціана, по имени Тевдомира, сына Рихомера, поставили его надъ собою королемъ. Впослѣдствіи онъ былъ убитъ Римлянами въ той битвѣ, о которой я только что упомянулъ выше» (т. е. въ битвѣ съ войскомъ Кастина). О смерти его Григорій Турскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «In consularibus legimus Theodemerem regem Francorum filium Ricimeris quondam, et Ascilam matrem ejus, gladio interfectus (т. е. «въ консуляріяхъ мы читаемъ, что Тевдомиръ, король Франковъ, сынъ Рихомера, и Асцила, мать его, были убиты мечомъ)».

Послѣ этой побѣды Римлянъ Франки и возставшіе Галлы, которые при Тевдомирѣ были въ войнѣ другъ съ другомъ, соединились и тѣмъ усилились, какъ замѣчаетъ Ордерикъ Виталисъ: «Галлы, прежде чѣмъ возстали противъ Римлянъ, вступили въ союзъ съ Франками и, соединившись такимъ образомъ, избрали себѣ въ короли Фарамонда, сына герцога Сунона»[19] Просперъ устанавливаетъ время этого событія такими словами: «Anno 25 Honorii Pharamundus regnat in Francia», т. е.«Фарамондъ воцарился во Франціи въ 25-й годъ царствованія Гонорія». Это соотвѣтствуетъ, какъ правильно замѣчаетъ Бухеръ, концу 416-го года или началу 417, если начало царствованія Гонорія считать со дня смерти Валентиніана; и онъ дѣлаетъ правильное заключеніе, что Фарамондъ былъ королемъ не только по

[19] Apud Bucherum, 1. 14, c. 9, n. 8.

законамъ Франковъ, но и короновался съ согласія Гонорія и владѣлъ частью Галліи, предоставленной ему по договору. Это могло послужить причиной, почему Римскіе писатели считаютъ его первымъ королемъ; многіе же, не понявъ этого, *думаютъ, что онъ основалъ это королевство* при помощи *войска изъ* зарейнскихъ Франковъ. Быть можетъ, онъ и пришелъ съ такимъ войскомъ, но онъ наслѣдовалъ Тевдомиру по праву крови и съ согласія народа. Ибо, согласно вышецитированному мѣсту изъ Фредигарія («Extinctis Ducibus in Francis denuo Reges creantur ex eadem stirpe qua prius fuerant, т. е. «по прекращеніи поколѣнія герцоговъ во Франціи короли стали избираться изъ того же рода, какъ раньше герцоги») слѣдуетъ, что королевская власть принадлежала вновь избранной династіи въ теченіе царствованія болѣе, чѣмъ одного короля. Если начало царствованія Гонорія считать со дня смерти его отца, то начало царствованія Фарамонда придется считать двумя годами позже, чѣмъ это опредѣлено у Бухера. Извѣстные намъ *Салическіе* законы, составленные въ его царствованіе, самымъ именемъ своимъ доказываютъ, что онъ правилъ королевствомъ *Саліевъ,* денежныя же пени, устанавливаемыя этими законами, устанавливаютъ тотъ фактъ, что область, гдѣ онъ царствовалъ, изобиловала деньгами и, слѣдовательно, находилась внутри предѣловъ имперіи, такъ какъ внѣимперскіе Германцы, пока не смѣшались съ Римлянами, совсѣмъ не знали употребленія денегъ. Точно также во введеніи къ Салическимъ законамъ, написанномъ вскорѣ послѣ обращенія Франковъ въ христіанство, т. е. въ концѣ царствованія Меропея, или вскорѣ послѣ него, происхожденіе этого королевства описывается такимъ образомъ: «Haec enim gens, guae fortis dum esset et robore valida, Romanorum juqum durissimum de suis cervicibus excussit pugnando» (т.е.: «этотъ народъ, будучи

храбрымъ и сильнымъ, сбросилъ тяжкое иго Римлянъ посредствомъ войны»). Такимъ образомъ это королевство возникло не путемъ завоеванія, а чрезъ возстаніе. Проспeръ, перечисляя королей ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, говоритъ: «Pharamundus regnat in Francia; Clodio regnat in Francia; Merovaeus regnat in Francia»; и кто же можетъ вообразить, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ разумѣетъ не одну и ту же Францію. А намъ извѣстно, что Францiя Меровея находилась въ Галліи.

И такъ какъ отецъ Фарамонда былъ королемъ части Германскихъ Франковъ во время царствованія императора Ѳеодосія, какъ упомянуто выше, то Фарамондъ могъ быть королемъ тѣхъ же самыхъ Франковъ въ Германіи, прежде чѣмъ онъ наслѣдовалъ Тевдомиру въ королевствѣ Салическомъ въ предѣлахъ имперіи, и даже раньше, чѣмъ Тевдомиръ вступилъ на престолъ; предположивъ, что это было въ 1-й годъ царствованія Гонорія, или, когда Франки, отраженные Стилихономъ, потеряли своихъ королей Маркомера и Сунона (одилъ изъ которыхъ былъ отцомъ Фарамонда), то окажется, что Римскіе Франки, послѣ смерти Тевдомира, могли призвать Фарамонда съ его народомъ изъ-за Рейна. Но мы не намѣрены разсматривать царствованіе Фарамонда въ Германіи; мы будемъ считать начало этого королевства со времени возникновенія его въ предѣлахъ имперіи, когда оно усилилось чрезъ присоединеніе другихъ Франковъ, пришедшихъ изъ-за Рейна, при чемъ безразлично — случилось ли это въ царствованіе Фарамонда или его преемника Клодіона; ибо хотя въ послѣдній годъ правленія Фарамонда Аэцій и лишилъ его части его владѣній въ Галліи, однако его наслѣдникъ Клодіонъ, котораго Фредигарій считаетъ сыномъ Тевдомира, а нѣкоторые называютъ Клогіономъ, Клоіономъ и Клавдіемъ, призвавъ изъ-за Рейна большое число

Франковъ, отобралъ назадъ все и распространилъ свои завоеванія до рѣки Соамы. И тогда Франки эти, раздѣливъ съ нимъ завоеванныя земли, основали новыя королевства въ Кельнѣ и Камбрэ и нѣсколько другихъ городовъ; и всѣ они впослѣдствіи были покорены Хлодовеемъ, который изгналъ также Готовъ изъ Галліи и основалъ свое постоянное пребываніе въ Парижѣ, который съ тѣхъ поръ навсегда сдѣлался столицей Галліи. И этимъ было положено начало современному Французскому королевству.

7.— Королями Британіи были: съ 407 или 408 г. Маркъ, Граціанъ и Константинъ, послѣдовательно, одинъ за другимъ; съ 425 г. Вортигернъ, съ 466 Аврелій-Амброзій, съ 498 Утеръ Пендраконъ, съ 508 Артуръ, съ 542 Константинъ, съ 545 Аврелій Кунанъ, съ 578 Вортипорей, съ 581 Мальгонъ, съ 586 Каретикъ, съ 613 Кадванъ, съ 636 Кадвалинъ, съ 676 Кадвалладеръ. Три первые были взбунтовавшимися римскими военачальниками, отложившимися отъ имперіи. Орозій, Просперъ и Зосима находятъ связь между ихъ мятежомъ и вторженіемъ варваровъ въ Галлію. Просперъ, съ которымъ согласно свидѣтельствуетъ Зосима, полагаетъ, что владычество ихъ началось на слѣдующій годъ послѣ этого вторженія. Я опредѣляю подлинное время такимъ образомъ: Маркъ царствовалъ всего нѣсколько дней, Граціанъ 4 мѣсяца, а Константинъ 3 года. Онъ былъ убитъ на слѣдующій годъ после взятія Рима, т. е. въ 411 г. въ 14 день октябрьскихъ календъ. Отсюда слѣдуетъ,что мятежъ происходилъ весною 408 г. Созоменъ связываетъ походъ Константина въ Галлію со смертью Аркадія или со временемъ немного болѣе позднимъ; Аркадій же умеръ 1-го мая 408 года. Итакъ, хотя дарствованіе этихъ трехъ тиранновъ было кратко, однако они положили начало королевству Британіи и, такимъ образомъ, могутъ считаться тремя первыми королями, особенно, если принять во вниманіе, что

послѣ нихъ царствовало потомство Константина, а именно: его сыновья Аврелій-Амброзій, Утеръ Пендраконъ, а затѣмъ его внукъ Артуръ. И со времени возстанія этихъ тиранновъ Британія осталась особымъ королевствомъ, свободнымъ отъ подчиненія имперіи, такъ какъ императоръ не былъ въ силѣ набрать столько солдатъ, сколько было нужно, чтобы послать ихъ для завоеванія и удержанія этого острова, — и вслѣдствіе этого окончательно пренебрегъ имъ, какъ это мы знаемъ изъ безспорныхъ источниковъ. Такъ Проспертъ говоритъ: «A. C. 410, Variane Cos., hac tempestate prae valetudine Romanorum, vires funditus attenuatae Britanniae» (т. е.: «въ 410 году, во время консульства Варіана, благодаря замѣшательствамъ въ Римѣ, римскія силы въ Британіи были совершенно ослаблены»). Зигебертъ, приводя это обстоятельство въ связь съ осадою Рима, говоритъ: «Britannorum vires attenuatae et substrahund se a Romanorum dominatione» (т. е. «когда гарнизоны въ Британіи были ослаблены, то Бритты освободились отъ владычества Римлянъ»). Наконецъ, Зосима (кн. 6) сообщаетъ: «Зарейнскіе варвары вторглись во всѣ области имперіи, принудили туземцевъ Британскихъ острововъ такъ же, какъ и прочія кельтскія племена, къ отложенію отъ Римской имперіи; и, не подчиняясь, такимъ образомъ, римскимъ законамъ, они жили отдѣльными племенами, по своей собственной волѣ. Въ эти времена Британцы, взявшись за оружіе и возставъ на защиту своей безопасности, освободили свои города отъ нашествія варваровъ. Такимъ же точно образомъ Брабантъ и нѣкоторыя другія провинціи Галліи, подражая Бриттамъ, также освободились, изгнавъ римскихъ начальниковъ и образовавъ нѣчто въ родѣ республикъ. Это возстаніе Бриттовъ и другихъ кельтскихъ племенъ произошло въ то время, когда Константинъ насильственно завладѣлъ верховной властью». Точно также Прокопій въ I кн. о Вандалахъ,

разсказывая о томъ же самомъ Константинѣ, говоритъ: «Константинъ, будучи побѣжденъ въ сраженіи, былъ убитъ вмѣстѣ со своими дѣтьми; Βρετνvιαν μεν τοι Pϖματοι αναοωοθσαι ουχει εχον αλλ ο υοα υπο τυρχvvοοζ απ αυτου εμενε" ,т. е. и «Римляне больше не были уже въ силахъ вновь завладѣть Британіей, и она съ этого времени оставалась подъ властью собственныхъ тиранновъ».

Бэда въ книгѣ I говоритъ: «Римъ въ 1164 году отъ своего основанія былъ разрушенъ Готами, и съ того времени Римляне утратили власть надъ Британіей». Этельвальдусъ пишетъ: «Со времени завоеванія Рима Готами прекратилась власть Римской имперіи надъ Британіей и многими другими землями, которыя Римляне держали подъ игомъ рабства».

Затѣмъ Өеодоритъ въ своей бесѣдѣ 9 de curand. Craec. affect, написанной около 424 г., причисляетъ Бриттовъ къ тѣмъ народамъ, «которые не состояли подъ властью Римской имперіи». Наконецъ, Сигоній говоритъ: «Ad annum 411 imperium Romonorum post excessum Constantini in Britannia nullum fuit, т.е.; «съ 411 года, послѣ смерти Константина, всякая власть Римлянъ надъ Британіей прекратилась».

Между смертью Константина и воцареніемъ Вортигерна было междуцарствіе около 14 лѣтъ, во время котораго Бритты вели войны съ Пиктами и Скоттами и дважды прибѣгали къ помощи солдата римскаго легіона; солдаты римскаго легіона прогнали врага, но затѣмъ положительно объявили при своемъ возвращеніи на континентъ, что болѣе уже не придутъ въ Британію. О воцареніи Вортигерна существуетъ запись въ старинной лѣтописи Ненія, цитируемая Кемденомъ и другими:

«Вортигернъ вступилъ въ обладаніе властью надъ Британіей въ консульство Өеодосія и Валентиніана (т. е. въ 425 г.), и 4-й годъ его царствованія (при консулахъ Феликсѣ и Таврѣ) въ Британію явились

Саксы». Это нашествіе Саксовъ Зигебертъ относитъ къ 4-му году царствованія Валентиніана что совпадаетъ съ 428 годомъ, указаннымъ въ названной лѣтописи; два же года спустя Саксы вмѣстѣ съ Пиктами были разбиты Бриттами. Затѣмъ, въ царствованіе императора Марціана, т. е. между 450 и 456 гг., Саксы подъ предводительствомъ Генгиста явились снова въ Британію по призыву самихъ Бриттовъ; но 6 лѣтъ спустя Саксы напали на Бриттовъ и повели противъ нихъ войну съ перемѣннымъ успѣхомъ и мало-по-малу одолѣли ихъ. Однако Бритты представляли сильное государство до царствованія Каретика; война же между этими двумя народами продолжалась до понтификата Сергія (688 г.)[20]

8.— Королями Гунновъ были; съ 406 г. Октаръ и Ругила, съ 433 Бледа и Аттила. Октаръ и Ругала были братьями Мунзука, короля Гунновъ въ Готіи за Дунаемъ. Бледа же и Аттила были сыновьями его, а Мунзукъ былъ сыномъ Баламира. Двое первыхъ, какъ разсказываетъ Іорнандъ, были королями Гунновъ — но не всѣхъ вообще; а двое послѣднихъ были ихъ преемниками. Я считаю владычество Гунновъ въ Панноніи съ того времени, когда подъ ихъ натискомъ Вандалы и Аланы покинули Паннонію (407 г.); Сигоній же полагаетъ, что оно началось съ того времени, когда Визиготы (Вестготы) оставили Паннонію, т. е. съ 408 г.

«Извѣстно, — говоритъ онъ, — что по удаленіи Готовъ изъ Иллиріи на ихъ мѣстѣ поселились Гунны, овладѣвшіе сперва Панноніей. Ибо Гонорій, не располагая достаточными силами для отраженія ихъ во время тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, совершенно не могъ имъ помѣшать и, размысливъ, склонился къ миру и заключилъ съ ними союзъ, обезпечивъ его взаимными заложниками; изъ заложниковъ, которые были даны, достоинъ упоминанія

[20] Rolevinc's Antiqua Saxon. I. I, c. 6.

главнымъ образомъ Аэцій, который раньше уже былъ заложникомъ у Алариха». Что Аэцій былъ заложникомъ у Готовъ и Гунновъ, объ этомъ разсказываетъ Фригеридъ. Напомнивъ, что императоръ Восточно-Римской имперіи Ѳеодосій послалъ оскорбительное приказаніе Іоанну, насильственно овладѣвшему короной Западной имперіи послѣ смерти Гонорія, Фригеридъ прибавляетъ: возмущенный этимъ Іоаннъ отправилъ Аэція, бывшаго въ то время куропалатомъ (гофмейстеръ), съ огромнымъ количествомъ золота къ Гуннамъ, привязаннымъ къ нему личною дружбою». И нѣсколько ниже: «Аэцій былъ въ теченіе трехъ лѣтъ заложникомъ у Алариха, а затѣмъ у Гунновъ, потомъ сдѣлался зятемъ Карпиліона, комеса и куропалата узурпатора Іоанна». Бухеръ объясняетъ, что Аэцій былъ заложникомъ у Алариха до 410 г., когда Аларихъ умеръ, и у Гунновъ — между 411—415 г. и сдѣлался зятемъ Карпиліона около 417 или 418 г. и наконецъ, куропалатомъ императора Іоанна въ концѣ 423 г. Поэтому весьма вѣроятно, что онъ сдѣлался заложникомъ у Гунновъ около 412 или 413 г., когда Гонорій заключилъ союзы почти со всѣми варварскими народами и указомъ своимъ предоставилъ имъ опредѣленныя области для жительства; но я склоненъ скорѣе согласиться съ Сигоніемъ, что Аэцій сдѣлался заложникомъ у Алариха въ 403 г. Далѣе изъ Проспера явствуетъ, что Гунны спокойно владѣли Панноніей въ 423 г. Въ первой книгѣ Евсевіевой хроники Просперъ говоритъ: «Спустя десять лѣтъ послѣ смерти Гонорія, Аэцій после сраженія съ Бонифаціемъ отправился къ народу Гуннскому, королемъ котораго былъ тогда Ругила, и возвратился назадъ на Римскую почву только послѣ того, какъ выпросилъ у Гунновъ помощь». И во второй книгѣ: «Въ консульство Аэція и Валерія Аэцій, сложивъ власть, бѣглецомъ явился къ Гуннамъ въ Паннонію, гдѣ, воспользовавшись ихъ личной къ себѣ

дружбой и помощью, добился мира». Отсюда слѣдуетъ ясно, что въ это время Ругила или, какъ Максимъ называетъ его, Рехилла, дарствовалъ надъ Гуннами въ Панноніи, что Паннонію нельзя уже было считать имперской областью, такъ какъ она уже ранѣе была предоставлена Гуннамъ императорскимъ указомъ, и что это были тѣ самые гуннскія племена, съ которыми Аэцій во время своего заложничества вступилъ въ дружбу; и какъ благодаря этой дружбѣ онъ убѣдилъ ихъ придти на помощь узурпатору Іоанну въ 424 году, такъ и теперь онъ добился ихъ вмѣшательства въ свои отношенія съ императоромъ. Октаръ умеръ въ 430 г. Ибо Сократъ говоритъ намъ, что около этого времени Бургунды, снова подвергаясь набѣгамъ Гунновъ, узнавъ о смерти Октара и видя, что у нихъ нѣтъ предводителя, внезапно напали на нихъ съ такимъ натискомъ, что, будучи въ количествѣ трехъ тысячъ, убили 10.000 Гунновъ. О томъ, что Ругила сталъ королемъ въ Панноніи, уже изложено выше. Онъ умеръ въ 433 г., оставивъ преемниковъ Бледу, какъ сообщаютъ Просперъ и Максимъ. Этотъ Бледа вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аттилой до этого времени были королями задунайскихъ Гунновъ, при чемъ королевство Мунзука, отца ихъ, было раздѣлено между ними; теперь же они присоединили къ своимъ владѣніямъ королевство Паннонію. Поэтому Павелъ Діаконъ говоритъ, что они regnum intra Pannoniam Daciamque gerere — правили Панноніей и Дакіей. Въ 441 г. они опять начали нападать на имперію, увеличивъ паннонскія силы новымъ и большимъ войскомъ изъ Скиѳіи. Но такъ какъ война эта велась сначала очень вяло, благодаря тому, что Бледа былъ склоненъ къ миру, то Аттила убилъ его въ 444 г., унаслѣдовалъ его владѣнія и снова вторгся въ имперію. Наконецъ, послѣ ряда кровопролитныхъ войнъ съ Римлянами Аттила погибъ въ 454 г.; сыновья же его, затѣявъ распри изъ-за наслѣдства, дали случай къ

возстанію Гепидамъ, Остроготамъ и другимъ народамъ, бывшимъ въ подчиненіи у Гунновъ. Въ тотъ же самый годъ Остроготы по указу императора Марціана и Валентиніана получили области въ Панноніи; вмѣстѣ съ Римлянами они выгнали изъ нея Гунновъ вскорѣ послѣ смерти Аттилы, какъ согласно говорятъ всѣ историки. Изгнаніе Гунновъ произошло въ царствованіе Авита, какъ разсказывается въ хроникѣ Бойевъ и Сидонія, который говоритъ объ этомъ императорѣ слѣдующее: — Cujus solum amissas post saecula mulia Pannonios revocavit iter, jam credere promptum est, guid faciet bellis (т. е. какъ только стало яснымъ, что онъ не остановится передъ войной, одно только приближеніе его вновь вернуло Паннонію, утраченную за много времени раньше).

Поэтъ разумѣетъ, что благодаря приближенію Авита Гунны легче уступили Готамъ. Это было написано Сидоніемъ въ началѣ царствованія Авита, а послѣднее началось въ концѣ 465 г. и продолжалось менѣе одного цѣлаго года.

Іорнандъ разсказываетъ: «Въ двѣнадцатый годъ царствованія Валіи Гунны послѣ пятидесятилѣтняго обладанія Панноніей были изнаны изъ нея Римлянами и Готами».

Марцеллинъ пишетъ: «Въ консульство Гіерія и Ардабурія Паннонія, которой въ теченіе 50 лѣтъ владѣли Гунны, вновь была завоевана Римлянами»; отсюда, кажется, можно заключить, что Гунны захватили и владѣли Панноніей отъ 378 или 379 года до 427, когда они оттуда были изгнаны; но это будетъ совершенной ошибкой, ибо извѣстно, что императоръ Ѳеодосій оставилъ имперію въ неприкосновенномъ объемѣ, и по Просперу мы знаемъ, что Гунны спокойно владѣли Панноніей еще въ 432 г. Визиготы въ это время не имѣли къ Панноніи никакого отношенія, а Остроготы оставались подданными Гунновъ до смерти Аттилы, т. е.

до 454 г.; и Валія, король Визиготовъ, вовсе не царствовалъ 12 лѣтъ. Онъ началъ свое царствованіе въ концѣ 415 г., царствовалъ три года и былъ убитъ въ 419 г., какъ удостовѣряютъ Идацій, Исидоръ и испанскія рукописныя хроники, которыя видѣлъ Гроцій. А Олимпіодоръ, который доводитъ свою исторію только до 425 г., опредѣляетъ смерть Валіи, короля Визиготовъ, соединяя ее со смертью Констанція, которая произошла въ 420 г.; слѣдовательно, этотъ упоминаемый Іорнандомъ и царствовавшій по меньшей мѣрѣ 12 лѣтъ, есть какой-то другой король. И я подозрѣваю, что это имя было по ошибкѣ написано вмѣсто Валамира, короля Остроготовъ: ибо дѣло идетъ объ изгнаніи Гунновъ изъ Панноніи послѣ смерти Аттилы Римлянами и Остроготами, и нельзя допустить, чтобы историкъ писалъ исторію Остроготовъ по хронологіи Визиготскихъ королей. Указанное изгнаніе Гунновъ произошло въ концѣ 455 г., который я считаю 12-мъ годомъ царствованія Валамира въ Панноніи, и который былъ почти 50-мъ годомъ послѣ 406, когда Гунны пріобрѣли Паннонію отъ Вандаловъ и Аланъ. По прекращеніи линіи Гуннимунда, сына Гермавариха Остроготы не имѣли королей изъ своего собственнаго народа въ теченіе почти сорока лѣтъ, такъ какъ находились подъ властью Гунновъ. А когда Аларихъ предпринялъ въ 444 г, войну противъ Римлянъ, то поставилъ Валамира и его братьевъ Теодомира и Видемира, внуковъ Винеѳара, вождями находившихся подъ его властью Остроготовъ. И вотъ въ 12-й годъ царствованія Валамира, считая отъ этого времени, Гунны были изгнаны изъ Панноніи.

Однако, Гунны не были сразу изгнаны изъ Панноніи, но продолжали съ Римлянами борьбу до тѣхъ поръ, пока голова Денфикса, сына Аттилы, не была привезена въ Константинополь въ консульство Зенона и Марціана (469 г.), какъ сообщаетъ Марцеллинъ. Однако

и тогда они не были окончательно изгнаны изъ предѣловъ имперіи; ибо Сидоній говоритъ намъ, что, когда императоры Марціанъ и Валентиніанъ предоставили Паннонію Готамъ (что произошло въ 454 г.), то часть Иллиріи они назначили нѣкоторымъ гуннскимъ и сарматскимъ племенамъ; кромѣ того, часть ихъ осталась и въ Панноніи. И въ 526 г., когда Лонгобарды, вторгшись въ Паннонію, вели здѣсь войну съ Гепидами, Авары, племя Гунновъ, получившіе названіе Аваровъ отъ имени одного изъ своихъ королей, помогали Лонгобардамъ въ этой войнѣ; и вслѣдствіе этого Лонгобарды, переселяясь въ Италію, предоставили свои земли въ Панноніи Аварамъ въ вознагражденіе за ихъ дружбу.

Съ этого времени Гунны вновь стали очень могущественны; ихъ короли, которыхъ они называли *каганами,* сильно безпокоили имперію во время царствованія императоровъ Маврикія, Фоки и Гераклія; и здѣсь лежитъ начало современного Венгерскаго королевства, которое отъ соединенія имени Аваровъ и Гунновъ получило наименованіе Гунъ-Аваріи, а по сокращеніи — Венгріи — (Гунгарія).

9.— Лонгобарды, передъ тѣмъ, какъ перешли Дунай, находились подъ управленіемъ двухъ вождей — Ибора и Эйона, послѣ смерти которыхъ Лонгобардами стали править короли Агильмундъ, Ламиссо, Леху, Хильдехокъ, Гудехокъ, Клаффо, Тато, Вахо, Вальтеръ, Авдоинъ, Альбоинъ, Клеофисъ и др. Агильмундъ былъ сыномъ Эйона, и сталъ королемъ, согласно Просперу, въ консульство Гонорія и Өеодосія (389 г.), царствовалъ, согласно Павлу Варнефриду, 33 года и былъ убитъ въ битвѣ съ Болгарами. Просперъ пріурочиваетъ смерть его къ консульству Мариніана и Асклепіодора (423 г.). Ламиссо покорилъ Болгаръ и царствовалъ 3 года, а Леху около 40 л. Гудехокъ былъ современникомъ Одоакра, короля Геруловъ въ Италіи, и увелъ свой народъ изъ

Панноніи въ Ругію — страну сѣвернѣе Норика, по Дунаю, откуда Одоакръ послѣ увелъ Геруловъ въ Италію. Тато завоевалъ королевство Герудовъ за Дунаемъ. Вахо покорилъ Свевовъ, королевство, сопредѣльное на востокѣ съ Баваріей, на западѣ съ Франціей и на югѣ съ Вургундіей. Авдоинъ возвратился въ 626 г. въ Паннонію и побѣдилъ Гепидовъ. Въ 551 г. Альбоинъ опустошилъ королевство Гепидовъ и убилъ короля ихъ Хуннимунда; въ 563 г. онъ оказалъ помощь греческому императору противъ Тотилы, короля италійскихъ Остроготовъ, а въ 568 г. вывелъ свой народъ изъ Панноніи въ Ломбардію, гдѣ Лонгобарды господствовали до 774 г.

Согласно Павлу Діакону, Лонгобарды вмѣстѣ съ многими другими Готскими племенами явились въ имперію изъ-за Дуная въ царствованіе Аркадія и Гонорія, т. е. между 395 и 408 годами. Но, быть можетъ, они пришли въ дѣйствительности немного раньше, такъ какъ намъ извѣстно, что они подъ начальствомъ своихъ вождей Ибора и Эйона побили Вандаловъ въ сраженіи; а Просперъ говоритъ, что эта побѣда была одержана въ консульство Авзонія и Олибрія, т. е. въ 379 г. Передъ войной Вандалы жили мирно въ теченіе 40 лѣтъ въ областяхъ, предоставленныхъ имъ въ Панноніи императоромъ Константиномъ Великимъ. Слѣдовательно, если это были тѣ же самые Вандалы, то эта война могла происходить въ Панноніи, благодаря нашествію изъ-за Дуная Лонгобардовъ, за годъ или за два до упомянутаго сраженія, и такимъ образомъ могла положить конецъ миру, продолжавшемуся 40 лѣтъ.

Послѣ того, какъ Граціанъ и Ѳеодосій умиротворили варваровъ, они могли либо удалиться за Дунай, либо продолжать мирно жить подъ властью Римлянъ до смерти Ѳеодосія; а затѣмъ — или вновь вторгнуться въ имперію, или освободиться отъ всякой зависимости отъ нея. Судя по ихъ войнамъ сначала съ

Вандалами, а затѣмъ съ Болгарами, Скиѳскимъ племенемъ, получившимъ свое имя отъ рѣки Волги, откуда они пришли сюда, — надо признать, что уже въ то время королевство это было очень сильно.

10.— По завершеніи обзора этихъ 9 королевствъ, намъ остается наслѣдовать судьбу остальной части Западной имперіи. Ибо, когда имперія существовала нераздѣльно, она представляла собой самого звѣря; остатокъ же ея представляетъ собою только часть его. Теперь, если эту часть считать за рогъ звѣря, то за начало господства этого рога можетъ быть признано перенесеніе императорской резиденціи изъ Рима въ Равенну, что произошло въ октябрѣ 408 г. Ибо тогда императоръ Гонорій, опасаясь, что Аларихъ можетъ осадить его въ Римѣ, если онъ останется тамъ, удалился въ Миланъ, а отсюда въ Равенну; наступившая вскорѣ осада и разграбленіе Рима упрочили императорскую резиденцію въ Равеннѣ, такъ что и преемники Гонорія съ той поры начали считать ее своимъ обычнымъ мѣстопребываніемъ. Вслѣдствіе этого Маккіавели въ своей исторіи Флоренціи пишетъ, что Валентиніанъ, покинувъ Римъ, перенесъ столицу имперіи въ Равенну.

Рэція принадлежала къ составу Западной имперіи во все время ея существованія, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Италіей и Римскимъ Сенатомъ, перешла во власть Одоакра, короля итальянскихъ Геруловъ, а затѣмъ — Теодориха, короля Остроготовъ и его преемниковъ, по указамъ греческихъ императоровъ. Послѣ смерти Валентиніана II, Аллеманы и Свевы вторглись въ Рэцію (455 г.). Но я не думаю, чтобы они основали тамъ какое-либо государство, ибо въ 457 г., когда они опустошали Рэцію, на нихъ напалъ Бурто, начальникъ конницы императора Майорана, и разбилъ ихъ; и послѣ этого уже не слышно было о ихъ нападеніяхъ на Рэцію. Хлодовей, король Франціи, въ 496 г., или около того, покорилъ королевство Аллемановъ и убилъ ихъ послѣдняго

короля Эрмериха. Но это королевство находилось въ Германіи и только граничило съ Рэціей; Аллеманы бѣжали отъ Хлодовея въ сосѣднее королевство Остроготовъ, гдѣ царствовалъ Теодорихъ; онъ принялъ ихъ, какъ друзей, и написалъ Хлодовею въ ихъ защиту дружелюбное письмо; такимъ образомъ они сдѣлались жителями Рэціи въ качествѣ подданныхъ подъ властью Остроготовъ.

Когда греческий императоръ покорилъ Остроготовъ, то сталъ властвовать надъ королевствомъ Равеннскимъ не только по праву завоеванія, но и по праву наслѣдованія, такъ какъ Римскій Сенатъ находился въ предѣлахъ этого королевства. Вслѣдствіе этого мы можемъ признать, что королевство это продолжало свое бытіе въ лицѣ Равеннскаго экзархата и Римскаго Сената, ибо сущность Западной имперіи воплотилась въ Римскомъ Сенатѣ, такъ какъ за Сенатомъ сохранилось право, которымъ онъ долго пользовался и утратилъ лишь впослѣдствіи, — избирать новыхъ императоровъ Западной имперіи.

Я исчислилъ всѣ 10 государствъ, на которыя распалась Западная имперія во время ея перваго раздѣленія, т. е. послѣ взятія Рима Готами. Нѣкоторыя изъ этихъ государствъ впослѣдствіи пали, и вмѣсто нихъ возникли другія; но каково-бы ни было ихъ число впослѣдствіи, они стали съ той поры называться по ихъ первоначальному числу *Десятью Королями*.

ГЛАВА VII.
Объ одиннадцатомъ рогѣ четвертаго звѣря.

И смотрѣлъ Даніилъ на рога звѣря, «и вотъ, вышелъ между ними еще одинъ небольшой рогъ, и три изъ прежнихъ роговъ съ корнемъ исторгнуты были передъ нимъ; и вотъ, въ этомъ рогѣ были глаза, какъ глаза человѣческіе, и уста, говорящія высокомѣрно»[21]; — и «по виду онъ сталъ больше прочихъ» и рогъ этотъ «велъ брань со святыми и превозмогалъ ихъ»; и тотъ, кто стоялъ подлѣ и давалъ Даніилу изъясненіе видѣнія, сказалъ ему, что «десять роговъ значатъ, что изъ этого царства возстанутъ десять царей, и послѣ нихъ возстанетъ иной, отличный отъ прежнихъ, и уничижитъ трехъ царей и противъ Всевышняго будетъ произносить слова и угнетать святыхъ Всевышняго; даже возмечтаетъ отмѣнить у нихъ праздничныя времена и законъ; и они преданы будутъ въ руку его до времени и временъ и полувремени» (Дан. 7, 28).

Цари употреблены здѣсь, какъ и выше, въ смыслѣ царствъ; и, слѣдовательно, небольшой рогъ означаетъ небольшое царство. То былъ рогъ 4-го звѣря, и онъ съ корнемъ исторгнулъ три изъ прежнихъ роговъ его; и поэтому мы должны искать его между націями Латинской имперіи, послѣ возникновенія 10 роговъ. Но это было царство, отличное отъ прочихъ 10 царствъ, имѣющее жизнь или душу совсѣмъ особую — съ глазами и устами. Благодаря своимъ глазамъ, оно было Прозорливцемъ; а благодаря устамъ, говорящимъ высокомѣрно и измѣняющимъ времена и законы, оно было Пророкомъ и вмѣстѣ Царемъ. Такимъ провидцемъ, пророкомъ и государемъ является Римская Церковь.

[21] Гл. VII, 20, 21, 24, 25.

Епископъ, Επισκοπος, въ буквальномъ смыслѣ слова значитъ «надзиратель», «блюститель», — и удѣломъ этой Церкви стала вселенская епископія, т. е. какъ бы вселенскій надзоръ.

Своими устами она предписываетъ законы королямъ и народамъ, какъ непререкаемый оракулъ; она заявляетъ притязаніе на непогрѣшимость и на безусловную обязательность ея велѣній для всего міра, что свойственно лишь пророку въ высшемъ значеніи этого слова.

Въ 8-мъ столѣтіи, подчинивъ себѣ Равеннскій экзархатъ и королевство Ломбардовъ, Сенатъ и герцогство Римское, папство изъ этихъ владѣній составило для себя удѣлъ Св. Петра; и вслѣдствіе этого стало свѣтскимъ государствомъ или рогомъ 4-го звѣря.

Въ небольшой книжкѣ, напечатанной въ Парижѣ въ 1689 г. подъ заглавіемъ «Историческое разсужденіе относительно нѣкоторыхъ чеканенныхъ въ Римѣ монетъ Карла Великаго, Людовика Благочестиваго, Лотаря и ихъ преемниковъ», установлено, что во времена папы Льва X въ Ватиканѣ была выставлена для публичнаго обозрѣнія надпись въ честь Пипина, отца Карла Великаго, слѣдующаго содержанія:

«Pipinum pium primun fuisse, qui amplificandae Ecclesiae Romanae viam aperuerit, Exarchatu Ravennata et plurimis aliis ablatis». «Пипинъ Благочестивый первый открылъ Римской Церкви путь къ величію, принеся ей въ даръ Равеннскій экзархатъ и многія другія пожертвованія». Да и во время царствованія Граціана и Θеодосія Римскіе епископы жили роскошно; но это происходило благодаря щедрымъ пожертвованіямъ знатныхъ римскихъ матронъ, какъ пишетъ Амміанъ.

Послѣ же царствованія этихъ императоровъ Италія подверглась нашествію варваровъ и не могла освободиться отъ смутъ до паденія Лонгобардскаго королевства. И лишь благодаря побѣдѣ Римскаго

епископата надъ Греческимъ императоромъ, Лонгобардскимъ королемъ и Римскимъ Сенатомъ, Римская Церковь пріобрѣла такъ называемый удѣлъ Св. Петра и достигла своего величія. Что касается дара Константина Великаго, — то это не больше, какъ вымыселъ; то же нужно сказать и о принесеніи въ даръ папѣ Арипертомъ, королемъ Лонгобардскимъ, Готскихъ Альпъ, ибо Готскія Альпы составляли часть экзархата и во времена Ариперта принадлежали Греческому императору.

Молитвенное призываніе умершихъ и почитаніе ихъ изображеній вводилось постепенно въ 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ столѣтіяхъ, но Греческій императоръ Филиппикъ высказался въ 711 или 712 г. противъ этого обычая[22].

Въ 726 г. императоръ Левъ Исаврянинъ[23], чтобы положить этому конецъ, издалъ, по совѣту близкихъ ему придворныхъ, а также епископовъ, эдиктъ противъ почитанія иконъ и написалъ папѣ Григорію II письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость созвать вселенскій соборъ. Папа дѣйствительно созвалъ соборъ въ Римѣ, но на немъ подтвердилъ почитаніе иконъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отлучилъ Греческаго императора отъ Церкви, разрѣшилъ народъ отъ вѣрноподданнической присяги императору и воспретилъ платить подати и вообще повиноваться ему. Тогда народы Рима, Кампаньи, Равенны и Пентаполиса, вмѣстѣ съ подчиненными имъ городами, съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ правителей, убили экзарха Павла Равеннскаго и отстранили Петра, дуку Римскаго, предварительно ослѣпивши его; когда же Эксгилерать, дука Кампаніи, сталъ возбуждать народъ противъ папы, то Римляне вторглись въ Кампанію и убили его вмѣстѣ съ его сыномъ Адріаномъ. Тогда новый экзархъ Евтихій,

[22] Сигоній, подъ 726 г.
[23] Siqonius de Regno Italiae, ad ann. 726.

явившись въ Неаполь, послалъ тайныхъ убійцъ, чтобы лишить жизни папу и римскихъ нобилей; но заговоръ былъ открытъ и Римляне совершенно отложились отъ Греческаго императора и приняли присягу охранять жизнь папы, защищать его владѣнія и во всемъ повиноваться только его власти. Такимъ образомъ Римъ вмѣстѣ съ дукатствомъ, включая сюда часть Тосканы и Кампаньи, возсталъ въ 726 г. противъ власти императора и сталъ независимымъ государствомъ подъ управленіемъ Сената. Власть Сената въ дѣлахъ государственнаго управленія стала абсолютной, авторитетъ же папы распространялся только на дѣла церкви[24].

Въ то же самое время Лонгобарды, будучи ревностными почитателями иконъ, подъ предлогомъ содѣйствія дѣлу папы, вторглись въ города экзархата; въ концѣ концовъ, въ 762 г. они взяли Равенну и положили конецъ существованію экзархата. И это было первое изъ трехъ царствъ, которое пало передъ небольшимъ рогомъ[25].

Въ 751 г. папа Захарій низложилъ Хильдериха, лѣниваго и безпомощнаго короля Франціи, послѣдняго изъ дома Меровинговъ, и, разрѣшивъ подданныхъ его отъ подданнической присяги, вручилъ королевскую власть Пипину, мажордому, чѣмъ и пріобрѣлъ себѣ новаго могущественнаго друга[26]. Преемникъ этого папы Стефанъ III, предпочитая имѣть дѣло съ Греческимъ императоромъ, чѣмъ съ Лонгобардами, явился на слѣдующій годъ къ Лонгобардскому королю, стараясь убѣдить его возвратить экзархатъ императору. Такъ какъ король на это не согласился, то папа отправился во Францію и убѣдилъ Пипина отобрать у Лонгобардовъ

---

[24] Сигоній, тамъ же, подъ 726, 752 г.

[25] Тамъ же, подъ 750 г.

[26] Тамъ же, подъ 773 г.

экзархатъ и Пентаполисъ и принести ихъ въ даръ св. Петру.

Вслѣдствіе этого Пипинъ въ 754 г. пришелъ съ войскомъ въ Италію и вынудилъ у Аистульфа, короля Лонгобардовъ, обѣщаніе сдаться; но Аистульфъ, напротивъ того, чтобы отомстить папѣ, на слѣдующій годъ осадилъ Римъ. Тогда папа обратился къ Пипину съ посланіями, въ которыхъ писалъ, что если онъ не выступитъ немедленно противъ Лонгобардовъ, то «pro data sibi potentia alienandum fore a regno Dei et vita aeterna» («по данной ему власти онъ отлучитъ Пипина отъ царства Божія и вѣчной жизни»). Вслѣдствіе этого Пипинъ, всѣмъ обязанный Римской Церкви, опасавшійся къ тому же возстанія своихъ подданныхъ, немедленно прибылъ съ войскомъ въ Италію, освободилъ Римъ, самъ осадилъ Лонгобардовъ въ Павіи и принудилъ ихъ передать экзархатъ и область Пентаполиса папѣ въ вѣчное владѣніе. Такимъ образомъ папа сталъ государемъ Равенны и всего экзархата, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ; ключи же городовъ были отосланы въ Римъ и положены у св. Петра, т. е. на его раку въ главномъ алтарѣ in signum veri perpetuique dominii, sed pietate Regis gratuita («въ знакъ справедливаго и вѣчнаго владѣнія и по благочестивой щедрости короля»), — какъ гласитъ надпись на монетахъ Пипина. Это произошло въ 755 г. по Р. Х. Ставъ, такимъ образомъ, свѣтскими государями, папы съ этой поры въ своихъ посланіяхъ и буллахъ перестали употреблять даты царствованій Греческихъ императоровъ, какъ они дѣлали это до того времени[27].

Когда послѣ этого Лонгобарды напали на папскія владѣнія, то папа Адріанъ послалъ за помощью къ Карлу Великому, сыну и преемнику Пипина. Карлъ явился въ Италію съ войскомъ, вторгся въ области Лонгобардовъ, завоевалъ ихъ королевство и возвратилъ папѣ не только

---

[27] Тамъ же, подъ 773 г.

то, что Лонгобарды отняли у него, но также и остальныя части экзархата, которыя они обѣщали еще Пипину сдать папѣ, удерживали за собой; точно также онъ подарилъ папѣ нѣсколько городовъ въ самой Ломбардіи, и въ вознагражденіе за все это былъ провозглашенъ Римлянами патриціемъ и получилъ власть утверждать папскіе выборы. Это произошло въ 773 и 774 г. Королевство Лонгобардовъ было вторымъ царствомъ, павшимъ передъ «небольшимъ рогомъ». Но Римъ, который долженъ былъ стать столицей этого рога, пока еще не принадлежалъ ему[28].

Въ 796 г. Левъ III, ставъ папою, извѣстилъ о своемъ избраніи Карла Великаго черезъ своихъ легатовъ, пославъ ему въ качествѣ почетнаго дара золотые ключи отъ исповѣдальни св. Петра и знамя города Рима: первые — въ ознаменованіе того, что папа получилъ власть надъ народами экзархата и Ломбардіи по указу Карла; второе — въ знакъ того, что Карлъ долженъ подчинить папѣ сенатъ и народъ Римскій такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это съ экзархатомъ и Лонгобардскимъ королевствомъ. Ибо папа въ то же время желалъ, чтобы Карлъ послалъ въ Римъ кого-либо изъ своихъ паладиновъ, чтобы тотъ подчинилъ ему Римскій народъ и связалъ его присягой на вѣрность и подданство — in fide et subjectione, какъ воспроизводитъ слова папы Сигоній. Анонимный поэтъ въ поэмѣ, напечатанной Бэклеромъ въ Страсбургѣ, такъ изображаетъ это событіе:

Admonuitque piis precibus, qui mittere vellet
Ex propriis aliquos primoribus, ac sibi plebem
Subdere Romanam, servandague foedera cogens
Hanc fidei sacramentis promittere magnis.

(И убѣдилъ папа Карла Великаго мольбами, исполнѣнными религіознаго пыла, послать къ нему

[28] Тамъ же, подъ 796 г.

кого-нибудь изъ приближенныхъ, чтобы подчинить ему Римскій плебсъ и взять съ него великія клятвы на вѣрность и подчиненіе).

Вслѣдствіе этого между папой и городомъ возникли раздоры; и Римляне два или три года спустя, при содѣйствіи нѣкоторыхъ чиновъ клира, возбудили противъ папы такія смуты, что это положило основаніе новому порядку вещей на всемъ Западѣ. Ибо двое членовъ клира возбудили противъ папы обвиненіе въ рядѣ преступленій, и Римляне схватили его, совлекли съ него священническое одѣяніе и заточили въ монастырь. Но при помощи друзей папѣ удалось бѣжать въ Германію къ Карлу Великому, которому онъ принесъ жалобу на Римлянъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они возстали противъ него безъ всякаго основанія, чтобы только сбросить съ себя власть церкви и возстановить свою былую свободу. Во время отсутствія папы его обвинители вооруженною силою опустошили Церковную область и со своей стороны послали на него жалобу Карлу Великому. Карлъ въ концѣ того же года отправилъ папу назадъ въ Римъ, въ сопровожденіи большой свиты. Сопровождавшіе папу французскіе нобили и епископы, по прибытіи въ Римъ, подвергли обвинителей допросу и послали ихъ къ Карлу подъ стражей. Это произошло въ 799 г. На слѣдующій годъ Карлъ прибылъ въ Римъ самъ и въ назначенный день созвалъ изъ итальянскихъ и франкскихъ епископовъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, соборъ съ цѣлью выслушать обѣ стороны[29]. Но въ тотъ моментъ, когда настала очередь говорить обвинителямъ папы, соборъ объявилъ, что тотъ, кто самъ является верховнымъ судьей всѣхъ людей, можетъ быть судимъ никѣмъ инымъ, какъ только имъ же самимъ. Тогда папа торжественно объявилъ передъ всѣмъ народомъ о своей невиновности, послѣ чего его сочли оправданнымъ.

---

[29] См. у Анастасія.

Вскорѣ послѣ того, на Рождество, Римскій народъ, самъ избиравшій себѣ до той поры епископовъ и считавшій за собой и за своимъ сенатомъ наслѣдственныя права древняго сената и Римскаго народа (Senatus Populusque Romanus), провозгласилъ Карла императоромъ и призналъ надъ собою его верховную власть въ томъ же смыслѣ, какъ древняя имперія и сенатъ подчинялись древнимъ Римскимъ императорамъ. Папа короновалъ его, помазалъ св. миромъ и на колѣняхъ воздалъ ему поклоненіе — такъ, какъ въ древности поклонялись римскимъ императорамъ. Событіе это упомянутый выше поэтъ описываетъ такими словами:

Post laudes igitur dictas et summus eundem
Praesul adoravit, siqut mos debitus olim
Principibus fuit antiguis.

(Послѣ хвалебной рѣчи верховный первосвященникъ склонился передъ Карломъ по обычаю, нѣкогда установленному въ честь древнихъ императоровъ).

Императоръ съ своей стороны произнесъ папѣ слѣдующую присягу: «In nomine Christi spondeo atque polliceor, Ego Carolus Imperator coram Deo et beato Petro Apostolo, me protectorem ac defensorem fore liujus sanctae Romanae Ecclesiae in omnibus utilitatibus, quotenus divino fultus fuero adjutorio, prout sciero poteroque» (т. е. «во имя Христа я, императоръ Карлъ, обязуюсь и обѣщаюсь передъ Богомъ и блаженнымъ апостоломъ Петромъ быть покровителемъ и защитникомъ сей святой Римской церкви и во всякой нуждѣ буду опорой ея при помощи Божіей, поскольку достанетъ силъ и разумѣнія»). Императоръ былъ избранъ также римскимъ консуломъ, а сынъ его Пипинъ былъ коронованъ королемъ Италіи; и съ тѣхъ поръ императоръ присвоилъ себѣ слѣдующій титулъ: «Carolus serenissimus Augustus, a Deo coronatus, magnus, pacificus, Romae gubernans imperium», или «Imperator

Romanorum» (т. о. «Карлъ, свѣтлѣйшій августъ, коронованный Богомъ, великій, миротворецъ, правитель Римской имперіи», или «Императоръ Римлянъ»); и за него стали молиться въ римскихъ церквахъ. Его изображеніе съ тѣхъ поръ стало чеканиться на римскихъ монетахъ. Въ то же время враги папы въ числе 300 Римскихъ гражданъ и двухъ или трехъ сотъ клириковъ были приговорены къ смертной казни. 300 Римскихъ гражданъ были обезглавлены въ одинъ и тотъ же день на Латеранской площади, клирики же, благодаря предстательству папы, были прощены и изгнаны во Францію. Такимъ образомъ, титулъ Римскаго императора, до сихъ поръ принадлежавшій Греческимъ императорамъ, этимъ актомъ былъ перенесенъ на Западъ, къ королю Франціи.

Послѣ всего этого Карлъ подарилъ городъ и дукатство Римское папѣ, съ сохраненіемъ однако подчиненности ихъ себѣ самому, какъ императору Римлянъ[30]. Въ продолженіе всей зимы затѣмъ онъ приводилъ въ порядокъ римскія дѣла и дѣла апостолической епископіи, а также всей Италіи — какъ гражданскія, такъ и церковныя, — и создавая для нихъ новые законы, а лѣтомъ возвратился во Францію, оставивъ Римъ подъ управленіемъ Сената, но подъ верховной властью папы и своей собственной. — Узнавъ же, что его новые законы не соблюдаются ни судьями, которые должны были примѣнять ихъ, ни народомъ, который обязанъ былъ имъ подчиняться, и что знатные люди насильно обращаютъ простолюдиновъ въ рабство, отнимаютъ у церквей и монастырей слугъ, принуждаютъ ихъ работать въ своихъ виноградникахъ, поляхъ, пастбищахъ и домахъ, вымогаютъ у нихъ скотъ, вино и обижаютъ церкви, — Карлъ писалъ своему сыну Пипину, чтобы тотъ принялъ мѣры противъ этихъ

[30] Сигоній , De regno Italiae.

злоупотребленій, позаботился о церкви и наблюдалъ за исполненіемъ законовъ.

Сенатъ, народъ и правительство Рима я считаю за третьяго царя (и самаго главнаго изъ трехъ), низвергнутаго небольшимъ новымъ рогомъ. Ибо этотъ народъ избиралъ папу и императора; а теперь, избравъ императора, и назначивъ его консуломъ, онъ можетъ быть признанъ въ силѣ и значеніи преемникомъ древняго Римскаго сената и народа.

Этотъ городъ былъ метрополіей древней Римской имперіи, изображенной въ пророчествѣ Даніила въ виде 4-го звѣря, по подчиненіи сената, народа и дукатства онъ сталъ метрополіей малаго рога 4-го звѣря и дополнилъ собою наслѣдіе св. Петра, которое и было царствомъ этого рога. Сверхъ того, эта побѣда сопровождалась болѣе важными послѣдствіями, чѣмъ побѣды надъ двумя другими царствами. Ибо она повлекла за собою установленіе Западной имперіи, которая продолжаетъ свое существованіе до сего дня. Она поставила папу выше юрисдикціи Римскаго сената и выше юрисдикціи собора итальянскихъ и франкскихъ епископовъ, и даже выше всякой человѣческой юрисдикціи, и дала папѣ полное верховенство надъ западными церквами и ихъ соборами. Она дала ему «видъ бо́льшій, нежели у прочихъ», такъ что, когда эта новая религія укрѣпилась въ умахъ людей, то онъ вступилъ въ борьбу не только съ королями, но даже съ самимъ Западнымъ императоромъ. Достойно также замѣчанія, что обычай цѣлованія папской ноги, — почесть высшая, нежели всѣ почести, воздаваемыя королямъ и императорамъ, — получилъ свое начало около этого же времени. Вотъ нѣкоторыя доказательства тому изъ IX-го вѣка: *Платина* разсказываетъ, что ногу папы Льва IV цѣловали по старому обычаю всѣ, кто являлся къ нему; нѣкоторые же говорятъ, что обычай этотъ установилъ Левъ III, ссылаясь на то, что руки его

оскверняются поцѣлуями женщинъ. Папы начали также около этого времени канонизировать святыхъ, продавать индульгенціи и прощенія грѣховъ; при этомъ нѣкоторые доказываютъ, что иниціаторомъ всѣхъ этихъ вещей былъ папа Левъ III.

Слѣдуетъ далѣе замѣтить, что Карлъ Великій между 775 и 796 гг. завоевалъ всю Германію отъ Рейна и Дуная на сѣверъ до Балтійскаго моря и на востокъ до р. Tisia (Тисса), распространивъ также свои завоеванія въ Испаніи до р. Эбро; этими завоеваніями онъ положилъ основаніе новой имперіи; въ то же самое время онъ распространилъ римско-католическую религію во всѣхъ завоеванныхъ странахъ, заставивъ Саксовъ и Гунновъ, которые были язычниками, принять римское исповѣданіе и раздѣливъ всѣ свои сѣверныя завоеванія на епископства; при этомъ онъ установилъ десятину въ пользу клира и «оболъ св. Петра» въ пользу папы. Благодаря всему этому Римская церковь чрезвычайно расширилась, обогатилась, возвеличилась и укрѣпилась.

Въ упомянутомъ выше «Разсужденіи о нѣкоторыхъ чеканенныхъ въ Римѣ монетахъ Карла Великаго, Людовика Благочестиваго, Лотаря и ихъ преемниковъ» есть описаніе мозаичной картины, исполненной по приказанію папы Льва III въ память посылки Карлу Великому хоругви или знамени города Рима; мозаика эта была помѣщена въ папскомъ дворцѣ близъ Латеранскаго собора и находилась тамъ еще во время опубликованія упомянутаго «Разсужденія». На мозаикѣ изображенъ св. апостолъ Петръ съ тремя ключами на чреслахъ, протягивающій правой рукой палліумъ папѣ, а лѣвой — хоругвь Рима Карлу Великому. Подъ изображеніемъ папы была надпись: SCISSIMUS D. N. LEO P. P; подъ изображеніемъ короля — D. N. CARULO REGI; а подъ ногою апостола Петра: BEATE, PETRE, DONA VITAM LEONI P. P, ET VICTORIAM CARULO REGI DONA.

Эта мозаика-памятникъ даетъ Карлу титулъ короля, и, слѣдовательно, онъ былъ воздвигнутъ ранѣе, чѣмъ Карлъ сдѣлался императоромъ. Онъ былъ воздвигнутъ, когда ап. Петръ передалъ папѣ палліумъ, а папа послалъ хоругвь города Рима Карлу, — т. е. въ 796 г. Изображенныя выше слова: Sanctissimus Dominus noster Leo Papa Domino nostro Carulo regi (т. е. святѣйшій господинъ нашъ папа Левъ господину нашему королю Карлу) относится къ посольству, а слова, начертанныя внизу мозаики — Beate Petre, dona vitam Leoni Papae et victoriam Carulo regidona — представляютъ молитву, чтобы Господь сохранилъ жизнь папѣ Льву и даровалъ побѣду *королю* Карлу надъ Римлянами. Три ключа у чреслъ св. Петра означаютъ ключи трехъ частей его наслѣдія, т. е. Рима съ его областью, на который папа заявлялъ свои притязанія, Равенны съ экзархатомъ и территорій, отнятыхъ отъ Лонгобардскаго королевства, после недавнихъ побѣдъ.

Это и были тѣ самыя три владѣнія, ключи которыхъ изображены у пояса апостола Петра (короны этихъ же владѣній папа и понынѣ носитъ на головѣ) и благодаря завоеванію которыхъ папа сталъ малымъ рогомъ 4-го звѣря. Тѣмъ, что ап. Петръ подавалъ папѣ палліумъ *правой* рукой, а знамя города королю *лѣвой,* и что имя папы упомянуто впереди имени короля, давалось понять, что папа признавался въ высшемъ достоинствѣ, нежели цари земные.

Послѣ смерти Карла Великаго его сынъ и наслѣдникъ Людовикъ Благочестивый по настоянію папы подтвердилъ даръ своего дѣда и отца Римской епископіи[31]. Въ своей конфирмаціи онъ впервые распространяетъ предѣлы Рима и Церковной Области до Тосканы и Кампаньи; затѣмъ онъ закрѣпляетъ за папой Равеннскій экзархатъ съ Пентаполисомъ и въ-третьихъ, земли, отнятыя у Лонгобардовъ. Эти три

---

[31] Сигоній. кн. 4. подъ годомъ 817.

области подчинились, такимъ образомъ, папѣ, и онъ правилъ ими отъ лица императора для пользы церкви sub integritate, т. е. всецѣло, съ полною своею юрисдикціей и безъ вмѣшательства императора — развѣ только по особому приглашенію въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Эта ратификація императора Людовика была скрѣплена клятвой его, и подобно тому, какъ самъ онъ въ качествѣ короля Остроготскаго въ подтвержденіе того, что онъ правилъ Италіей отъ имени Греческаго императора, чеканилъ монеты съ изображеніемъ императора на одной сторонѣ и своимъ на другой, — такъ и папа далъ Западному императору такое же признаніе своей зависимости: папа началъ теперь чеканить монету и съ тѣхъ поръ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, римскія монеты имѣли на одной сторонѣ бюстъ императоровъ Карла, Людовика Благочестиваго, Лотаря и ихъ преемниковъ, а съ другой — папскія надписи.

ГЛАВА VIII.
О власти 4-го звѣря пророчества Даніила измѣнять времена и законы.

Во время царствованія Греческаго императора Юстиніана, а затѣмъ въ царствованіе Фоки, Римскій епископъ пользовался надъ Греческими церквами нѣкоторою властью, но она продолжалась недолгое время. Постоянная же власть его распространялась только на народы Западной имперіи, символизированные въ 4-мъ звѣрѣ Даніилова пророчества. Власть эта была установлена слѣдующимъ эдиктомъ императоровъ Граціана и Валентиніана:

«Повелѣваемъ, чтобы всякій, кто будетъ осужденъ рѣшеніемъ Дамаса, постановленнымъ въ соборѣ съ 5-ю или 7-ю Епископами или вообще Католиками, и осмѣлится апеллировать къ Церкви, а также тотъ, кто продерзостно не явится передъ церковный судъ, — да приводится силою власти благородными мужами, преторскими префектами Галліи и Италіи на епископскій судъ, или высылается консуларіями или викаріями подъ стражей въ городъ Римъ. Если же преступленіе будетъ совершено въ болѣе отдаленныхъ странахъ, то все производство по такому дѣлу должно быть представлено на разслѣдованіе митрополита этой провинціи. Если же преступникъ Римлянинъ, то онъ обязательно долженъ немедленно явиться въ Римъ, или предстать предъ судьями, которыхъ назначитъ Римскій епископъ. — Точно также, если возникнетъ подозрѣніе противъ какого-либо изъ провинціальныхъ епископовъ или священниковъ въ неправосудіи или пристрастіи, то позволяется обращаться съ апелляціей къ Римскому епископу или къ собору изъ 15 сосѣднихъ епископовъ, съ тѣмъ однако,

чтобы рѣшеніе, окончательно постановленное, послѣ надлежащаго разслѣдованія не перевершалось»[32].

Такъ какъ во второмъ изъ этихъ двухъ эдиктовъ не упоминается именъ ни Валента, ни Ѳеодосія, то, слѣдовательно, онъ былъ изданъ въ промежутокъ между ихъ царствованіями, т. е. въ концѣ 378-го или въ началѣ 379 года. Онъ былъ обращенъ къ преторскимъ префектамъ Галліи (Praefecti Praetorio Italiae et Galliae) и Италіи, а слѣдовательно былъ общимъ закономъ, ибо Италійскіе префекты правили Италіей, западной Иллиріей и Африкой, а преторскіе префекты Галліи (Praefectus Praetorio Galliae) управляли Галліей, Испаніей и Британіей.

Установленіе папской юрисдикціи дало нѣкоторымъ епископамъ поводъ обращаться къ папамъ за разрѣшеніемъ различныхъ сомнительныхъ случаевъ, на что тѣ отвѣчали декреталіями; такимъ образомъ папы подобными декреталіями стали предписывать законы всѣмъ Западнымъ церквамъ. Гимарій, епископъ Таррагона, главнаго города Испанской провинціи, просилъ папу Дамаса дать указанія относительно нѣкоторыхъ церковныхъ дѣлъ, но письмо его прибыло въ Римъ лишь послѣ смерти Дамаса (въ 384 г.); тогда преемникъ Дамаса Сирицій отвѣчалъ ему также въ тонѣ законодательныхъ, предписаній. По поводу одного вопроса онъ писалъ: «Cum hoc fieri — missa ad Provincias a venerandae memoriae praedecessore meo Liberio generalia decreta, prohibeant» (т. е. «вселенскія декреталіи славной памяти предмѣстника моего Либерія воспрещаютъ то-то»); по поводу другого: «Пусть тѣ, кто недостойно злоупотребляетъ привилегіями духовенства, знаютъ, что они будутъ лишены сана властью апостолическаго престола»; въ другомъ случаѣ: «Отнынѣ да будетъ извѣстно высшимъ духовнымъ сановникамъ во всѣхъ провинціяхъ, что въ томъ случаѣ,

[32] См. Анналы Баронія, годъ 381.

если они возведутъ въ священный чинъ изъ какого бы то ни было званія кого-либо изъ такихъ лицъ, противъ которыхъ направлены каноны и наши интердикты, то со стороны апостолическаго престола не преминетъ воспослѣдовать соотвѣтственное осужденіе этого дѣянія».

Посланіе заключается слѣдующимъ образомъ:

«Мы изъяснили, любезнѣйшій братъ нашъ, тѣ общія опредѣленія, которыя относятся къ данному вопросу; точно также и на отдѣльные случаи, относительно которыхъ ты обратился къ Римской церкви, какъ къ главѣ твоего тѣла, мы дали тебѣ, какъ полагаю, удовлетворительные отвѣты; теперь же мы еще и еще возгрѣваемъ духъ братства твоего къ охраненію каноновъ и выполненію всего установленнаго декреталіями; то же, что мы предписали по поводу твоихъ вопросовъ, доведи до свѣдѣнія всѣхъ епископовъ, и при томъ не только тѣхъ, которые служатъ въ твоемъ діоцезѣ, но также и всѣхъ епископовъ Карѳагена, Боэціи, Лузитаніи и Галиціи и всѣхъ сопредѣльныхъ провинцій; то, что нами указано въ нашемъ спасительномъ повелѣніи, пусть будетъ разослано съ твоими препроводительными письмами. И хотя постановленія апостолическаго престола и досточтимыя опредѣленія каноновъ должны быть извѣстны каждому изъ служителей Господа непосредственно, однако въ виду древности твоей епископіи было бы полезнѣе и даже послужило бы для твоего прославленія, чтобы все, написанное нами по общимъ вопросамъ лично тебѣ, черезъ твое одномысленное намъ содѣйствіе было доведено до свѣдѣнія всѣхъ нашихъ братій. Все то, что нами послѣ всестороннихъ тщательныхъ и подробныхъ обсужденій во благо нынѣ установлено, то да пребудетъ незыблемымъ, и да будетъ прегражденъ на будущее время путь какимъ бы то ни было извиненіямъ (въ

незнаніи), ибо мы отнынѣ не потерпимъ его ни для кого. Дано въ 3 день Февр. Идъ, въ консульство свѣтлѣйшихъ Аркадія и Бавтона. По Р. Х. 385».

Папа Либерій въ царствованіе Іовіана или Валентиніана I посылалъ во всѣ провинціи декреталіи, предписывавшіе не перекрещивать аріанъ вторично. И онъ дѣлалъ это въ уваженіе къ Александрійскому собору, постановленіе котораго по этому вопросу онъ не рѣшался отвергнуть.

Говорятъ также, что папа Дамасъ постановилъ на Римскомъ соборѣ, что десятины должны быть вносимы подъ страхомъ анаѳемы и что въ концѣ псалмовъ слѣдуетъ читать или пѣть «Слава Отцу» и т. д. Но первой дошедшей до насъ декреталіей является посланіе папы Сириція къ Гимерію, которымъ онъ назначилъ Гимерія своимъ викаріемъ во всей Испаніи для обнародованія своихъ декретовъ и наблюденія за ихъ исполненіемъ. Епископы Севильи также одно время были папскими викаріями; это видно изъ слѣдующаго письма Симплиція къ епископу Зенону: «.... Руководствуясь столь славными указаніями, мы рѣшили сообразно съ ними облечь тебя властью викарія нашего престола; облеченный такою властью, ты ни въ чемъ не позволишь нарушать декреты Апостолическаго престола или опредѣленія св. Отцовъ»[33]. Папа же Гормизда назначилъ епископа Севильскаго своимъ викаріемъ надъ Лузитаніей и Боэціей, а епископа Таррагонскаго — викаріемъ надъ всей остальной частью Испаніи.

Папа Иннокентій I въ своемъ декретальномъ посланіи къ Виктрицію, епископу Руанскому во Франціи, согласно эдикту Граціана, постановляетъ: Если между клириками какъ высшаго, такъ и низшаго чина возникнутъ какія-либо дѣла или споры, то распря, согласно Никейскому собору, должна быть

[33] Гормизд. письм. 24. 26.

прекращаема конгрегаціей епископовъ той же провинціи; и никому да не будетъ позволено безъ разрѣшенія Римской цѣркви, къ которой надлежитъ сохранять уваженіе во всѣхъ случаяхъ, обращаться въ другія провинціи, пренебрегши своими епископами, по волѣ Божіей правящими церковью той провинціи. Если же кто пренебрежетъ симъ, то, по лишеніи духовнаго сана, да будетъ осужденъ. Если же возникнутъ какіе-либо болѣе важные случаи, то, какъ постановлено соборомъ и требуется добрыми обычаями церкви, они послѣ рѣшенія епископскаго должны передаваться на разсмотрѣніе Апостолическаго престола». Судя по этимъ письмамъ, можно заключить, что Галлія была тогда подчинена папѣ, что это продолжалось уже нѣкоторое время, и что Руанскіе епископы были викаріями папы; ибо папа предписываетъ ему о болѣе важныхъ случаяхъ доносить, согласно *обычаю,* Римской церкви. Вскорѣ викаріемъ папы для всей Галліи сдѣлался епископъ Арльскій.

Въ 417 г. папа Зосима вводитъ новое постановленіе, по которому никто не будетъ получать къ нему доступа безъ вѣрительныхъ писемъ его викаріевъ; власть же выдавать такія грамоты для всей Галліи была *предоставлена Патроклу,* епископу Арльскому. Вотъ этотъ декретъ:

«Зосима епископамъ, поставленнымъ надъ Галліей и 7-ю провинціями.

Такова воля Апостолическаго престола: если кто-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ какому-либо церковному чину, пожелаетъ явиться изъ какой-либо части Галліи къ намъ въ Римъ или пожелаетъ отправиться въ какое-либо иное мѣсто, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ получивъ отъ епископа-митрополита грамоту, въ которой должны быть указаны его духовный чинъ и мѣсто служенія. Это постановлено нами въ виду того, что многіе епископы, пресвитеры и

клирики присваиваютъ себѣ почетныя званія и добиваются не положенныхъ имъ почестей, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ удостовѣрительныхъ грамотъ нашего викарія, коими они могли бы быть изобличены. Итакъ, любезнѣйшіе братья, если какой-либо епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или кто иной какого-либо низшаго чина клирикъ явится къ намъ, не имѣя вышеупомянутой грамоты, то пусть знаетъ, что онъ вовсе не будетъ принятъ. Объявляемы, что этотъ приказъ разосланъ нами повсюду, дабы извѣстно было во всѣхъ областяхъ, что все, нами постановленное, подлежитъ безусловному исполненію. Если же кто этими благими постановленіями попытается дерзостно пренебречь, пусть знаетъ, что онъ будетъ лишенъ общенія съ нами. Привилегію же выдавать сіи утвердительныя грамоты мы предоставляемъ его святости Патроклу, брату и соепископу нашему, въ особое уваженіе къ его заслугамъ».

То обстоятельство, что епископъ Арльскій былъ нѣкоторое время папскимъ викаріемъ во всей Франціи, подтверждается также всѣми епископами Арльскаго діоцеза въ посланіи ихъ къ папѣ Льву I. Они говорятъ: «Ему же предоставлено столько власти и значенія, что онъ является не только главнымъ правителемъ этихъ провинцій, но и всю Галлію, порученную ему, какъ викарію Апостолическаго престола, держитъ въ каноническомъ подчиненіи».

Папа Пелагій I въ 556 г. въ посланіи своемъ къ Саподу, епископу Арльскому, пишетъ: «Желая при содѣйствіи милосерднаго Бога идти по стопамъ предмѣстниковъ нашихъ и во всемъ подражать по Божественному внушенію ихъ дѣяніямъ, весь Гальскій викаріатъ святого Апостолическаго престола, занимаемаго нами по Божественной благодати, ввѣряемъ твоей милости».

Итакъ, вслѣдствіе (упомянутаго выше) императорскаго эдикта не только Испанія и Галлія, но также и Иллирія были подчинены папѣ. Дамасъ сдѣлалъ Асхолія или Ахолія, епископа Өессалійскаго, митрополита Восточной Иллиріи, своимъ викаріемъ для завѣдыванія церковно-судебными дѣлами. Въ 382 г. Ахолій, будучи вызванъ папой Дамасомъ, явился на соборъ въ Римъ. Папа Сирицій, преемникъ Дамаса, постановилъ, чтобы ни одинъ епископъ не рукополагался въ Иллиріи безъ согласія Анисія, преемника Ахолія, а послѣдующіе папы предоставили Руфу, преемнику Анисія, власть созывать помѣстные соборы. Въ коллекціяхъ Гольстеніуса есть отчетъ о Римскомъ соборѣ, созванномъ при папѣ Бонифаціи II. Въ этомъ отчетѣ воспроизводятся посланія Римскихъ епископовъ Дамаса, Сирицiя, Иннокентія I, Бонифація I и Целестина къ Ахолію, Анисію и къ Руфу, епископамъ Өессалійскимъ. Въ этихъ посланіяхъ папы ввѣряютъ имъ рѣшеніе церковныхъ дѣлъ въ Иллиріи, «предоставленное въ сей провинціи Господомъ и святыми канонами Апостолическому престолу». Папа Сирицій въ своемъ посланіи къ Анисію пишетъ: «Уже давно, любезнѣйшій братъ, черезъ посредство епископа Кандидіана, который ранѣе насъ отошелъ къ Господу, мы отправили тебѣ письмо о томъ, чтобы не позволялось предлагать къ посвященію въ Иллиріи епископовъ безъ твоего согласія. Дошло ли до тебя это письмо, я не могъ узнать. Мы сдѣлали это постановленіе, ибо епископами подъ вліяніемъ происковъ при рукоположеніяхъ многое совершается такое, о чемъ Милости твоей лучше извѣстно». И далѣе:

«Со всякимъ тщаніемъ, вдохновляясь отъ Св. Духа, надлежитъ тебѣ блюсти, чтобы подобнаго рода дерзостныя посягательства были подавляемы; и, или ты самъ, если можешь, или кто-либо изъ епископовъ, которыхъ ты сочтешь пригодными, наставивъ ихъ

письменно, согласно правилами Никейскаго собора и Римской Церкви, должны на мѣсто умершихъ и изверженныхъ изъ сана рукополагать въ епископы достойныхъ одобренія, какъ по своей жизни и поведенію, такъ и заслуженныхъ передъ клиромъ».

Папа же Иннокентій I въ своемъ посланіи къ Анисію говоритъ: «Ему (Анисію) и предшественники и предмѣстники мои епископы, славные мужи, т. е. святой памяти Дамасъ, Сирицій и вышеупомянутый мужъ сообщили, чтобы о всемъ, что совершается въ тѣхъ областяхъ, доводилось до свѣдѣнія твоей Святости, исполненной правосудія». Въ письмѣ же къ Руфу, преемнику Анисію; онъ пишетъ: «Итакъ, въ виду большихъ разстояній, отдѣляющихъ отъ меня церкви, онъ просилъ у меня соотвѣтственнаго распоряженія, — и я рѣшилъ, по внушенію Господа Іисуса, попеченіе и всякія дѣла, которыя возникаютъ въ церквахъ Ахаіи, Ѳессаліи, Старомъ и Новомъ Эпирѣ, Критѣ, Материковой и Прибрежной Дакіи, Мизіи, Дарданіи и Преваліи[34] ввѣрить твоему благоразумію и осмотрительности. Ибо поистинѣ, уступая его благочестивѣйшимъ настояніямъ, мы ввѣряемъ эту обязанность твоей мудрости и доблести; и мы вводимъ это постановленіе не какъ новшество, но подражая нашимъ Апостолическимъ предшественникамъ, которые ввѣряли эти обязанности блаженнѣйшимъ Ахолію и Анисію ради заслугъ ихъ». Бонифацій I въ своей декреталіи къ Руфу и другимъ епископамъ въ Иллиріи пишетъ: «Никто, какъ я неоднократно говорилъ, да не осмѣлится рукополагать кого-либо помимо вѣдома его (т. е. епископа Ѳессалійскаго), коему, согласно вышесказанному, мы ввѣряемъ все, какъ нашему викарію». Папа Целестинъ въ своемъ декретальномъ посланіи къ Иллирійскимъ епископамъ говоритъ: «Знайте, что для провинціи вашей назначенъ нашъ

[34] Древн. Pvaevalis въ Дакіи.

викарій (Руфъ), такъ что къ нему, любезнѣйшіе братья, должно обращаться во всемъ, что касается церковныхъ судебныхъ дѣлъ. Безъ его одобренія никто не долженъ быть рукополагаемъ. Безъ его вѣдома никто пусть не восхищаетъ себѣ власти въ той провинціи, которая ему (Руфу) ввѣрена; помимо его воли епископъ да не помыслитъ созывать соборы». Тотъ же папа, по дѣлу Перигена, въ заголовкѣ своего посланія перечисляетъ провинціи, состоявшія подъ властью этого епископа: «Руфу и прочимъ епископамъ, поставленнымъ надъ Македоніей, Ахаіей, Ѳессаліей, Эпиромъ, Новымъ и Старымъ, Преваліей и Дакіей». Папа Сикстъ въ своемъ декретальномъ посланіи къ тѣмъ же самымъ епископамъ пишетъ:

«Какъ было установлено нашими предмѣстниками, такъ и мы постановляемъ, чтобы всѣ Иллирійскія церкви подлежали попеченію Ѳессалійскаго викарія нашего, чтобы онъ собственнымъ усмотрѣніемъ разсматривалъ и разрѣшалъ дѣла, которыя, какъ это бываетъ, возникаютъ между братьями; ему же должно доносить о томъ, что дѣлается отдѣльными священниками. Поскольку требуютъ дѣла и поскольку самъ онъ сочтетъ нужнымъ, онъ властенъ созывать и соборы».

Папа Левъ I въ своемъ декретальномъ посланіи къ Анастасію, епископу Ѳессалійскому, пишетъ: «Только митрополитамъ ввѣряется такая власть, что они въ своихъ провинціхъ имѣютъ право рукоположенія. Самихъ же митрополитовъ рукоположи ты по зрѣломъ и глубокомъ обсужденіи — такова наша воля».

Западная имперія состояла изъ Панноніи Первой и Второй, Савіи, Далмаціи, Материковаго и Прибрежнаго Норика; метрополіей же былъ Сирміумъ, пока Аттила не разрушилъ этого города. Послѣ сего метрополій Норикума и обѣихъ Панноній сдѣлался г.

Лавреакъ, а Далмаціи — Салоники. Епископы Салоникъ и Лавреака стали получать отъ папы палліумъ. Зосима въ своемъ декретальномъ посланіи къ Есихію, епископу Солунскому, предписываетъ ему сообщать апостолическіе декреты не только епископамъ своего города, но также и сосѣднихъ провинцій. Подчиненіе этихъ провинцій Римской церкви началось, какъ кажется, при Анеміи, рукоположенномъ въ епископа Сирмійскаго Амвросіемъ, епископомъ Медіоланскимъ, и на Аквилейскомъ соборѣ 381 г. (при Дамасѣ) объявившемъ свое мнѣніе въ такихъ выраженіяхъ:

«У Илларіи нѣтъ иной главы, какъ Сирміумъ. Я же епископъ этой страны. Итакъ, того, кто не исповѣдуетъ, что Сынъ Божій вѣченъ и совѣченъ Отцу, который извѣченъ, — я объявляю анаѳемой». На слѣдующій годъ Анемій и Амвросій съ Валеріаномъ, епископомъ Аквилейскимъ, Ахоліемъ, епископомъ Ѳессалійскимъ, и многими другими, явились въ Римъ на соборъ, созванный съ тѣмъ, чтобы благодаря перевѣсу голосовъ получить преобладаніе надъ Греческой церковью и возвеличить авторитетъ апостолическаго престола, первая попытка къ чему была уже сдѣлана на Сардикійскомъ соборѣ.

Аквилея была вторымъ городомъ Западной Имперіи и нѣкоторые называли ее вторымъ Римомъ. Она была метрополіей Истріи, Юліева Форума и Венеціи; ея подчиненіе Римской церкви явствуетъ изъ декреталіи папы Льва I, обращенной къ Никитѣ, епископу Аквилейскому. Папа начинаетъ свое посланіе такъ; «Сынъ нашъ Адеодатъ, діаконъ нашего престола, возвратясь къ намъ, напоминаетъ, что твоя милость пожелала получить отвѣтъ съ высоты апостолическаго престола относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, которые, какъ кажется тебѣ, представляютъ большую трудность для разрѣшенія». Затѣмъ онъ даетъ отвѣты на вопросы, поставленные Никитой, и заключаетъ такъ: «Это же

письмо наше, которое мы посылаемъ для руководства твоему Братолюбію, распорядись сообщить всѣмъ братьямъ и соепископамъ твоей провинціи, дабы при общемъ содѣйствіи данное разъясненіе оказало пользу. Дано въ 12 день апрѣльскихъ календъ, въ консульство Маіорана Авг., въ лѣто отъ Р. Хр. 458». Григорій Великій потребовалъ въ 591 г., чтобы Аквилейскій епископъ Северъ явился къ нему для суда на соборъ въ Римъ[35].

Епископы Аквилеи и Медіолана (нынѣ Милана) рукополагали одинъ другого и вслѣдствіе этого состояли въ равномъ достоинствѣ и равнымъ образомъ были подчинены Римской церкви. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова папы Пелагія (около 557 г.): «Существовалъ древній обычай, въ силу котораго епископы Медіоланскіе и Аквилейскіе должны были рукополагать другъ друга, такъ какъ вслѣдствіе отдаленности и трудности пути для нихъ было тягостно получать рукоположеніе отъ апостолическаго епископа»[36] Въ этихъ словахъ заключается удостовѣреніе, что посвященіе этихъ двухъ епископовъ по праву принадлежало Римской церкви. Когда Лаврентій, епископъ Медіоланскій, отлучилъ Магнуса, одного изъ медіоланскихъ пресвитеровъ, и затѣмъ умеръ, то Григорій Великій разрѣшилъ Магнуса отъ отлученія и послалъ паллій вновь избранному епископу Констанцію[37]. На слѣдующій годъ онъ заподозрилъ послѣдняго въ пристрастіи въ дѣлѣ Фортуната и приказалъ ему прислать Фортуната для суда въ Римъ[38]. Четыре года спустя онъ назначилъ епископовъ Медіоланскаго и Равеннскаго судьями по дѣлу нѣкоего Максима[39]. Еще два года спустя, т. е. въ 601 г., когда

[35] Григорій Великій. Lib. I. Indic. 9. Epist. 16.
[36] Apud Gratianum de Mediolanensi et Aquileiensi Episcopis.
[37] Григорій В. Книга 3, письмо 26 и кн. 4, пис. 1.
[38] Григорій В. Книга 5, пис. 4.
[39] Григорій В. Книга 9, пис. 10 и 67.

вслѣдствіе смерти Констанція народъ Медіоланскій избралъ въ преемники его Деусдедита, а Лонгобарды выбрали другого, то Григорій написалъ знати, клиру и народу Медіолана посланія, которыми властно предписывалось рукоположить Деусдедита и разъяснялось, что тотъ, кого избрали Лонгобарды, недостоинъ быть преемникомъ каѳедры Амвросія[40]. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Медіоланская церковь находилась въ подчиненіи Римскому престолу со временъ Амвросія, ибо самъ Амвросій признавалъ авторитетъ этой церкви. «Ecclesia Romana, говоритъ онъ, hanc consuetudinem non habet, cujus typym in omnibus sequimur, et formam», (т. е. этого обычая не держится Римская церковь, примѣру которой мы слѣдуемъ во всемъ)[41]. Далѣе онъ говоритъ: «In omnibus cupio sequi Ecclesiam Romanam» (т. е. «я хочу во всемъ слѣдовать примѣру Римской церкви»). Въ своихъ комментаріяхъ на Тимоѳея (I, 3) онъ пишетъ: «хотя Богу принадлежитъ весь міръ, но домомъ Его считается церковь, а правитель церкви нынѣ Дамасъ». Въ своей проповѣди надъ гробомъ своего брата Сатира онъ разсказываетъ, какъ послѣдній, прибывъ въ одинъ изъ городовъ Сардиніи, «призвалъ мѣстнаго епископа и сталъ разспрашивать его, согласуется ли онъ съ каѳолическими епископами, т. е. съ Римскою церковью». Совмѣстно съ Аквилейскимъ соборомъ 381 г. въ соборномъ посланіи къ императору Граціану онъ пишетъ: «Умоляемъ вашу милость, дабы никто не осмѣливался нарушать покоя Римской церкви, этой главы вселенной, а также и чистоты пресвятой вѣры Апостольской, ибо изъ нея на всѣхъ изливаются блага святого таинства причащенія». Итакъ, Аквилейская и Медіоланская церковь были подчинены Римской каѳедрѣ со временъ императора Граціана. Авксентій, предмѣстникъ Амвросія, еще не былъ

---

[40] Григорій В. Книга XI, пис. 3, 4.
[41] Амвросій М. О таинствахъ, т. I.

подчиненъ Риму; слѣдовательно, подчиненіе Медіоланской церкви началось при Амвросіи. Медіоланскій діоцезъ заключалъ въ себѣ Лигурію съ Инсубріей, Коттскіе Альпы и Рэцію и отдѣлялся отъ Аквилейскаго діоцеза рѣкою Аддуей. Въ 844 г. епископъ Медіоланскій освободился изъ подъ власти Рима, и это отдѣленіе продолжалось около 200 лѣтъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Сигоній: «Въ тотъ же годъ Ангильберъ, архіепископъ Медіоланскій по мало извѣстной причинѣ отложился отъ Римской церкви. Примѣръ этотъ получилъ для послѣдующаго времени такое значеніе, что Медіоланская церковь вернулась къ повиновенію Римской власти не ранѣе, чѣмъ черезъ 200 лѣтъ[42].

Епископъ Равеннскій, митрополитъ Фламиніи и Эмиліи, также былъ подчиненъ папѣ. Это видно изъ того, что Зосима въ 417 году отлучилъ нѣсколькихъ пресвитеровъ этой церкви и послалъ объ этомъ увѣщевательное письмо клиру этой церкви, какъ отрасли церкви Римской — In sua, говоритъ онъ, hoc est; — in Ecclesia nostra Romana [что значитъ: «въ ея (Равенны) — т. е. въ нашей Римской церкви»]. Когда клиръ Равеннской церкви, избравъ себе новаго епископа, увѣдомилъ о томъ папу Сикста, то послѣдній устранилъ этого избранника и рукоположилъ вмѣсто него Петра Хризолога[43]. Хризологъ въ посланіи своемъ къ Евтихію, находящемся въ актахъ Халкидонскаго собора, пишетъ слѣдующее: «Мы, ради мира и вѣры, въ вопросахъ религіи, помимимо епископа Римскаго судьями быть не можемъ». Папа Левъ I, къ которому Левъ, епископъ Равеннскій обратился за разъясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, отвѣчалъ ему декреталіей 451 года. Папа Григорій Великій, наставляя[44] Іоанна,

---

[42] Sigonius. De Regno Italiae, lib. V.
[43] См. Baronius, Anno 433, Sect. 24.
[44] Григорій В. Книга 3, пис. 56, 57 и кн. 5, пис. 25, 26, 56.

епископа Равеннскаго, относительно значенія паллія, говоритъ ему о постановленіи одного изъ своихъ предмѣстниковъ, папы Іоанна, въ силу котораго всѣ привилегіи, ранѣе предоставленныя епископу и церкви Равеннской, должны быть соблюдаемы. Іоаннъ отвѣтилъ на это письмомъ, выражавшимъ признаніе своего подчиненія. Послѣ же его смерти папа Григорій предписалъ произвести «визитацію» Равеннской церкви, подкрѣпилъ дарованныя ей привилегіи и по древнему обычаю послалъ новому епископу ея Мариньяну свой паллій. И хотя церковь Равеннская временами возставала противъ церкви Римской, однако всегда снова возвращалась въ подчиненіе ей.

Остальная Италія вмѣстѣ съ прилежавшими островами, состоявшая изъ «пригородныхъ» областей или 10 провинцій подъ властью свѣтскаго викарія Римскаго [Кампанія (1), Тусція и Умбрія (2), Подгородній Пиценумъ (3), Сицилія (4), Апулія и Калабрія (5), Бруція и Луканія (6), Самніумъ (7), Сардинія (8), Корсика (9) и Валерія (10)], представляла собой собственную провинцію Римскаго епископа. Это видно изъ слѣдующаго: Никейскій соборъ въ 5-мъ канонѣ предписываетъ, чтобы въ каждой провинціи весною и осенью созывались соборы; вслѣдствіе этого канона епископы перечисленныхъ провинцій дважды въ годъ собирались въ Римѣ. Папа Левъ I примѣняетъ этотъ канонъ къ Риму въ декреталіи, данной епископамъ сицилійскимъ (въ 447 г. въ консульство Алипія и Ардабура), въ слѣдующемъ смыслѣ: «Такъ какъ святыми отцами весьма благопотребно постановлено, чтобы дважды каждый годъ собирался соборъ епископовъ, то пусть по трое изъ васъ всегда являются къ 3-му дню октябрьскихъ календъ въ Римъ для участія въ постоянномъ соборѣ. И пусть этотъ обычай соблюдается вами неукоснительно, ибо при помощи Божьей благодати легче можно будетъ предусматривать, дабы въ

церквахъ Христовыхъ не возникали постыдныя дѣла (ереси). Это осуществимо въ томъ случаѣ, если предъ лицомъ Апостола Петра всегда будетъ соборне обсуждаемо, чтобы всѣ каноническія правила неприкосновенно исполнялись всѣми служителями Господа». Что въ Римскую область входила Сицилія вмѣстѣ съ значительной частью Италіи и сосѣднихъ островов, видно изъ того, что отъ нихъ въ Римъ посылались епископы на ежегодные соборы; но въ нее не входили Равенна, Аквилея, Медіоланъ, Арль и др., такъ какъ провинціи эти имѣли собственные соборы. Епископы каждой особой провинціи Римской имперіи созывались въ соборы митрополитами или епископами главныхъ городовъ провинціи, предсѣдавшими на этихъ соборахъ. Епископъ же Римскій не только предсѣдательствовалъ на своихъ соборахъ, составленныхъ изъ епископовъ «пригородныхъ» областей, но посылалъ также указы митрополитамъ всѣхъ прочихъ провинцій Западной имперіи, какъ ихъ универсальный правитель. Это будетъ видно дальше изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Папа Зосима вызвалъ въ 417 г. епископа Марсельскаго Прокула на соборъ въ Римъ для суда по обвиненію въ незаконныхъ посвященіяхъ и осудилъ его, какъ онъ объ этомъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ своихъ письмахъ. Папа Бонифацій I въ 419 году вслѣдствіе жалобы духовенства Валенціи противъ епископа Максима предписалъ епископамъ всей Галліи и 7 провинцій собраться на соборъ для суда надъ нимъ; при этомъ въ своемъ посланіи онъ говоритъ, что и его предшественники поступали подобнымъ же образомъ. Папа Левъ I собралъ общій соборъ въ Галлиціи изъ всѣхъ испанскихъ провинцій для осужденія ереси манихеевъ и прискилліанъ, какъ онъ пишетъ въ своей декреталіи Туррибію, испанскому епископу. Въ одной изъ своихъ декреталій онъ предписываетъ Никитѣ,

епископу Аквилейскому созвать соборъ изъ епископовъ этой провинціи для утвержденія соборныхъ постановленій, изданныхъ противъ пелагіанской ереси и уже дѣйствующихъ въ Римской области. Въ декреталіи, обращенной къ Анастасію, епископу Ѳессалійскому, онъ предписываетъ послѣднему собирать по два областныхъ собора ежегодно, а о болѣе важныхъ дѣлахъ доносить Римскому престолу; если же по какому-нибудь чрезвычайному случаю возникнетъ необходимость въ созваніи собора въ неурочное время, то онъ предписываетъ не безпокоить всѣхъ епископовъ, но довольствоваться двумя епископами отъ каждой провинціи и не задерживать ихъ свыше двухъ недѣль. Въ той же самой декреталіи онъ описываетъ установившуюся уже тогда въ церковномъ управленіи практику, подчинявшую римскому престолу всѣ прочія церкви.

«Изъ этого образа правленія произошло также различіе и между епископами, при чемъ съ большой мудростью предусмотрѣно, чтобы не всѣ епископы притязали на всю полноту власти, но чтобы въ каждой провинціи были особые епископы, рѣшеніе которыхъ первенствовало бы передъ мнѣніемъ прочихъ братьевъ, и затѣмъ, чтобы болѣе важныя обязанности были возложены на поставленныхъ въ главныхъ городахъ епископовъ, черезъ коихъ все попеченіе о церкви сосредоточивалось бы у единаго Петрова престола вселенской церкви, дабы ничто не отдѣлялось отъ главы ея. Поставленный же надъ другими не долженъ обращать свое первенство кому-либо въ тягость, но пусть самъ держится того же повиновенія, котораго требуетъ отъ другихъ, и какъ самъ онъ не пожелалъ бы нести тяжкое иго, такъ и на другихъ пусть не возлагаетъ бремени неудобоносимаго».

Эти слова въ достаточной степени выясняютъ монархическій образъ правленія, установившійся въ

церквахъ Западной имперіи подъ властью Римскаго епископа, благодаря императорскому дѣкрету Граціана и опиравшимся на него декреталіямъ.

Тотъ же папа Левъ, добившись на Римскомъ соборѣ осужденія Иларія, епископа Арльскаго, за проступки, совершенные имъ на областномъ соборѣ въ Галліи, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы получить отъ Западнаго императора Валентиніана III слѣдующей эдиктъ, устанавливающій полную власть римскаго престола надъ всѣми церквами Западной Имперіи: «Императоры Ѳеодосій и Валентиніанъ Августъ Аэцію, Сіятельному мужу, Комесу и Магистру пѣшей и конной службы, Патрицію».

«Извѣстно и намъ и всей имперіи нашей, что единственное прибѣжище для человѣка это милость верховнаго Божества, полученіе которой особенно способствуетъ Христіанская вѣра и досточтимая наша религія. Итакъ, поелику достойно заслуженное первенство Апостолическаго престола святого Петра, князя епископовъ и гражданина Римскаго государства, подтверждено также властью святого собора, то никто да не осмѣлится предпринимать что-либо, неодобренное авторитетомъ того престола: ибо тогда только настанетъ повсюду миръ въ Церквахъ, когда вселенная познаетъ своего правителя. И вотъ въ то время, какъ такой порядокъ вещей соблюдался донынѣ всюду неприкосновенно, Иларій Арльскій нынѣ, какъ мы узнали изъ достовѣрнаго сообщенія досточтимаго мужа Льва, Римскаго папы, пытался тайной дерзостью ввести воспрещенные обычаи и даже наполнилъ Трансальпійскія церкви ужаснымъ смятеніемъ, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ недавній примѣръ. Ибо Иларій, именующійся епископомъ Арльскимъ, помимо вѣдома первосвященника Римской церкви, позволилъ себѣ не должнымъ образомъ рукополагать во епископы, присвоивъ себѣ такое право единственно по дерзости.

Однихъ онъ, не имѣя права, низлагалъ; другихъ рукополагалъ непристойно, безъ согласія и даже вопреки настояніямъ гражданъ. А такъ какъ рукоположенные имъ во епископы неохотно принимались тѣми, кто ихъ вовсе не выбиралъ, то онъ нанималъ вооруженный отрядъ и запершихся въ стѣнахъ своего города гражданъ осаждалъ или бралъ приступомъ точно непріятель; призванный уже по своему сану проповѣдывать миръ, онъ однако каѳедры кротости замѣщалъ при посредствѣ вооруженнаго насилія. Обсудивъ, по повелѣнію благочестиваго мужа, папы города Рима, всѣ эти преступленія противъ величія имперіи и должнаго уваженія къ Апостолическому престолу, соборъ постановилъ противъ виновнаго за неправильныя посвященія извѣстный приговоръ. Этотъ приговоръ имѣлъ бы силу для всей Галліи даже и безъ императорской санкціи: ибо на что не распространяется власть первосвященника! Но наше предписаніе вызвано слѣдующей причиной. Впредь ни Иларію, которому до сихъ поръ именоваться епископомъ позволяетъ лишь обычное человѣколюбіе намѣстника Апостолическаго престола, и никому иному не разрѣшается вмѣшиваться въ церковныя дѣла съ вооруженною силою или сопротивляться приказаніямъ Римскаго намѣстника, ибо такими дерзкими дѣяніями нарушается вѣрность и уваженіе,подобающія имперіи. И мы воспрещаемъ не только то, что составляетъ уголовное преступленіе, но повелѣваемъ и подтверждаемъ нашею неизмѣнною санкціею, чтобы въ церквахъ не возникло даже и малѣйшаго замѣшательства и дабы ни въ чемъ не проявлялось умаленіе церковной дисциплины. И не однимъ только епископамъ Галліи, но и всѣхъ прочихъ провинцій, воспрещается посягать на исконные обычаи безъ одобренія досточтимаго папы Вѣчнаго города. Но всѣмъ имъ да будетъ въ законъ то, что освятила или въ

будущее время освятитъ власть апостолическаго престола, такъ что, если какой-либо изъ епископовъ, вызванный на судъ къ папскому викарію, откажется явиться, то правитель провинцій долженъ понудить его къ явкѣ на судъ ради сохраненія привилегій, предоставленныхъ святой Римской церкви нашими божественными предками, о Аэцій, любезнѣйшій родитель Августа. Вслѣдствіе этого сіятельное и преславное великолѣпіе твое, по силѣ настоящаго эдикта, пусть распорядится охранять вышеизложенное постановленіе, и со всякаго судьи, который допуститъ нарушеніе этихъ нашихъ предписаній, немедленно взыскивать 10 ливръ золота. Божество да хранитъ тебя на многія лѣта, дражайшій родственникъ. Дано въ 8 день іюньскихъ Идъ въ Римѣ, въ консульство Валентиніана, 6 августа, въ годъ отъ Р. Х. 445».

Этимъ эдиктомъ императоръ Валентиніанъ наложилъ на всѣ церкви своей имперіи обязанность безусловнаго повиновенія волѣ Римскаго епископа, ибо объявляетъ, что всякій самостоятельный починъ епископовъ въ чемъ бы то ни было безъ одобренія папы противенъ древнему обычаю, и что епископы, вызываемые къ нему на судъ, должны быть приводимы силою губернаторами провинцій; причемъ всѣ эти папскія привилегія онъ приписываетъ распоряженіямъ своихъ покойныхъ предковъ, т. е. эдикту Граціна и Валентиніана II, какъ указано выше. Отмѣтивъ это, мы найдемъ, что главенство Римской церкви въ это время длилось уже 66 лѣтъ; и если до этого момента оно еще не было окончательно установлено, то указаннаго эдикта было достаточно, чтобы поставить это главенство внѣ всякаго спора по всей Западной имперіи.

Такъ всѣ епископы Арльской провинціи въ посланіи своемъ къ папѣ Льву I въ 450 г., ходатайствуя о возстановленіи привилегій ихъ митрополіи, говорятъ: «Чрезъ блаженнаго Петра, князя Апостоловъ, пресвятая

Римская церковь получила княженіе надъ церквами цѣлаго міра». Керамій, Салоній и Веранъ, три Галльскихъ епископа, въ письмѣ къ тому же папѣ Льву I говорятъ: «Въ большое и даже несказанное ликованіе пришли мы, рабы твои, по поводу того, что твое поученіе получило такую славу на всѣхъ соборахъ церковныхъ, что принято почти единодушнымъ рѣшеніемъ всѣхъ; итакъ, по заслугамъ установлено первенство Апостолическаго престола, откуда нынѣ раздаются вѣщанія апостольскаго духа».

И самъ Левъ въ своемъ посланіи къ епископамъ-митрополитамъ Иллиріи говоритъ:

«Ибо заботы наши простираются на всѣ церкви, такъ какъ этого требуетъ отъ насъ Самъ Господь, Который облекъ блаженнѣйшаго Апостола Петра въ награду за вѣру его достоинствомъ князя Апостоловъ, утвердивъ вселенскую церковь на немъ, какъ на несокрушимомъ камнѣ».

Въ то время, какъ Церковная область возвышалась, сѣверныя варварскія націи вторглись въ Западную имперію и образовали въ ней нѣсколько государствъ; ихъ религія отличалась отъ религіи Римской церкви. Но всѣ эти государства постепенно приняли римское исповѣданіе и въ то же время подчинились папскому авторитету, франки Галліи подчинились въ концѣ V вѣка, Испанскіе Готы — въ концѣ VI, Лонгобарды же въ Италіи были покорены Карломъ В. въ 774 г. Между 775 и 794 гг. тотъ же Карлъ распространилъ папское вліяніе на всю Германію и Венгрію до рѣки Тиссы и Балтійскаго моря. Онъ поставилъ папу такимъ образомъ выше всякой человѣческой власти и въ то же самое время помогъ ему подчинить городъ Римъ и Римское дукатство. Съ обращеніемъ 10 королевствъ къ Римскому исповѣданію папа лишь расширилъ свое духовное господство, но еще не возвысился, какъ рогъ звѣря. Папа сдѣлался однимъ

изъ этихъ роговъ лишь благодаря пріобрѣтенію свѣтскихъ владеній; а владѣнія эти онъ пріобрѣлъ въ послѣднюю половину VIII столѣтія, покоривъ себѣ три первыхъ рога, какъ изложено было выше. Теперь, добившись свѣтскаго господства и могущества выше всякой человѣческой власти, онъ «сталъ по виду больше прочихъ» (Дан. VII, 20), и «времена и законы (съ той поры) были преданы въ руки его до времени, временъ и половины времени» (тамъ же 25) или на три времени съ половиной, т. е. на 1260 солнечныхъ лѣтъ, считая *время* за календарный годъ въ 360 дней, а *день* за солнечный годъ. Послѣ же этого «возсядутъ судьи и отнимутъ у него — не сразу, а постепенно, — власть губить и истреблять до конца» (тамъ же 26). «Царство же и власть и величество царственное во всей поднебесной дано будетъ (постепенно) народу святыхъ Всевышняго, Котораго царство — вѣчное, и всѣ властители будутъ служить и повиноваться ему» (тамъ же 27, 28).

ГЛАВА IX.
О царствахъ, символизированныхъ въ пророчествѣ Даніила въ образѣ овна и козла.

Второе и третье царства, символизированныя сначала въ образахъ медвѣдя и леопарда, представляются вторично въ образѣ овна и козла съ тѣмъ, однако, различіемъ, что овенъ представляетъ царства Мидійское и Персидское съ момента *возникновенія* 4-хъ царствъ, а козелъ представляетъ царство Грековъ къ *концу* этихъ царствъ. Вслѣдствіе этого, подъ образами овна и козла вновь описываются времена всѣхъ 4-хъ имперій: «И поднялъ я глаза мои и увидѣлъ: вотъ, одинъ овенъ стоитъ у рѣки; у него два рога, и рога высокіе, но одинъ выше другаго, и высшій поднялся послѣ»[45]. — «И овенъ съ двумя рогами представлялъ собою царей Мидіи и Персіи», — не двухъ лицъ, но два царства, Мидійское и Персидское; и царство Персидское было болѣе высокимъ рогомъ и возвысилось позже. Персидское царство возвысилось, когда Киръ, завоевавъ Вавилонъ, отложился отъ царя Мидійскаго Дарія и поразилъ его при Пасаргадѣ и поставилъ Персовъ выше Мидянъ. И это былъ «рогъ, поднявшійся послѣ». Рогомъ же, поднявшимся ранѣе, было царство Мидійское, возникшее въ то время, когда Кіаксаръ и Навуходоносоръ, завоевавъ Ниневію, раздѣлили между собою Ассирійскую имперію.

Имперіи Мидійская и Вавилонская существовали одновременно и возникли вмѣстѣ при паденіи царства Ассирійскаго; и пророчество о 4-хъ звѣряхъ начинается съ изображенія одного изъ нихъ, а пророчество объ овнѣ и козлѣ — съ другого. Какъ овенъ изображаетъ собою царство Мидійское и Персидское

[45] Гл. VIII, 3.

отъ возникновенія 4-хъ царствъ, такъ козелъ изображаетъ Греческую имперію до конца этихъ монархій. Царствованіе его большого рога и 4-хъ роговъ, которые возникли послѣ него, изображаетъ эту же имперію въ историческій періодъ царствованія леопарда; и царствованіе маленькаго рога, который поднялся въ послѣдній періодъ четырехъ монархій, и послѣ ихъ паденія усилился и сталъ могущественнымъ, хотя и не своей силой, — представляетъ имперію во время царствованія 4-го звѣря.

«Козелъ косматый, говоритъ Даніилъ, — царь Греціи», т. е. царство греческое; «большой рогъ, который между глазами его, это — его первый царь», не первый монархъ, но первое царство, то, которое существовало во время правленія Александра Великаго, его брата Аридея и двухъ малолѣтнихъ сыновей Александра и Геркулеса. «И когда онъ (рогъ) сломился и вмѣсто него вышли другіе четыре: это — четыре царства возстанутъ изъ этого народа (Греческаго), но не съ его (перваго рога) силою». Такимъ образомъ, 4 рога означаютъ 4 царства, и слѣдовательно, первый большой рогъ, которому они наслѣдовали, есть первое большое царство Грековъ, то, которое было основано Александромъ Великимъ (414 г. эры Набонассара) и продолжалось до смерти его сына Геркулеса (441 г. эры Набонассара). А четыре царства, послѣдовавшія послѣ него, это — области Кассандра, Лизимаха, Антигона и Птоломея, какъ изложено выше.

«Подъ конецъ же царства ихъ, когда отступники исполнятъ мѣру беззаконій своихъ, возстанетъ царь (или новое царство) наглый и искусный въ коварствѣ; и укрѣпится сила его, хотя и не его силою»[46]. Это былъ послѣдній рогъ козла, малый рогъ, возставшій отъ одного изъ 4-хъ роговъ и разросшійся чрезвычайно. Послѣднее время ихъ царствованія настало, когда Римляне начали покорять ихъ, т. е. когда они побѣдили

[46] Гл. VIII, 23—24.

Персея, царя Македоніи, что и было началомъ Греческаго могущества. Въ это время отступники переполнили мѣру беззаконій своихъ: ибо тогда первосвященство продавалось за деньги и притворы храма сдавались въ наемъ ради корысти; первосвященникъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми евреями получилъ отъ Антіоха Епифана разрѣшеніе слѣдовать языческимъ обычаямъ и учредилъ въ Іерусалимѣ школу для изученія ихъ. Въ это время Антіохъ взялъ Іерусалимъ приступомъ, избилъ 4.000 Евреевъ, захватилъ множество плѣнниковъ и продалъ ихъ, разграбилъ храмъ и воспретилъ въ немъ богослуженіе, приказалъ сжечь книги закона Моисеева и сталъ вводить во всей Іудеѣ поклоненіе языческимъ богамъ. Въ тотъ же самый годъ (580-й эры Набонассара) Римляне подчинили себе Македонію, — главный изъ 4-хъ роговъ.

Доселѣ козелъ былъ силенъ своею собственною силой, а съ этихъ поръ попалъ въ подчиненіе къ Римлянамъ. Даніилъ отличаетъ времена тѣмъ, что тщательно описываетъ дѣянія царей сѣвера и юга, — т. е. тѣхъ 2-хъ изъ 4-хъ роговъ, которые были сопредѣльны Іудеѣ, — до самаго завоеванія Македоніи Римлянами; послѣ же этого онъ едва касается великихъ переворотовъ, совершившихся среди народовъ, символизированныхъ въ образѣ козла. Въ этотъ послѣдній періодъ возсталъ малый рогъ и «укрѣпилась сила его», хотя и не его силою».

Три первые звѣря Даніилова пророчества послѣдовательно лишались своего господства, каждый изъ нихъ уступая послѣдующему звѣрю; но жизнь ихъ не прекращалась, и всѣ они все еще были живы. Третій звѣрь или леопардъ царствовалъ въ лицѣ своихъ 4-хъ головъ до возвышенія 4-го звѣря или Латинской имперіи, и жизнь его продолжалась подъ властью послѣдней. Леопардъ, царствовавшій въ лицѣ своихъ 4-

хъ головъ, обозначаетъ то же, что и козелъ, царствующій въ лицѣ своихъ 4-хъ роговъ; и, слѣдовательно, козелъ царствовалъ въ видѣ своихъ 4-хъ роговъ до возвышенія 4-го Даніилова звѣря, т. е. Латинской имперіи; а затѣмъ власть была у него отнята, и онъ продолжалъ свою жизнь подъ главенствомъ этой имперіи. Латиняне не разумѣются въ числѣ народовъ, представленныхъ въ пророчествѣ въ образѣ козла; власть ихъ надъ Греками упоминается лишь ради того, чтобы отмѣтить время, когда козелъ былъ силенъ собственною силою, и различить его отъ того времени, когда онъ былъ силенъ, но не своею собственною силою. Онъ былъ силенъ своею собственною силою лишь до того времени, когда господство было отнято у него Латинянами; послѣ этого, онъ продолжалъ жить подъ ихъ властью, и это происходило въ дни его 4-го рога; ибо въ эпоху этого рога козелъ все еще былъ силенъ, хотя и не своею собственною силою.

Такъ какъ этотъ рогъ былъ однимъ изъ роговъ козла, то намъ слѣдуетъ искать его въ числѣ тѣхъ народовъ, которые составляли тѣло козла. Онъ долженъ былъ возстать и сдѣлаться сильнымъ; онъ долженъ былъ разростись «на югъ и на востокъ и къ прекрасной странѣ»[47]; слѣдовательно, онъ долженъ былъ возстать въ сѣверо-западной части этихъ странъ и распространить свои владѣнія на Египетъ, Сирію и Іудею. Въ послѣдніе дни господства 4-хъ роговъ онъ долженъ былъ вырости отъ одного изъ нихъ и подчинить себе остальные, но не собственною силою. Ему должна была оказать помощь чужеземная сила, болѣе могучая, чѣмъ онъ самъ, сила, поразившая власть 3-го звѣря, а именно сила 4-го звѣря. И этимъ малымъ рогомъ было царство Македонское съ того времени, когда оно подчинилось Римлянамъ. Это царство, благодаря побѣдѣ Римлянъ надъ царемъ Македонскимъ Персеемъ въ 580 г. эры Набонассара,

[47] Гл. VIII, 9.

перестало быть однимъ изъ 4-хъ роговъ козла и стало государствомъ новаго рода: не рогомъ 4-го звѣря, ибо Македонія принадлежала къ составу 3-го, но рогомъ 3-го звѣря и притомъ рогомъ новаго рода — рогомъ козла, ставшимъ сильнымъ, но не своею собственною силою, рогомъ, выросшимъ и сдѣлавшимся могущественнымъ подъ иноземною властью — властью Римлянъ.

Римляне, по завѣщанію послѣдняго Пергамскаго царя Аттала (615 г. эры Набонассара), унаслѣдовали Пергамъ вмѣстѣ со всей Малой Азіей, до Таврскихъ горъ. Въ 684 и 685 г. они завоевали Арменію, Сирію и Іудею; въ 718-мъ г. они покорили Египетъ. И благодаря всѣмъ этимъ завоеваніямъ малый рогъ «чрезвычайно разросся къ югу и къ востоку и къ прекрасной странѣ; и вознесся до воинства небеснаго, и низринулъ на землю часть сего воинства и звѣздъ и попралъ ихъ (т. е. народъ и вождей Іудеи»[48] «и даже вознесся на Вождя воинства сего» — Мессію, царя Іудейскаго, котораго онъ предалъ смерти (780 г. эры Набонассара). «И отнята была у Него ежедневная жертва и поругано было мѣсто святыни Его», — что произошло во время войнъ, которыя вели противъ Іудеи восточные народы подъ предводительствомъ Римлянъ во времена императоровъ Нерона и Веспасіана въ 816, 817 и 818 г.г. эры Набонассара. «И воинство (было) предано ему вмѣстѣ съ ежедневною жертвою за нечестіе, и онъ, повергая истину на землю, дѣйствовалъ и успѣвалъ»[49]. Это нечестіе называется «нечестіемъ опустошительнымъ», «мерзостью запустѣнія», въ XI гл. 31 ст. Даніила, «мерзостью запустѣнія, реченною черезъ пророка Даніила, стоящею на святомъ мѣстѣ», въ гл. XXIV, 15 ст. Матѳ. Это выраженіе можетъ относиться главнымъ образомъ къ поклоненію Юпитеру Олимпійскому въ храмѣ его, построенномъ императоромъ Адріаномъ на

---

[48] Гл. VIII, 9—10.
[49] Ст. 11-12.

мѣстѣ храма Іудейскаго; и къ происшедшему изъ-за этого возмущенію Іудеевъ при *Баркохбѣ*[50], и къ опустошенію Іудеи, которое послѣдовало за возстаніемъ, при чемъ Евреи были изгнаны изъ Іудеи и возвращеніе туда имъ было воспрещено подъ страхомъ смертной казни. «И услышалъ я, говоритъ Даніилъ, одного святаго, говорящаго, и сказалъ этотъ святой кому то, вопрошавшему: «на сколько времени простирается это видѣніе о ежедневной жертвѣ и объ опустошительномъ нечестіи, когда святыня и воинство будутъ попираемы». И сказалъ онъ мнѣ: «на 2.300 вечеровъ и утръ; и тогда святилище очистится»[51]. Дни Даніила соотвѣтствуютъ годамъ; начинать же счисленіе этихъ лѣтъ слѣдуетъ либо отъ разрушенія храма Іерусалимскаго Римлянами въ царствованіе Веспасіана, или отъ оскверненія святыни поклоненіемъ Юпитеру Олимпійскому, или отъ опустошенія Іудеи, произведеннаго въ концѣ Іудейской войны, когда всѣ Евреи были изгнаны изъ своего отечества, или же, наконецъ, отъ какого-либо иного срока.

Съ тѣхъ поръ послѣдній рогъ козла продолжалъ оставаться сильнымъ подъ властью Римлянъ вплоть до царствованія Константина Великаго и его сыновей; а затѣмъ, по раздѣлѣ Римской имперіи между Греческимъ и Латинскимъ императорами, онъ отдѣлился отъ Латинянъ и сталъ только Греческой имперіей, однако все еще подъ властью Римской династіи; а нынѣ[52] онъ продолжаетъ быть могущественнымъ подъ властью Турокъ.

Этотъ послѣдній рогъ нѣкоторыми принимается за Антіоха Епифана, но безъ достаточныхъ основаній. Рогъ звѣря никогда не употребляется въ смыслѣ

---

[50] Извѣстный въ исторіи Іудеевъ Баръ-Кохба.

[51] Ст. 18, 14.

[52] Очевидно, Ньютонъ говоритъ съ точки зрѣнія своего времени. *Прим. изд.*

единичнаго лица; онъ всегда обозначаетъ собою *новое* царство, царство же Антіоха было царствомъ, существовавшимъ уже давно. Антіохъ царствовалъ надъ однимъ изъ 4-хъ роговъ, а малый рогъ былъ пятымъ, и притомъ подъ властью собственныхъ государей. Этотъ рогъ былъ сначала малъ, а затѣмъ чрезвычайно разросся, но съ Антіохомъ не произошло ничего подобнаго. Малый рогъ сталъ выше всѣхъ предыдущихъ роговъ, но съ Антіохомъ этого не было. Его царство, напротивъ того, было безсильно, платило дань Римлянамъ, и онъ не расширилъ его. Рогъ былъ «царемъ, исполненнымъ коварства, разрушалъ, успѣвалъ и дѣйствовалъ», т. е. онъ успѣвалъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ святого народа; но Антіохъ удалился изъ Египта по одному лишь простому требованію Римлянъ и затѣмъ былъ изгнанъ Евреями. Рогъ былъ могуществен, но не своей силой, Антіохъ же царствовалъ собственной властью. Рогъ возсталъ противъ Вождя воинства небеснаго, Царя царей; и это является отличительной чертой не Антіоха, но антихриста. Рогъ повергъ святилище во прахъ; Антіохъ же этого не дѣлалъ. Святилище и воинство попирались ногами 2.300 дней, дни же въ пророчествѣ Даніила употребляются въ значеніи годовъ; но оскверненіе храма въ царствованіе Антіоха не продолжалось столько времени.

Это должно происходить до послѣднихъ временъ, до окончательнаго исчезновенія презрѣнія къ Евреямъ; а этому презрѣнію конецъ еще не насталъ. Это должно происходить до тѣхъ поръ, пока Святилище, низвергнутое во прахъ, не будетъ очищено; но оно пока еще не очищено.

Это пророчество объ овнѣ и козлѣ повторяется въ послѣднемъ пророчествѣ Даніила. Здѣсь Ангелъ говоритъ Даніилу, что онъ «сталъ подпорою Дарію Мидянину», и что «еще три царя возстанутъ въ Персіи (Киръ, Камбизъ и Дарій Гистаспъ), и четвертый

(Ксерксъ) превзойдетъ всѣхъ великимъ богатствомъ, и когда усилится богатствомъ своимъ, то подниметъ всѣхъ противъ царства Греческаго»[53]. Это относится къ овну, два рога котораго были царствами Мидійскимъ и Персидскимъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ описывать рога козла такъ: «и возстанетъ царь могущественный, который будетъ владычествовать съ великою властію и будетъ дѣйствовать по своей волѣ»[54]; и царство его раздѣлится на 4 меньшія царства и не перейдетъ къ его потомству. Затѣмъ онъ описываетъ судьбу тѣхъ 2-хъ царствъ, которыя были сопредѣльны съ Іудеей, т. е. Египта и Сиріи, называя ихъ королями сѣвера и юга (по отношенію къ Іудеѣ), и онъ доводитъ описаніе до послѣдняго конца всѣхъ 4-хъ царствъ и до воцаренія Антіоха Епифана, «когда нечестивые переполнятъ мѣру своего нечестія». Восьмымъ годомъ царствованія Антіоха, тѣмъ самымъ годомъ, когда онъ осквернилъ храмъ и поставилъ по всей Іудеѣ языческихъ боговъ, а Римляне завоевали царство Македонское, — пророчественный Ангелъ прекращаетъ повѣствованіе о даряхъ сѣвера и юга и начинаетъ описаніе царствъ Греческихъ, находившихся подъ властью Римлянъ, слѣдующими словами: «и поставлена будетъ имъ часть войска (Римляне), которое осквернитъ Святилище могущества»[55]. Такъ какъ (мелек.) åðèõ значитъ послѣ царя[56] (Дан. XI, 8), такъ здѣсь éëòõ обозначаетъ послѣ него; точно также úç÷ïñ можетъ обозначать *послѣ одного изъ нихъ* (Дан. VIII, 9)[57]. *Войска* — во всѣхъ мѣстахъ пророчества Даніила употребляются для обозначенія военнаго могущества царства и *они «возстаютъ»*, когда побѣждаютъ и завоевываютъ.

[53] Дан. XI, 1, 2.
[54] Ст. 8.
[55] Дан. XI, 31.
[56] Въ рус. Библіи «вышѣ царя».
[57] Въ рус. Библіи «отъ одного изъ нихъ».

Римляне покорили Иллирію, Эпиръ и Македонію въ 580 г.[58] эры Набонассара. И спустя 35 лѣтъ послѣ этого, согласно послѣдней волѣ и завѣщанію Аттала, послѣдняго царя Пергама, они унаслѣдовали это богатое и цвѣтущее царство, т. е. всю Азію по сю сторону Таврскихъ горъ; 65 лѣтъ после этого они завоевали царство Сирійское и обратили его въ свою провинцію, наконецъ, 34 года спустя они то же сдѣлали съ Египтомъ. Такимъ образомъ Римляне постепенно преодолѣли Грековъ. Спустя еще 95 лѣтъ они пошли войною противъ Евреевъ и осквернили Святилище Могущества (Бога Всемогущаго), прекратили ежедневную жертву и поставили мерзость запустѣнія; и эта мерзость запустѣнія была поставлена послѣ Христа (Матѳ. IV, 15). Въ 16-й годъ царствованія императора Адріана, т. е. 132 г. по Р. Х., они *«поставили* эту *мерзость запустѣнія»,* построивъ храмъ Юпитера Олимпійскаго на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ Іерусалимѣ храмъ Божій. Вслѣдствіе этого Евреи подъ предводительствомъ *Баркохба* подняли оружіе противъ Римлянъ, и во время этой войны было уничтожено 50 большихъ городовъ, разрушено 985 самыхъ лучшихъ ихъ поселеній и 580.000 человѣкъ пало отъ меча; и по окончаніи войны въ 136 г. по Р. Х. всѣ они были изгнаны изъ Іудеи подъ страхомъ смертной казни. И въ это время страна оставалась лишенной всего своего коренного населенія.

Что пророчественный Ангелъ отъ описанія четырехъ царствъ греческихъ переходитъ къ описанію именно Римскаго господствованія надъ Греками, видно изъ того, что въ ближайшихъ строкахъ онъ описываетъ судьбу христіанъ до послѣднихъ временъ въ

[58] По русской версіи Библіи такого согласованія историческихъ фактовъ съ пророчествомъ установлено быть не можетъ. По русскому тексту здѣсь дѣло идетъ не о Римѣ, а объ Антіохѣ. *Прим. издат.*

слѣдующихъ словахъ: «и разумные изъ народа вразумятъ многихъ, хотя будутъ нѣсколько времени страдать отъ меча и огня, отъ плѣна и грабежа. И во время страданія своего будутъ имѣть нѣкоторую помощь (т. е. въ царствованіе Константина Великаго), и многіе присоединятся къ нимъ, но притворно. Пострадаютъ нѣкоторые и изъ разумныхъ для испытанія ихъ, очищенія ихъ (отъ лицемѣровъ) и для убѣленія ихъ къ послѣднему времени»[59]. И нѣсколько дальше послѣднее время названо *временемъ*, *временами и полвременемъ:* что соотвѣтствуетъ продолжительности царствованія послѣдняго рога Даніилова четвертаго звѣря и жены, и ея звѣря въ Апокалипсисѣ.

[59] Дан. Гл XI, 33-35.

ГЛАВА X.
Пророчество о семидесяти седминахъ.

Видѣніе объ истуканѣ изъ четырехъ металловъ видѣлъ во снѣ сначала Навуходоносоръ, а потомъ Даніилъ. Когда Даніилъ изъяснилъ смыслъ этого видѣнія, то прославился, какъ изъяснитель тайнъ (Iезек. XXVIII, 3). Видѣніе о четырехъ звѣряхъ и о Сынѣ Человѣческомъ, грядущемъ на облакахъ небесныхъ, также дано было Даніилу во снѣ. Видѣніе овна и козла явилось ему въ дневное время, когда онъ былъ на берегу рѣки Улая; оно было изъяснено ему пророчественнымъ ангеломъ Гавріиломъ. Оно говоритъ о Царѣ силъ небесныхъ и о Царѣ царей; въ первый годъ воцаренія Дарія Мидянина надъ Вавилономъ тотъ же самый пророчественный ангелъ опять является Даніилу и изъясняетъ ему, кто разумѣется подъ *Сыномъ Человѣческимъ, Царемъ воинства небесного и Царемъ царей*. Пророчество о Сынѣ Человѣческомъ, грядущемъ на облакахъ небесныхъ, относится ко второму пришествію Христа; пророчество о Царѣ силъ небесныхъ относится къ первому его пришествію; и наконецъ, пророчество о Мессіи, изъясняя то и другое, относится къ обоимъ пришествіямъ и назначаетъ для нихъ времена и сроки.

Это пророчество, какъ и всѣ другія пророчества Даніила, состоятъ изъ двухъ частей: изъ самаго пророчества и затѣмъ истолкованія его. Все это пророчество я перевожу и изъясняю такъ.

Семьдесятъ седьминъ опредѣлены для народа, твоего и святаго города твоего, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи, и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная, и запечатаны были видѣніе и пророкъ и помазанъ былъ Святый святыхъ. Итакъ знай и разумѣй: съ того

времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима, до Христа Владыки семь седьминъ и шестьдесятъ двѣ седьмины; и возвратится (народъ) и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена. И по истеченіи шестидесяти двухъ седьминъ преданъ будетъ смерти Христосъ, и не будетъ; а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который придетъ и конецъ его будетъ какъ отъ наводненія, и до конца войны будутъ опустошенія [60].

И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седьмина, а въ половинѣ седьмины прекратится жертва и приношеніе и на крилѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя[61].

«Семьдесятъ седьминъ опредѣлены для народа твоего и для святого города твоего, чтобы покрыто было преступленіе и т. д. Здѣсь, считая седьмину за 7 лѣтъ, мы найдемъ, что съ того времени, когда разсѣявшіеся Евреи возвращены были въ святой городъ, и до смерти и воскресенія Христа должно было истечь 490 лѣтъ; чтобы «покрыто было преступленіе, запечатаны грѣхи и заглажены беззаконія и приведена была правда вѣчная и сбылось видѣніе и исполнилось пророчество», — то пророчество, котораго ожидали Евреи; и помазанъ былъ Святый святыхъ, тотъ, который далѣе названъ Помазанникомъ, т. е. Мессіей, или Христомъ. Ибо, пріурочивая исполненіе видѣнія къ моменту искупленія грѣховъ, 490 лѣтъ истекаетъ къ смерти Христа. Дѣйствительно, разсѣянные Евреи снова стали *народомъ*, имѣющимъ свой *городъ,* когда они возвратились изъ разсѣянія обратно на родину, а это

[60] У Ньютона здѣсь есть примѣчанія, касающіяся нѣкоторыхъ разностей англійскаго текста Библіи отъ еврейскаго, для русскихъ читателей (пользующихся русскимъ переводомъ), не имѣющія значенія. *Прим. издат.*

[61] Гл. IX, 24—27.

произошло въ 7-й годъ царствованія Артаксеркса Лонгимана, когда Ездра, возвратившись изъ плѣна съ частью Евреевъ, возобновилъ іудейское богослуженіе и по повелѣнію царя возстановилъ во всей странѣ правительственныя учрежденія, чтобы судить и править народомъ согласно законамъ Божьимъ и царскимъ (Ездра VII, 25). Всѣхъ возвращеній изъ плѣна было два: при Зоровавелѣ и при Ездрѣ. При Зоровавелѣ Евреи получили разрѣшеніе лишь построить храмъ; и при Ездрѣ же они получаютъ возможность стать отдѣльнымъ государствомъ съ собственнымъ правительствомъ. Царствованіе Артаксеркса Лонгимана началось около 2 или 3 мѣсяцевъ спустя послѣ лѣтняго солнцестоянія, такъ что 7-й годъ его царствованія совпадаетъ съ 3-мъ годомъ 8-й Олимпіады; такимъ образомъ послѣдняя половина его царствованія, когда Ездра возвратился въ Іерусалимъ, приходится на 4257-й годъ Юліанскаго періода. Считая время отсюда до смерти Христа, мы получаемъ ровно 490 лѣтъ. Если производить счетъ по іудейскому лѣтосчисленію, начинающемуся съ осени, и начинать счетъ съ первой осени послѣ возвращение Ездры въ Іерусалимъ, когда онъ привелъ въ исполненіе царскій указъ, то смерть Христа упадетъ на 4747 годъ Юліанскаго періода, т. е. на 34-й годъ жизни Господа; седьмины же будутъ седьминами іудейскими, оканчивающимися субботними годами. И я полагаю, что это будетъ самое вѣрное. Если же считать смерть Христа годомъ раньше, какъ это обыкновенно принято, то придется принять въ расчетъ годъ путешествія Ездры.

«Итакъ, знай и разумѣй: *съ того времени, какъ выйдетъ повелѣніе о возстановленіи Іерусалима до Христа Владыки пройдетъ семь седьминъ*». Предыдущая часть пророчества, изображая Христа, какъ пророка, относится къ Его первому пришествію; эта же часть, изображая Христа въ видѣ Владыки или Царя,

относится, повидимому, къ Его второму пришествію. Тогда пророчество было исполнено, и Святый святыхъ помазанъ; теперь же Тотъ, Кто былъ помазанъ, приходитъ, чтобы быть Владыкой и царствовать. Пророчества Даніила простираются до конца міра, и впрочемъ едва ли въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта есть хоть одно пророчество относительно Христа, которое такъ или иначе не относилось бы именно до Его второго пришествія. Если нѣкоторые изъ древнихъ, какъ напримѣръИриней, Юлій Африканскій, Ипполитъ Мученикъ и Аполлинарій, епископъ Лаодикіскій, считаютъ половину седьмины за времена Антихриста, то почему и намъ по тому же самому праву вольности истолкованія не считать семь седьминъ за то время, когда Антихристъ будетъ уничтоженъ свѣтомъ Христова пришествія.

Израильтяне въ дни древнихъ пророковъ, когда 10 колѣнъ были уведены въ плѣнъ, ожидали двоякаго возвращенія: во-первыхъ, что Евреи должны были построить новый храмъ, меньшій, чѣмъ храмъ Соломона, но имѣющій простоять до исполненія мѣры этого вѣка; и во-вторыхъ, ожидали, что должны возвратиться отовсюду изъ мѣстъ своего плѣненія и разсѣянія и великолѣпно построить Іерусалимъ и храмъ (Товитъ XIV, 4, 5, 6); при этомъ, чтобы выразить славу и великолѣпіе этого города, образно сказано, что онъ будетъ выстроенъ изъ драгоцѣнныхъ камней (Товитъ XIII, 16, 17, 18. Исаія XI, XII); и новый Іерусалимъ называется Небеснымъ Іерусалимомъ, Св. градомъ, женою Агнца, городомъ Великаго Царя, *городомъ, въ который цари земли приносятъ свою славу и честь*. Теперь, такъ какъ такое возвращеніе изъ плѣна было однимъ изъ упованій Израиля еще до Даніила, то я не знаю, какимъ образомъ Даніилъ могъ опустить его въ своемъ пророчествѣ. Такъ какъ эта часть пророчества до сихъ поръ еще не исполнилась, то я не буду давать ему

особаго истолкованія и удовольствуюсь лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: 70 и 62 седьмины были еврейскими седьминами, кончающимися субботними годами, поэтому семь седьминъ соотвѣтствуютъ *юбилею* и начинаются и кончаются дѣйствіями, свойственными только юбилею; повелѣніе возвратиться и возстановить Іерусалимъ предшествуетъ Мессіи Владыкѣ на 490 лѣтъ: само повелѣніе могло изойти и не отъ Евреевъ, а со стороны какого-нибудь посторонняго *царя,* дружелюбнаго къ нимъ; наконецъ, это возстановленіе Іерусалима и опустошенныхъ мѣстъ Іудеи предсказано у пророковъ Михея (VII, 11), Амоса (IX, 11 и 14), Іезекіиля (XXXVI, 33, 35, 36 и 38), у Исаіи (гл.XII, LXII, 7, XLIV, 26) и у Товита (XIV, 5); возвращеніе же изъ плѣна и разсѣянія, пришествіе Мессіи и его царствованіе описаны у Даніила (VII), въ Откровеніи Св. Іоанна (XIX), въ Дѣяніяхъ (I), Матѳ. (XXIУ), Іоиля (III) и Іезек. (XXXVI, XXXVII), Исаіи (X, XII, XIII, XV, XVI) и во многихъ другихъ мѣстахъ Св. Писанія. Какимъ образомъ это произойдетъ — я не знаю. Это покажетъ время.

— *И черезъ 62 седъмины, возвратится народъ и обстроятся улицы и стѣны, но въ трудныя времена и по истеченіи 62 седьминъ преданъ будетъ смерти Христосъ и не будетъ*[62], *а городъ и святилище разрушены будутъ народомъ вождя, который придетъ и т. д.* Предсказавъ оба пришествія Христа и считая послѣднее изъ нихъ отъ возвращенія Евреевъ изъ плѣна и возстановленія Іерусалима, Даніилъ, чтобы предупредить возможность

---

[62] У Ньютона переведено это мѣсто такъ: «Іерусалимъ не будетъ принадлежать Ему».

Въ еврейск. текстѣ здѣсь стоитъ ιηυγυ «и нѣтъ ему» безъ подлежащаго. Существуетъ много попытокъ уяснить это безличное выраженіе, но кажется болѣе вѣроятнымъ будетъ: «И Мессія не будетъ для него, т.е. для народа еврейскаго». См. «Откровеніе Даніилу о семидесяти седьминахъ». А. Рождественскаго. Спб. 1896 г., стр. 113—119.

смѣшенія этого событія съ построеніемъ Іерусалима Нееміей, отличаетъ одно отъ другого, говоря, что отъ этого момента до времени Помазанника пройдетъ времени не 7 седьминъ, но 62 седьмины, и не въ счастливый, но въ трудныя времена; и въ концѣ этихъ седьминъ Мессія не будетъ царемъ Іудеевъ, но преданъ будетъ смерти; и Іерусалимъ не будетъ принадлежать ему, но городъ и святилище будутъ разрушены. Неемія пришелъ въ Іерусалимъ въ 20 годъ царствованія Артаксеркса, когда Ездра былъ уже тамъ (Неемія XII, 36). Онъ нашелъ городъ лежащимъ въ развалинахъ, дома и стѣны необстроенными (Неемія II, 17; VII, 4) и закончилъ стѣны въ 25 день мѣсяца Элула (Неемія VI, 15), — въ 28 годъ царствованія того же Артаксеркса, т. е. въ сентябрѣ 4278 г. Юліанскаго періода. Считайте теперь отъ этого года 62 седьмины годовъ, т. е. 434 года, и въ итогѣ получится сентябрь 4712 г. Юліанскаго періода, т. е. годъ, въ который родился Христосъ согласно Клименту Александрійскому, Иринею, Евсевію, Епифанію, Іерониму, Орозію, Кассіодору и др. древнимъ; и таково было всеобщее мнѣніе до Діонисія Малаго. Онъ принялъ народное счисленіе, по которому рожденіе Христа опредѣляется двумя годами позже. Если признать, что Христосъ родился на три или на четыре года раньше обычнаго счета, то Его рожденіе упадетъ на послѣднюю часть послѣдней седьмины, — и этого достаточно. Какъ после этихъ седьминъ Христосъ былъ преданъ смерти и городъ и Святилище были разрушены Римлянами — хорошо извѣстно.

И утвердитъ завѣтъ для многихъ одна седъмина. Онъ утвердитъ его, несмотря на Свою смерть вплоть до отверженія Евреевъ и до призванія Корнелія и язычниковъ въ седьмой годъ послѣ страстей.

А *въ половинѣ* седъмины *прекратится жертва и приношеніе*, т. е. — это произойдетъ благодаря войнѣ Римлянъ противъ Евреевъ. Война эта послѣ долгихъ

смутъ началась въ 13 году царствованія Нерона (67 г. по Р. Х.) весною, когда Веспасіанъ вторгся въ Іудею съ войскомъ, и кончилась во 2-й годъ царствованія Веспасіана (70 г. по Р. Х.) осенью 7-го сентября, когда Титъ взялъ городъ, уничтоживъ огнемъ храмъ за 27 дней до этого. Такимъ образомъ война продолжалась 3 съ половиной года.

И на крилѣ (святилища) будетъ мерзость запустѣнія, и окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя. — Пророки, изображая царства въ видѣ звѣрей и птицъ, подъ крыльями, распростертыми надъ страною разумѣютъ войска правителя. Отсюда крыло *мерзости* есть войско ложныхъ боговъ, ибо мерзость часто употребляется въ Писаніи для обозначенія ложныхъ боговъ. Такъ Хамосъ называется мерзостью моавитскою и Молохъ — мерзостью Аммонитской[63]. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что народъ *вождя, который придетъ* разрушить святилище и прекратить ежедневное служеніе истинному Богу, — наводнитъ страну войсками, исповѣдующими ложныхъ боговъ; и чрезъ введеніе почитанія и жертвоприношенія этимъ богамъ внесетъ въ Іудею запустѣніе, доколѣ не исполнятся времена язычниковъ. Это вполнѣ согласуется съ словами Христа о «мерзости запустѣнія, реченной черезъ пророка Даніила», которая наступила во времена Римской имперіи (Матѳ. XXIV, 15).

Такимъ образомъ въ этомъ короткомъ пророчествѣ мы имѣемъ предсказаніе о событіяхъ чрезвычайной важности, относящихся къ пришествію Мессіи, а именно: о времени Его рожденія, смерти, объ отверженіи Евреевъ, о продолжительности войны іудейской, во время которой были разрушены городъ и святилище, и, наконецъ, о времени второго пришествія Мессіи. Такимъ образомъ истолкованіе, данное здѣсь,

---

[63] 3 Цар. XI, 7.

болѣе обширно и планомѣрно (адекватно) и болѣе сообразовано съ пророчествомъ, чѣмъ если бы мы пріурочили его только къ первому пришествію Христову, какъ это дѣлаютъ обыкновенно истолкователи. При этомъ мы избѣгаемъ также извращенія словъ Даніила, не принимая 7 *седьминъ* и *62 седъмины* за одно число. Если бы Даніилъ этимъ выраженіемъ хотѣлъ обозначить одно число, то онъ бы и сказалъ *69 седъминъ,* а не 7 *седъминъ* и *62 седъмины,* такъ какъ такой порядокъ счисленія не былъ принятъ у Евреевъ. Въ нашемъ счисленіи мы принимаемъ *еврейскіе лунно-солнечные года, какъ то и должно быть*[64].

---

[64] Древній солнечный годъ восточныхъ народовъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ, а каждый мѣсяцъ изъ 80 дней: отсюда, между прочимъ, произошло дѣленіе окружности на 360 градусовъ. Такой годъ, повидимому, разумѣлся Моисеемъ въ его исторіи потопа, а также и Апостоломъ Іоанномъ въ Апокалипсисѣ, гдѣ *время, времена* и *полвремени* равняются 42 мѣсяцамъ или 1260 днямъ. Но при счисленіи нѣсколькихъ годовъ вмѣстѣ счетъ долженъ быть пополненъ прибавленіемъ нечетныхъ дней къ концу этихъ годовъ. Такъ Египтяне прибавляли къ концу года 5 дней; также поступали Халдеи еще задолго до временъ Даніила, какъ это явствуетъ изъ эры Набонассара. Персидскіе же маги употребляли годъ въ 365 дней до самаго возникновенія Арабскаго хадифата. Точно также у древнихъ Грековъ былъ въ употребленіи солнечный годъ изъ 12 мѣсяцевъ или 360 дней; но каждый второй годъ прибавлялся вставочный мѣсяцъ, состоявшій поперемѣнно изъ 10 или 11 дней.

Еврейскій годъ уже со времени выхода изъ Египта былъ лунно-солнечнымъ. Онъ былъ солнечнымъ, ибо жатва всегда слѣдовала за Пасхой, а плоды собирались всегда передъ праздникомъ Кущей (Левитъ XXIII). Но мѣсяцы были лунными. Это видно изъ того, что Моисей повелѣлъ народу въ началѣ каждаго мѣсяца трубить въ трубы и совершать всесожженія и приносить мирныя жертвы (Числъ X, 10; XXVIII, 11 и 14), и это торжество совершалось каждое новолуніе (Псалм. LXXX, 3, 4, 5. 1 Паралипоменонъ XXIII, 3). Эти мѣсяцы называются въ книгахъ Моисеевыхъ I-мъ, II-мъ, III-мъ мѣсяцемъ и т. д.; и первый мѣсяцъ называется также Авивомъ, второй — Зифомъ, седьмой — Аѳинимомъ, восьмой — Буломъ (Исх. XIII, 4. 3-я книга Царствъ VI, 37, 38; VIII, 2). Въ Вавилонскомъ плѣненіи Евреи употребляли халдейскія названія мѣсяцевъ, но подъ этими именами подразумѣвали мѣсяцы своего собственнаго года;

И 70 годовыхъ седьминъ суть еврейскія седьмины, кончающіяся субботними годами, что весьма замѣчательно, ибо онѣ кончаются или годомъ рожденія Христа (на два года ранѣе народнаго счисленія или годомъ Его смерти, или черезъ семь лѣтъ после нея; все это были субботніе годы. Другіе истолкователи пророчествъ считають или лунными годами или же седьминами не *Іудейскими,* и это всего хуже, такъ какъ они основывають свои толкованія на ошибочной хронологіи (исключеніемъ изъ этихъ толкователей является Функціусъ, мнѣніе котораго относительно *70 седьминъ* одинаково съ нашимъ). Они считають, что Ездра в Неемія жили въ царствованіе Артаксеркса Мемнона, а построеніе храма относить къ царствованію Дарія (Нотъ)[65] и начинають счисленіе седьминъ Даніиловыхъ отъ этихъ 2-хъ царствованій.

такимъ образомъ произошло, что еврейскіе мѣсяцы утратили свои древнія имена и нынѣ носять названія халдейскія.

Евреи начинали свой гражданскій годъ съ осенняго равноденствія, а свой церковный годъ — съ весенняго, и первый день перваго мѣсяца начинался съ появленія новолунія ближайшаго къ равноденствію.

Употреблялъ ли Даніилъ *халдейскій* или *еврейскій год,* не представляеть существенной важности, такъ какъ разница между ними опредѣлится только въ 6 часовъ въ годъ и лишь въ 4 мѣсяца за 480 лѣтъ. Я считаю, что онъ употреблялъ *мѣсяцы еврейскіе,* во-1-хъ, потому, что Даніилъ былъ еврей, а Евреи даже подъ халдейскими мѣсяцами разумѣли мѣсяцы своего (еврейскаго) года; во-2-хъ, потому, что это пророчество основано на исчисленіи 70-лѣтняго плѣна Іереміей, и слѣдовательно, счисленіе этихъ обѣихъ книгъ должно быть однородно; года же у Іероміи были годами еврейскими, такъ какъ пророчество Іереміи было дано въ Іудеѣ предъ плѣненіемъ; и, наконецъ, потому, что Даніилъ считаетъ седьминами годовъ; а этотъ счетъ употребляется исключительно въ еврейскомъ лѣтосчисленіи. Какъ ихъ дни считаются по седьмицамъ и послѣдній день каждой седьмицы суббота, — такъ и года у нихъ считались седьминами и послѣдній годъ каждой седьмины былъ субботнимъ годомъ и семь такихъ годовыхъ седьминъ составляли юбилей.

[65] Артаксерксъ Мемнонъ царствовалъ съ 405 по 362 г., а Дарій II (Нотъ) съ 424 по 405.

Основанія принятой мною хронологіи я изложу возможно короче.

Пелопоннезская война началась весною въ 1 г. 87 Олимпіады, какъ согласно утверждаютъ Діодоръ, Евсевій и др. историки. Она началась за 2 мѣсяца передъ тѣмъ, какъ Пиѳодоръ оставилъ должность архонта (Ѳукидидъ, кн. 2), т. е. въ апрѣлѣ, за 2 мѣсяца передъ концомъ олимпійскаго года. Такимъ образомъ время этой войны съ высокой степенью достовѣрности опредѣляется у Ѳукидида (кн. 2) 50-лѣтнимъ промежуткомъ времени отъ года ея начала до перехода Ксеркса черезъ Геллеспонтъ, включая оба эти года въ счисленіе, или 48-лѣтнимъ промежуткомъ, если исключить отсюда два года, Эратосѳеномъ, у Климента Александрійскаго; это же время опредѣляется 69-лѣтнимъ промежуткомъ отъ ея конца или 27 годами отъ начала царствованія Александра Великаго въ Греціи; затѣмъ Олимпійскими играми въ ея 4-ый и 12-ый года (Ѳукидидъ, 5), и, наконецъ, тремя солнечными затменіями и однимъ луннымъ, упоминаемымъ Ѳукидидомъ и Ксенофонтомъ. Ѳукидидъ, свидѣтель вполнѣ авторитетный, говоритъ, что извѣстіе о смерти Артаксеркса Лонгимана дошло въ Эфесъ и отсюда въ Аѳины въ седьмомъ году этой Пелопоннезской войны, въ половинѣ зимы; слѣдовательно, онъ умеръ въ 4 г. 88 Олимпіады, въ концѣ 4289 г. Юліанскаго періода, за мѣсяцъ или за два до половины зимы, такъ какъ приблизительно столько времени нужно было для передачи извѣстія въ Аѳины. Артаксерксъ Лонгиманъ царствовалъ 40 лѣтъ, какъ это утверждаютъ Діодоръ, Евсевій, Іеронимъ, Сульпицій; или 41, какъ утверждаютъ (Птол. въ канонѣ, Климент. Алекс. Стром., кн. 1, Александр. хроника, Абульфарагій, Никифоръ (Константиноп.), включающіе въ него царствованіе его преемниковъ Ксеркса и Согдіана. Послѣ Артаксеркса,

какъ объясняетъ Абульфараджъ[66], сынъ его Ксерксъ два мѣсяца и Согдіанъ 7 мѣсяцевъ; но царство ваше ихъ не считается отдѣльно въ родословной царей и включается въ 40 и 41-лѣтнее царствованіе Артаксеркса. Если опустить эти 9 мѣсяцевъ, то продолжительность царствованія Артаксеркса точно опредѣлится въ 39 лѣтъ и три мѣсяца. Слѣдовательно, если его царствованіе окончилось въ началѣ зимы 4289 г. Юліанскаго періода, то оно началось между серединой лѣта и осенью 4250 г. Юл. п.

Къ тому же самому выводу я прихожу слѣдующимъ образомъ. Камбизъ вступилъ на царство весною 4185 г. Ю. п. и царствовалъ 8 лѣтъ, включая пять мѣсяцевъ царствованія Смердиза; затѣмъ Дарій Гистаспъ вступилъ на царство весною 4193 г. и царствовалъ 36 лѣтъ, по единогласному удостовѣренію всѣхъ хронологовъ. Царствованіе этихъ двухъ царей опредѣляется 3 лунными затменіями, наблюдавшимися въ Вавилонѣ и отмѣченными Птоломеемъ; такимъ образомъ, сомнѣнія относительно этихъ затменій быть не можетъ. Первое происходило въ 7-мъ году царствованія Камбиза, въ 4191 г. Ю. п., 16-го іюля въ 11 ч. ночи; второе въ 20-мъ году, царствованія Дарія, въ 4212 г. Ю. п., 19 ноября въ 11 ч. 45 м. ночи, в 3-ье въ 31 г. царствованія Дарія, въ 4223 г. Ю. п., 25 апрѣля въ 11 ч. 30 м. ночи. Изъ сопоставленія этихъ 3 затменій съ пророчествами Аггея и Захарія ясно, что царствованіе Артаксеркса началось *послѣ* 24 дня 11-го еврейскаго мѣсяца и до 25 апрѣля, слѣдовательно около марта мѣсяца. Изъ этого слѣдуетъ, что царствованіе Ксеркса началось весною 4229 г. Ю. п., такъ какъ Дарій умеръ на 5-й годъ послѣ Мараѳонской битвы, какъ свидѣтельствуютъ Геродотъ (Кн. VII) и Плутархъ; Мараѳонская же битва происходила въ октябрѣ 4224 г.

---

[66] Иначе назыв. Бар-Гебрѳусъ, сирійскій и арабскій писатель, родившійся въ 1226 г.*Прим. изд.*

Ю. п., за 10 лѣтъ до Саламинской битвы. Слѣдовательно, царствованіе Ксеркса началось менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ октября 4228 г. Ю. п., значитъ слѣдующей весной, такъ какъ онъ провелъ первыя пять лѣтъ, и даже нѣсколько больше, въ приготовленіяхъ къ походу противъ Грековъ; а этотъ походъ произошелъ во время Олимпійскихъ игръ въ 1-й годъ 75-ой Олимпіады во время архонтства въ Аѳинахъ Каліаса, черезъ 28 лѣтъ послѣ изгнанія царей изъ Рима и консульства перваго консула Юнія Брута, т. е. въ 273 г. отъ основанія Рима, во время консульства Фабія и Фурія. Переходъ полчищъ Ксеркса черезъ Геллеспонтъ начался въ конце четвертаго года 74-ой Олимпіады, т. е. въ іюнѣ 4234 г. Ю. п., и продолжался мѣсяцъ; осенью же, три мѣсяца спустя, во время полнолунія, въ 16 день мѣсяца Мунихіона происходила Саламинская битва, и нѣсколько спустя затменіе солнца, которое по вычисленію приходится на 2-е октября. Такимъ образомъ 6-ой годъ царствованія Ксеркса начался нѣсколько ранѣе іюня, слѣдовательно, весною 4234 г. Ю. п., и, слѣдовательно, первый годъ его царствованія приходится на весну 4229 г. Ю. п., какъ указано выше. Итакъ онъ царствовалъ 21 годъ, въ чемъ согласны всѣ писатели. Прибавьте 7 мѣсяцевъ царствованія Артабана, и въ суммѣ получится 21 годъ и 4—5 мѣсяцевъ, такъ что конецъ царствованія приходится на промежутокъ между серединой лѣта и осенью 4250 г. Ю. п. Слѣдовательно, въ это время началось царствованіе его преемника Артаксеркса, что и требовалось доказать.

То же самое подтверждается Юліемъ Африканскимъ, который на основаніи болѣе раннихъ историковъ сообщаетъ, что 20-ый годъ царствованія этого Артаксеркса былъ 115-ымъ годомъ отъ начала царствованія Кира Персидскаго и приходится на четвертый годъ 83-й Олимпіады. Оно началось, слѣдовательно, въ олимпійскій годъ, вскорѣ после

лѣтняго солнцестоянія 4269 г. Ю. п. Вычтите 19 лѣтъ, и 1-й годъ его царствованія придется на то же самое время, т. е. на 4250 г., какъ и сказано.

Слѣдовательно, 7-ой годъ его царствованія начался послѣ середины 4256 г. Ю. п., а путешествіе Ездры въ Іерусалимъ, предпринятое имъ въ слѣдующую весну, приходится на начало 4257 г.; какъ это было доказано и выше.

ГЛАВА XI
О времени рожденія и страданій Іисуса Христа.

Такъ какъ точное время рожденія и страданій Христовыхъ не существенно для религіи, то на опредѣленіе его въ первые вѣка христіанства обращалось мало вниманія. Тѣ, кто впервые началъ праздновать эти событія, пріурочилъ ихъ къ поворотнымъ моментамъ года; такъ Благовѣщеніе Св. Дѣвы Маріи было пріурочено къ 25 марта, что, по исправленіи календаря Юліемъ Цезаремъ, приходилось на весеннее равноденствіе; день Іоанна Крестителя сталъ праздноваться 24 іюня, т. е. въ день лѣтняго солнцестоянія; день св. Михаила — 29 сентября, т. е. на осеннее равноденствіе; и рожденіе Христа на зимнее солнцестояніе — 25 декабря, а праздники св. Стефана, св. Іоанна и память св. младенцевъ, отъ Ирода избіенныхъ, приблизительно въ то же самое время. И такъ какъ солнцестояніе съ теченіемъ времени отступало на 24-е, 23-е, 22-е и дальше назадъ, то впослѣдствіи Рождество Христово праздновалось 23-го декабря и наконецъ 20-го декабря; по той же самой причинѣ были передвинуты праздники св. Ѳомы на 21 декабря и праздникъ Матѳея на 21 сентября.

Точно также по мѣрѣ прохожденія солнцемъ знаковъ зодіака Юліанскаго календаря, были помѣщены дни празднованія прочихъ святыхъ; обращеніе ап. Павла — на 25 января, когда солнце входило въ знакъ ♒ водолея; св. Матѳея 25 февраля, когда, оно входило въ знакъ ♊ рыбъ; св. Марка на 25 апрѣля, когда оно входило въ знакъ ♉ тельца; праздникъ Божіяго Тѣла на 26 мая, когда оно входило въ знакъ ♊ близнецовъ; св. Якова на 25 іюля, когда оно входило въ знакъ ♋ рака; св. Вареоломея на 24 августа, когда оно входило въ знакъ ♍ дѣвы; св. Симона и Іуды на 28 октября, когда

оно входило въ знакъ ♏ скорпіона. И ко всѣмъ другимъ замѣчательнымъ днямъ Юліанскаго календаря пріурочивались также праздники святыхъ, какъ, напримѣръ, св. Варнавы на 11 іюня, когда, по Овидію, праздновались дни Весты и Фортуны и богини утра Матуты, и св. Филиппа и Якова на 1 день мая, посвященный Доброй богинѣ (Bona Dea) или Великой Матери (Magna Mater) и богинѣ Флорѣ, которыя все еще пользовались почитаніемъ по издавна установившимся обрядамъ.

Все это доказываетъ, что эти дни были назначены въ первыхъ христіанскихъ календаряхъ по произволу математиковъ, безъ всякаго основанія для того въ преданіи новой религіи. Впослѣдствіи христіане приняли за достовѣрное то, что они находили въ своихъ календаряхъ.

Точно также не было опредѣленнаго преданія и о продолжительности жизни Іисуса Христа. Христіане, впервые начавшіе изслѣдовать этотъ вопросъ, какъ, напримѣръ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Тертуліанъ, Юлій Африканскій, Лактанцій и Іеронимъ, св. Августинъ, Сульпицій Северъ и другіе, пріурочиваютъ смерть Господа къ XV-му или XVI-му году царствованія Тиверія, такъ что, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что Христосъ проповѣдывалъ только 1 годъ или самое большее — 2. Лишь долго спустя, Евсевій указалъ въ Евангеліи Іоанна на четыре послѣдовательныхъ Пасхи и чрезъ то установилъ, что Христосъ проповѣдывалъ 3 года съ половиною и, слѣдовательно, умеръ въ 19 году парствованія Тиверія. Впослѣдствіе другіе, считая болѣе согласнымъ со сроками еврейской Пасхи мнѣніе, что Онъ умеръ во время мартовскаго равноденствія (25 марта) въ 17-мъ или 20-мъ году царствованія Тиверія, стали пріурочивать смерть Его къ одному изъ этихъ лѣтъ. Не большей достовѣрностью отличаются мнѣнія и

относительно времени рожденія Христа Спасителя. Первые христіане пріурочивали Его крещеніе началу 15-го года царствованія Тиверія и затѣмъ, отсчитывая 30 лѣтъ назадъ, считали годомъ Его рожденія 43-й годъ Юліанскаго календаря, 42 годъ правленія Августа и 28 годъ послѣ побѣды при Акціумѣ. Это мнѣніе преобладало въ первые вѣка христіанства до Діонисія Малаго. Діонисій Малый, пріурочивъ крещеніе Христа къ 16-му году царствованія Тиверія и привнавъ на основаніи искаженнаго текста ап. Луки III, 23), что Христу, когда Онъ принялъ крещеніе, только что исполнилось 30 лѣтъ, установилъ получившій общее распространеніе расчетъ, по которому Рождество Христово было перенесено на 2 года позже, чѣмъ считали до него.

Такъ какъ между всѣми преданіями, относящимися къ этимъ обстоятельствамъ, нѣтъ ни одного достовѣрнаго, то мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и изслѣдуемъ источники болѣе надежнаго качества.

15-й годъ царствованія Тиверія начался 28 августа 4727 г. Ю. п. Мы можемъ считать, что Іоаннъ началъ крестить, какъ только минула зима и наступила достаточно теплая погода, такъ что слава его распространилась къ слѣдующей зимѣ, и весь народъ шелъ къ нему креститься, и между другими Христосъ. Отсюда слѣдуетъ, что первая Пасха после крещенія Христа, упоминаемая Іоанномъ въ 13-мъ стихѣ II-й главы его Евангелія, была въ 16-й годъ царствованія Тиверія. Послѣ этого праздника Іисусъ отправился въ Іудею и крестилъ тамъ, въ то время какъ Іоаннъ крестилъ въ Енонѣ (Іоаннъ, III, 22, 23). Но когда онъ услышалъ, что Іоаннъ заключенъ въ темницу, то отправился въ Галилею (Матѳ. VI, 12) изъ страха предъ фарисеями, которые узнали, что онъ *креститъ* еще болѣе учениковъ, чѣмъ Іоаннъ (Іоан. IV, 1), и провелъ въ Галилеѣ 4 мѣсяца до жатвы, т. е. около времени зимняго

солнцестоянія, ибо жатва была между Пасхой и днемъ Пятидесятницы и начиналась приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ весенняго равноденствія. «Не говорите ли вы», сказалъ Христосъ, «что еще 4 мѣсяца, и наступитъ жатва. А Я говорю вамъ: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли для жатвы». Христосъ хотѣлъ этимъ сказать, что сельскій народъ былъ уже готовъ для воспріятія благой вѣсти, что дѣйствительно Онъ и сказалъ въ дальнѣйшихъ словахъ[67].

[67] Христосъ и Предтеча Его Іоаннъ брали темы для Своихъ притчей изъ окружающей обстановки. Древніе пророки, желая выразиться съ особой ясностью, не только заимствовали темы для своихъ притчей изъ окружающей обстановки [какъ напр.: разодранность одежды, (1 Царствъ XV), Субботній годъ (Исаія XXXVII), сосуды горшечника (Іеремія XVIII) и т. д.], но дополняли также свою рѣчь собственными дѣйствіями раздираніе одежды (3 Царствъ XI), предложеніе стрѣлять изъ лука (4 кн. Царствъ XIII), обнаженіе своего тѣла (Исаія XX), нареченіе своимъ сыновьямъ знаменательныхъ именъ (Исаія VIII; Осія I), прятаніе пояса на берегу Евфрата (Іеремія XIII), разбиваніе сосудовъ горшечника (Іеремія XIX), возложеніе на шею узъ и ярма (Іеремія XXVII), привязываніе книги къ камню и бросаніе ихъ въ Евфратъ (Іеремія LI), осада начертаннаго на кирпичѣ города (Іезекіиль IV), раздѣленіе сбритыхъ волосъ на три части съ различнымъ назначеніемъ (Іезекіиль V), ковка цѣпи (Іезекіиль VII), вынесеніе изъ дому вещей, какъ приготовленіе къ переселенію (Іезекіиль XII) в т. д.. Пророки любили говорить такими образами. Христосъ же, будучи исполненъ еще болѣе возвышеннаго пророческаго духа, также часто прибѣгалъ къ такому роду рѣчи, не дополняя однако Своей рѣчи дѣйствіями, но говоря, Свои притчи по поводу предметовъ изъ окружающей обстановки. Такъ, по поводу приближенія времени жатвы Онъ напомнилъ Своимъ ученикамъ о жатвѣ духовной (Іоаннъ IV, 35. Матѳ. IX, 37). Взирая на полевыя лиліи, Онъ говоритъ Своимъ ученикамъ о чистыхъ одеждахъ праведности (Матѳ. VI, 28). Въ виду времени сбора плодовъ, Онъ говоритъ Своимъ ученикамъ о познаніи людей по плодамъ ихъ (Матѳ. VII, 16). Во время праздника Пасхи, когда деревья пускаютъ первые листья, Онъ наставляетъ Своихъ учениковъ взять подобіе «отъ смоковницы: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто» (Матѳ. XXIV, 32. Лук. XXI, 29, 30). Въ тотъ же самый день, думая о

времени года и Своихъ страданіяхъ, которыя должны были наступить два дня спустя, Онъ говоритъ притчу о приближеніи времени сбора плодовъ и объ убіеніи наслѣдника (Матѳ. XXI, 33). Въ то же самое время, имѣя въ виду мѣнялъ, которыхъ Онъ только что выгналъ изъ храма, и думая о предстоящихъ Ему страстяхъ, Онъ произноситъ притчу о человѣкѣ высокаго рода. Этотъ человѣкъ, отправляясь въ далекія страны, чтобы получить царство, довѣрилъ часть богатства своимъ рабамъ. По возвращеніи онъ потребовалъ у довѣренныхъ слугъ отчетъ и осудилъ раба лѣниваго за то, что тотъ не пустилъ денегъ въ обороть (Матѳ. XXV, 14. Лука XIX, 12). Будучи возлѣ храма, гдѣ въ загонахъ находились овцы, продававшіяся для жертвоприношеній, Онъ много говорилъ приточно объ овцахъ, о пастырѣ и о двери во дворѣ овчемъ и изъяснялъ, что воръ не входитъ въ дверь, но перелазитъ индѣ, а входящій дверью есть пастырь овцамъ, ему придверникъ отворяетъ (Іоаннъ X, 1, 3). Будучи на горѣ Елеонской (Матѳ. XXVI, 30 и Іоан. XIV, 31), изобиловавшей виноградниками, Онъ говоритъ въ мистическомъ смыслѣ о хозяинѣ, о виноградѣ и виноградной лозѣ (Іоан. XV). Встрѣтивъ слѣпого, Христосъ ведетъ рѣчь о духовной слѣпотѣ (Іоан. IX, 39). При видѣ маленькихъ дѣтей Онъ описываетъ блаженство избранныхъ (Матѳ. XVIII, 2 и XIX, 13). Зная, что Лазарь умеръ и долженъ возстать, Онъ учить о воскресеніи и жизни вѣчной (Іоан. XI, 25, 26). Услыхавъ объ убійствахъ, произведенныхъ Пилатомъ, Онъ говоритъ о вѣчной смерти (Лука XIII, 1). Рыбаковъ Онъ обѣщаетъ сдѣлать ловцами человѣковъ (Матѳ. IV, 19) и произноситъ другую притчу о рыбахъ (Матѳ. XIII, 47). Будучи у храма — о храмѣ Своего Тѣла (Іоан. II, 21). За ужиномъ Онъ говоритъ о таинственной вечерѣ въ Царствія Божіемъ (Лука XIV). По поводу земной пищи Онъ говоритъ о пищѣ духовной, о причащеніи Его Тѣла и Крови въ мистическомъ смыслѣ (Іоан. VI). Когда ученики Его захотѣли хлѣба, Онъ велитъ имъ беречься закваски фарисейской. Когда Ему сказали: «Равви — ѣшь», Онъ говорилъ, что у Него есть иная пища (Іоан. IV, 31). Въ послѣдній же великій день праздника Скиніи (Кущей), когда Евреи по обычаю своему приносили въ храмъ большое количество воды изъ рѣки Шилоа — Силоамскаго источника, — Христосъ всталъ и сказалъ: «кто жаждеть, иди ко Мнѣ и пей; кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой» (Іоан. VII, 87). На слѣдующій день, намекая на рабовъ, которые ради субботняго года должны были быть отпущены на свободу, Онъ сказалъ: «если пребудете въ словѣ Моемъ, истина сдѣлаетъ васъ свободными». Евреи же, въ виду только что совершившагося отпущенія рабовъ на свободу, поняли эти слова буквально и отвѣчали: «Мы сѣмя Авраамово и не были рабами никому никогда; какъ же ты говоришь:

Итакъ, Іоаннъ былъ заточенъ въ темницу въ ноябрѣ мѣсяцѣ 17-го года царствованія Тиверія; поэтому можно думать, что Христосъ пришелъ изъ Іудеи въ Кану Галилейскую въ декабрѣ. Тамъ онъ былъ принятъ Галилеянами, которые видѣли все, что Онъ сдѣлалъ въ Іерусалимѣ во время Пасхи. Когда же царедворецъ изъ Капернаума, услышавъ, что Христосъ вернулся въ Галилею, пришелъ къ Нему и просилъ Его придти и исцѣлить сына его, который былъ при смерти, Христосъ не пошелъ туда, а только сказалъ: «пойди, сынъ твой здоровъ». И царедворецъ, возвратившись, нашелъ такъ, какъ ему было сказано, и увѣровалъ онъ и весь домъ его (Іоан. IV). Это было началомъ чудесъ Христовыхъ въ Галилеѣ[68]. Здѣсь Іоаннъ подробно изображаетъ дѣянія перваго года проповѣди Христовой, опущенныя другими Евангелистами. Остальная часть исторіи Его послѣ этого времени излагается болѣе полно у другихъ Евангелистовъ, чѣмъ у Іоанна. Онъ же опускаетъ то, что описываютъ они.

Начиная съ этого времени, Іисусъ поучаетъ въ синагогахъ Галилейскихъ по субботнимъ днямъ, будучи прославляемъ всѣми. Когда же Онъ пришелъ въ свой родной городъ Назаретъ и началъ проповѣдывать въ синагогѣ, то Евреи возмутились. Они выгнали Христа

сдѣлаетесь свободными» (Іоан. VIII, 33). Въ этомъ отвѣтѣ они удостовѣряютъ свою свободу двумя доказательствами: во-1-хъ тѣмъ, что, будучи сѣменемъ Авраамовымъ, они были бы отпущены на свободу, если бы до того были въ рабствѣ и, во-2-хъ, тѣмъ, что они никогда не были въ рабствѣ. Во время послѣдней Пасхи Иродъ привелъ свое войско въ Іудею противъ Ареты, царя Аравійскаго, постоянно нападавшего на Іудею и обладавшаго большей военной силой, чѣмъ Евреи. Христосъ, намекая на это положеніе вещей, сказалъ притчу о болѣе слабомъ царѣ, идущемъ на войну противъ другого царя, болѣе сильнаго (Лука XIV, 31).

Я не сомнѣваюсь, что и другія притчи были сказаны по поводу дѣйствительныхъ событій, свѣдѣнія о которыхъ до насъ не дошли.

[68] Это второе чудо І. Хр. въ Галилеѣ. Іоан. IV, 54.

изъ города, привели на вершину горы, на которой былъ выстроенъ городъ, и хотели свергнуть Его внизъ. Но Онъ, пройдя среди нихъ незаметно, пошелъ Своимъ путемъ, и прибыль въ Капернаумъ (Лука IV). И можно думать, что въ это время вторая Пасха или уже прошла, или должна была скоро наступить.

Весь этотъ періодъ времени св. Матѳей излагаетъ весьма кратко и прямо начинаетъ разсказывать о проповѣди и чудесахъ Христовыхъ: «Когда Іисусъ», говоритъ онъ, «услышалъ, что Іоаннъ отданъ подъ стражу, Онъ удалился въ Галилею и, оставивъ Назаретъ, поселился въ Капернаумѣ. Съ того времени Іисусъ началъ проповѣдывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царствіе Небесное (Матѳ. IV, 12, 17). Потомъ онъ призвалъ учениковъ Своихъ Петра, Андрея, Іакова и Іоанна; и — ходилъ Іисусъ по всей Галилеѣ, уча въ синагогахъ и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ».—«И прошелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи»; — и приводили къ Нему всѣхъ немощныхъ».— «И слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи и Десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи и изъ-за Іордана» (Матѳ. IV, 18, 25). Все это происходило до Нагорной проповѣди. Поэтому мы можемъ съ достовѣрностью полагать, что вторая Пасха была раньше, чѣмъ Онъ сказалъ эту проповѣдь. Толпы народа, которыя ходили за Нимъ изъ Іудеи и Іерусалима, доказываютъ, что Онъ только что былъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ. Нагорная проповѣдь была сказана передъ толпою, сошедшейся къ Нему отовсюду и слушавшей Его на открытомъ воздухе. Въ самой бесѣдѣ есть указаніе на то, что она была произнесена лѣтомъ.— Такъ въ ней Христосъ упоминаетъ о полевыхъ лиліяхъ, которыя цвѣли передъ глазами Его слушателей. «Посмотрите», говоритъ Онъ, «на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ, но и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». «Если же траву полевую,

которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры» (Матѳ. VI, 28). И такъ полевыя травы были въ цвѣту, и слѣдовательно, мѣсяцъ мартъ и Пасха прошли.

Посмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ праздники по Евангелію Матѳея, ибо онъ былъ очевидцемъ всего того, о чемъ онъ пишетъ, и располагаетъ всѣ событія въ порядкѣ времени, чего не дѣлаетъ ни Маркъ, ни Лука.

Немного спустя послѣ Нагорной проповѣди, когда приближались дни взятія Іисуса отъ міра, т. е. когда насталъ праздникъ и Онъ долженъ былъ быть схваченъ Евреями, Онъ восхотѣлъ отправиться въ Іерусалимъ. Самаряне, когда Онъ съ учениками проходилъ по Самаріи, отказывали Ему въ пристанищѣ. И одинъ книжникъ подошелъ и сказалъ Ему: «Учитель, я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошелъ». Іисусъ сказалъ ему: «лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову» (Матѳ. VIII, 19. Лука IX, 51, 57). Книжникъ сказалъ Христу, что онъ хочетъ сопровождать Его въ пути, а Христосъ отвѣтилъ, что Ему нужно пристанище, гдѣ провести праздникъ. Слѣдовательно, этотъ праздникъ нужно считать за праздникъ Кущей, такъ какъ вскорѣ послѣ этого мы видимъ Христа съ Апостолами на Тиверіадскомъ морѣ во время столь великой бури, что лодка покрывалась волнами и грозила затонуть, пока Христосъ не запретилъ вѣтру и морю (Матѳ. VIII, 23). Буря же эта доказываетъ, что уже настала зима.

Послѣ этого Христосъ сотворилъ много чудесъ и «ходилъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ Галилейскимъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія и исцѣляя всякую немощь и всякую болѣзнь въ людяхъ» (Матѳ. IX, 35). Потомъ Онъ послалъ 12 Апостоловъ, заповѣдавъ имъ творить то же (Матѳ. X). Затѣмъ, когда

къ Нему пришло посольство отъ Іоанна, Онъ далъ ему отвѣтъ. Къ этому времени относится Его изреченіе: «Отъ дней Іоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется», и далѣе укоръ Его по отношенію къ городамъ: Хоразину, Виѳсаидѣ и Капернауму, въ которыхъ наиболѣе явлено было силъ Его, — за то, что они не покаялись (Матѳ. XI). Эти многочисленные переходы изъ города въ городъ показываютъ, что со времени заточенія Іоанна въ темницу прошелъ значительный промежутокъ времени; зима уже окончилась и приближалось время Пасхи; ибо немедленно вслѣдъ за симъ Матѳей въ гл. XII прибавляетъ: «въ то время Іисусъ проходилъ въ субботу засѣянными полями, и ученики Его взалкали и начали срывать колосья и ѣсть ихъ, растирая ихъ, говоритъ Лука, руками». Слѣдовательно, хлѣбъ не только выколосился, но уже созрѣлъ, и, значитъ, Пасха, когда приносились въ жертву первые плоды, пришла или даже миновала. Лука называетъ эту субботу (Зеотеротсрйтоу, второю первою субботой, т. е. вторымъ изъ двухъ большихъ праздничныхъ дней Пасхи. Какъ Англичане называютъ Свѣтлое Воскресеніе Высокою Пасхою, а 8-й день ея Низкою Пасхою или 2-мъ воскресеніемъ, такъ Лука называетъ праздникъ 7-го дня недѣли опрѣсноковъ второю изъ двухъ первыхъ или дважды субботъ (второю первою).

Въ одну изъ слѣдующихъ субботъ Іисусъ пришелъ въ синагогу и исцѣлилъ человѣка сухорукаго (Матѳ. XII, 9. Лука VI, 6). Когда же фарисеи имѣли совѣщаніе, какъ бы погубить Его, то Іисусъ удалился оттуда, и послѣдовало за нимъ множество народа, и Онъ исцѣлилъ ихъ всѣхъ и запретилъ имъ объявлять о Немъ (Матѳ. XII, 14—16). Послѣ этого, войдя въ лодку въ то время, какъ народъ стоялъ на берегу, Онъ поучалъ ихъ притчами о сѣятелѣ, вышедшемъ на поле сѣять (Матѳ. XIII). Поэтому мы должны заключить, что настало

время посѣва, и, слѣдовательно, праздникъ Кущей уже прошелъ. Послѣ этого Онъ пришелъ въ отечество Свое и училъ ихъ въ синагогѣ, но не совершилъ тамъ многихъ чудесъ по невѣрію ихъ. Послѣ этого возвратились 12 Апостоловъ, бывшихъ въ предѣлахъ Тирскихъ цѣлый годъ, и разсказали Іисусу все, что они сдѣлали. Въ то же самое время Иродъ обезглавилъ Іоанна въ тюрьмѣ, о чемъ ученики его, пришедши, сказали Іисусу. Іисусъ же, услышавъ это, взялъ 12 Апостоловъ и удалился оттуда тайно на лодкѣ въ пустынное мѣсто близъ Виѳсаиды; народъ же, услышавъ о томъ, пошелъ за Нимъ изъ городовъ пѣшкомъ, такъ какъ зима уже прошла, и Христосъ исцѣлялъ ихъ больныхъ и накормилъ ихъ въ пустынѣ въ числе 5000 человѣкъ кромѣ женщинъ и дѣтей, пятью хлѣбами и двумя рыбами (Матѳ. XIV, Лука IX). Во время этого чуда Еврейская Пасха уже приближалась (Іоан. VI, 4). Но Іисусъ не пошелъ на этотъ праздникъ, а ходилъ по Галилеѣ, потому что Евреи во время предыдущей Пасхи держали совѣтъ, какъ бы убить Его, и теперь также искали, какъ бы погубить Его (Іоанн. VII,1). Поэтому мы видимъ Его сначала на берегу Тира и Силона, затѣмъ у моря Галилейскаго, потомъ на берегу Кесаріи Филипповой и, наконецъ, въ Капернаумѣ (Матѳ. XV, 21, 29; XVI, 13; XVII, 24).

Вслѣдъ затѣмъ, когда приближался праздникъ Кущей, братья, упрекая Его за то, что Онъ скрывается, побуждали Его выйти отсюда и пойти на праздникъ. Но Онъ не пошелъ, пока они не ушли, а затѣмъ отправился туда тайно (Іоан. VII, 2). Когда же Іудеи искали побить Его каменьями, то Онъ опять скрылся (Іоан. VIII, 59). Послѣ этого Онъ былъ на праздникѣ Обновленія храма зимой (Іоан. X. 22); но такъ какъ Іудеи опять пытались схватить Его, то Онъ удалился за Іорданъ (Іоан. X, 40. Матѳ. XIX, 1), гдѣ оставался до смерти Лазаря, а затѣмъ пришелъ въ Виѳанію близъ Іерусалима и воскресилъ Лазаря (Іоан. XI, 7, 18). Послѣ этого Евреи опять

совѣщались между собой, какъ бы убить Его. И поэтому «Іисусъ уже не ходилъ явно между Іудеями, а пошелъ оттуда въ страну близъ пустыни, въ городъ, называемый Ефраимъ, и тамъ оставался съ учениками Своими» до послѣдней Пасхи, во время которой Іудеи положили убить Его (Іоан. XI, 53, 54).

Сравнивъ такимъ образомъ Евангелія Матѳея и Іоанна, мы получили послѣдовательную исторію дѣяній Христовыхъ на пространствѣ пяти Пасхъ. При этомъ, какъ мы видѣли, что Іоаннъ болѣе обстоятеленъ въ началѣ и концѣ, а Матѳей въ срединѣ; то, что опускаетъ одинъ, дополняетъ другой.

Первая Пасха происходила въ промежутокъ времени между крещеніемъ Іисуса и заточеніемъ Іоанна въ темницу (Іоан. II, 13).

Вторая — четыре мѣсяца спустя послѣ заточенія Іоанна и начала проповѣди Христовой въ Галилеѣ (Іоан. IV, 35) и, слѣдовательно, это былъ или тотъ праздникъ, на который пришелъ Іисусъ и когда книжникъ пожелалъ слѣдовать за Нимъ (Матѳ. VIII, 19. Лука IX, 51, 57) или праздникъ, предшествовавшій этому.

Третьей Пасхой была слѣдующая за второй, когда созрѣла жатва, и ученики срывали колосья (Матѳ. XII, 1. Лука VI, 1).

Четвертой Пасхой была та, незадолго передъ которой совершено чудо съ пятью хлѣбами (Матѳ. XIУ, 15. Іоан. IУ, 5).

Пятой была та, во время которой Іисусъ былъ взятъ (Матѳ. XX, 17. Іоан. XII, 1).

Между первой и второй Пасхой Іисусъ и Іоаннъ крестили одновременно вплоть до заточенія Іоанна въ темницу, что случилось за четыре месяца до второй. Затѣмъ Іисусъ началъ проповѣдывать и избралъ учениковъ. Послѣ этого Онъ поучалъ ихъ въ теченіе года и послалъ ихъ проповѣдывать по городамъ Іудеи.

Въ это самое время до Іоанна дошла молва объ Іисусѣ, и Іоаннъ послалъ къ Нему учениковъ спросить, кто Онъ. Во время-третьей Пасхи первосвященники совѣщались о смерти Іисуса. Незадолго до четвертой двѣнадцать Апостоловъ, посланные проповѣдывать повсюду, по истеченіи года возвратились къ Христу. Въ то же самое время Иродъ обезглавилъ Іоанна въ темницѣ, продержавъ его въ ней передъ тѣмъ два года съ четвертью; тогда Христосъ, опасаясь Ирода, удалился въ пустыню. Во время четвертой Пасхи Іисусъ не пошелъ въ Іерусалимъ изъ опасенія Іудеевъ, которые во время предыдущей Пасхи совѣщались, какъ бы убить Его, — и потому, что время Его еще не пришло.

Вслѣдствіе этого Онъ до самаго праздника Кущей ходилъ по Галилеѣ и притомъ, изъ опасенія предъ Иродомъ, тайно. Послѣ же праздника Кущей Онъ уже не возвращался болѣе въ Галилею и то появлялся въ Іерусалимѣ, то удалялся за Іорданъ или въ городъ Ефраимъ, близъ пустыни, гдѣ и пробылъ до самой Пасхи, во время которой былъ преданъ, схваченъ и распятъ.

Итакъ, Іоаннъ крестилъ два лѣта, а Христосъ проповѣдывалъ три. Въ первое лѣто Іоаннъ проповѣдывалъ, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ народу и чтобы впослѣдствіи свидѣтельствовать о Христѣ. Затѣмъ, послѣ того, какъ Христосъ принялъ отъ него крещеніе и Іоанну было открыто о Немъ, что Онъ Сынъ Божій, Іоаннъ крестилъ, чтобы своимъ свидѣтельствомъ явить Христа народу. Въ это же время началъ крестить и Іисусъ, и благодаря свидѣтельству Іоанна о Христѣ, къ Іисусу приходило креститься народа больше, чѣмъ къ самому Іоанну. Въ ближайшую послѣ этого зиму Іоаннъ былъ заточенъ въ темницу, и такъ какъ назначеніе его было исполнено, Христосъ Самъ вступилъ на Свое служеніе и началъ проповѣдывать въ городахъ Іудеи.

Сначала Онъ пополнилъ число Своихъ Апостоловъ до двѣнадцати и поучалъ ихъ въ теченіе всего перваго года съ тѣмъ, чтобы послать ихъ для проповѣди. Уже до конца этого года молва о Немъ, благодаря Его проповѣди и чудесамъ, распространилась такъ широко, что въ слѣдующую Пасху Іудеи замыслили убить Его. На второй годъ проповѣди Ему было уже не безопасно ходить въ Іудеѣ открыто, и Онъ послалъ туда для проповѣди 12 Апостоловъ.

Въ концѣ же этого года они возвратились и разсказали Іисусу обо всемъ, что сдѣлали. Весь слѣдующій годъ Апостолы пробыли съ Іисусомъ, стараясь болѣе совершенно усвоить Его ученіе, съ тѣмъ, чтобы проповѣдывать послѣ Его смерти всѣмъ народамъ. Послѣ же извѣстія о смерти Іоанна, опасаясь Ирода столько же, сколько и Іудеевъ, Іисусъ ходилъ по странѣ еще болѣе скрытно, чѣмъ прежде. Этотъ послѣдній годъ онъ жилъ въ пустынныхъ мѣстахъ, а послѣднюю часть года Онъ провелъ въ Іудеѣ, не подчиненной Ироду.

Все это изложено въ Евангеліяхъ Матѳея и Іоанна въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ проповѣди Іоанна и кончая смертью Христа; при чемъ годы отличаются одинъ отъ другого столь существенными чертами, что не могутъ быть смѣшаны. Вторая Пасха отличается отъ первой тѣмъ, что въ промежутокъ между ними произошло заточеніе Іоанна въ темницу. Третья отличается отъ второй двумя обстоятельствами: во-1-ыхъ тѣмъ, что между ними находится праздникъ на который прибылъ Христосъ (Матѳ. VIII, 19. Лука IX, 57), и во-2-хъ различнымъ разстояніемъ во времени отъ начала проповѣди Христа: вторая Пасха была въ началѣ Его проповѣди, а третья много времени позже, такъ что, когда она еще даже не наступила, Христосъ говорилъ: «отъ дней Іоанна Крестителя и до нынѣ и т. д.», и укорялъ города

Галилейскіе за то, что они не раскаялись, несмотря на Его проповѣдь и проявленныя тамъ великія дѣла. Четвертая Пасха отличается отъ третьей тѣмъ, что въ промежутокъ между ними были посланы для проповѣданія въ городахъ Іудеи 12 Апостоловъ. Пятая отличается отъ всѣхъ предыдущихъ во-1-хъ тѣмъ, что 12 Апостоловъ возвратились изъ городовъ Іудеи и весь промежутокъ между четвертой Пасхой и пятой пробыли съ Христомъ, а во-2-хъ страстями Господними и другими непреложными обстоятельствами.

Такъ какъ первое лѣто крестительства Іоанна приходилось на 15-й годъ царствованія императора Тиверія, и, слѣдовательно, первая Пасха изъ перечисленныхъ пяти — на 16-й годъ этого царствованія, то послѣдняя, во время которой Христосъ былъ распятъ, приходится на 20-й годъ царствованія этого императора, т. е. на консульство Фабія и Виталлія, бывшее въ 79-мъ году Юліанскаго счисленія и въ 34-мъ году отъ рожденія Іисуса, при чемъ годъ этотъ у Евреевъ былъ годомъ субботнимъ. Что это было именно такъ, подтверждается слѣдующими соображеніями.

Я считаю за доказанное, что страсти Господни происходили въ пятницу въ 14-й день мѣсяца Нисана, въ день еврейской Пасхи, воскресеніе же произошло въ слѣдующій за тѣмъ день. 14-й день мѣсяца Нисана всегда приходится на первое полнолуніе послѣ весенняго равноденствія; мѣсяцъ же начинался въ день новолунія и притомъ не въ моментъ истиннаго соединенія[69], а въ день перваго появленія новой луны, такъ какъ Евреи относили къ предыдущему мѣсяцу все время «молчаливой» луны, какъ они называли время,

---

[69] Положеніе луны на прямой линіи между солнцемъ и землею, видимое съ зѣмли, какъ новолуніе называется «ссоединеніемъ», а положеніе луны на той же прямой по другую сторону земли, видимое нами, какъ полнолуніе, называется «противустояніемъ». *Примѣч. переводчика.*

когда луна невидима. А такъ какъ первое появленіе луны происходитъ обыкновенно часовъ на 18 послѣ истиннаго соединенія, то, слѣдовательно, они начинали свои мѣсяцы съ 6 часовъ вечера, т. е. съ солнечнаго заката, спустя 18 ч. послѣ соединенія. Это правило счисленія Евреи называютъ ӑ Jaћ, обозначая его буквами ӗ и ӑ число 18.

Мнѣ извѣстно мнѣніе Епифанія, если только слова его истолкованы вѣрно, что Евреи употребляли ошибочный циклъ и предваряли дѣйствительное новомѣсячіе двумя днями. Но его слова во всякомъ случаѣ не имѣютъ значенія достовѣрнаго свидѣтельства, такъ какъ онъ не зналъ ни астрономіи, ни раввинской науки, а являются лишь выводами его ошибочнаго предположенія о времени страстей Христовыхъ. Въ дѣйствительности же Евреи не предваряли новолуній, а запаздывали съ ними. Они считали правильнымъ начинать свои мѣсяцы два дня спустя послѣ перваго появленія новой луны (такъ какъ новолуніе продолжается болѣе, нежели одинъ день), а не за день до ея появленія, ибо въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы праздновать новолуніе, когда его совсѣмъ не было. И Евреи до сихъ поръ хранятъ въ своихъ книгахъ преданіе, что синедріонъ особенно старательно опредѣлялъ наступленіе новолунія непосредственно зрѣніемъ, посылая наблюдателей на возвышенныя мѣста. Узнавъ отъ нихъ о днѣ появленія луны, синедріонъ переносилъ новолуніе на день назадъ, такъ какъ наблюдатели часто приходили изъ отдаленныхъ странъ, гдѣ новолуніе замѣчалось на день раньше, чѣмъ въ Іерусалимѣ.

Совершенно согласно съ этимъ Іосифъ, одинъ изъ священниковъ храма, говоритъ, что *Пасха праздновалась въ 14-й день мѣсяца Нисана (по лунѣ), когда солнце находилось въ созвѣздіи Овна.* Это подтверждается еще двумя указанными обстоятельствами, которыя вполнѣ опровергаютъ мысль

объ употребленіи Евреями ошибочнаго цикла. Именно, онъ говоритъ, что въ тотъ годъ, когда Іерусалимъ былъ взятъ и разрушенъ, Пасха была 14-го мѣсяца Ксантика, который, по указанію Іосифа, совпадаетъ съ нашимъ апрѣлемъ, и что за 5 лѣтъ передъ тѣмъ Пасха приходилась на 8-е число того же самаго мѣсяца. И оба эти обстоятельства вполнѣ согласуются съ движеніемъ луны.

Разсчитывая такимъ образомъ новолунія перваго мѣсяца согласно съ движеніемъ луны и правиломъ Jah и затѣмъ отсчитывая 14 дней, я нахожу, что 14-й день этого мѣсяца въ 31-мъ году отъ Р. Хр. упадалъ на вторникъ 27 марта; въ 32-мъ году на воскресенье 13 апрѣля; въ 33-мъ году на пятницу 3 апрѣля; въ 34-мъ году на среду 24 марта или, вѣрнѣе, чтобы избѣжать равноденствія, которое приходится на этотъ день, и чтобы назначить болѣе подходящій срокъ для жатвы, на четвергъ 22 апрѣля; въ 35-мъ году — на вторникъ 12 апрѣля и въ 36 году на субботу 31 марта.

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать небольшое замѣчаніе. 15-й и 21-й день мѣсяца Нисана, день или два Пятидесятницы, 10-й, 15-й и 22-й день мѣсяца Тисри были всегда субботними днями, т. е. днями покоя, отсюда проистекало неудобство — два субботнихъ дня подрядъ не хоронить умершихъ и не готовить свѣжую пищу, а между тѣмъ мясо въ жаркихъ странахъ легко портится. Для избѣжанія этихъ и иныхъ подобныхъ неудобствъ, Евреи откладывали начало мѣсяцевъ на одинъ день всякій разъ, какъ только первый день мѣсяца Тисри (или что одно и то же — 3-й день мѣсяца Нисана) приходился на воскресенье, среду или пятницу. Это правило называлось ïãö Аду, буквы котораго ö, å, ï обозначаютъ числа 1, 4, 6, т. е. 1-й, 4-й и 6-й дни недѣли, а эти дни мы называемъ воскресеньемъ, средой и пятницей. Отложимъ согласно этому правилу на одинъ день начало найденныхъ нами выше мѣсяцевъ, и 14-й

день мѣсяца Нисана придется въ 31-мъ году по Р. Хр. на среду 28 марта, въ 32-мъ году на понедѣльникъ 14 апрѣля, на 33-мъ — на пятницу 3-го апрѣля, въ 34-мъ — на пятницу 23 апрѣля, въ 35-мъ на среду 13 апрѣля и въ 36-мъ году на субботу 31 марта.

При такомъ расчетѣ 32-й годъ исключается безусловно, такъ какъ страсти могли бы упасть на пятницу лишь при томъ условіи, чтобы онѣ пришлись на пять дней послѣ полнолунія или за два дня до него; между тѣмъ онѣ пришлись въ этомъ году на другой дѣнь послѣ полнолунія или на третій. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ должны быть исключены 31-й и 35-й годы, такъ какъ въ эти оба года страсти могли бы происходить въ пятницу только при томъ условіи, что онѣ пришлись бы на третій день послѣ полнолунія или за 4 дня до него. Эти ошибки были бы столь значительны, что ихъ замѣтилъ бы всякій, смотрящій на небо. 36-й годъ не считается годомъ страстей Господнихъ почти никѣмъ, потому мы и исключаемъ его наравнѣ съ 35-мъ.

Тиверій сдѣлалъ Валерія Грата правителемъ Іудеи въ самомъ началѣ своего царствованія, а спустя 11 лѣтъ поставилъ вмѣсто него Понтія Пилата, который правилъ страною 10 лѣтъ. Затѣмъ Вителлій, ставъ правителемъ Сиріи, смѣстилъ Пилата, назначилъ на его мѣсто Марцелла, а Пилата послалъ въ Римъ. Но по причинѣ различныхъ промедленій, Пилатъ прибылъ въ Римъ, когда Тиверій уже умеръ. Въ то же самое время Вителлій, по низложеніи Пилата, прибылъ въ Іерусалимъ во время праздника Пасхи для того, чтобы ознакомиться, какъ это естественно, съ порученною его управленію провинціей. Здѣсь онъ на мѣсто Каіафы, бывшаго первосвященникомъ, поставилъ Іонаѳана, сына Анана или Анны, какъ онъ называется въ Писаніи. Послѣ этого, когда Вителлій вернулся въ Антіохію, то получилъ отъ Тиверія приказъ заключить миръ съ

Артабаномъ, царемъ Парѳянскимъ. Въ то же самое время Аланы, по подстрекательству Тиверія, напали на Парѳянское царство, точно такъ же и самые подданные Артабана, по проискамъ Вителлія, возстали. Все это было устроено Тиверіемъ въ томъ расчетѣ, что Артабанъ, подъ давленіемъ такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, скорѣе согласится на предложенныя ему условія мира. Артабанъ же, быстро собравъ большое войско, подавилъ возстаніе своихъ подданныхъ, а затѣмъ, встрѣтивъ Вителлія при Евфрате, вступилъ съ Римлянами въ союзъ. Послѣ этого Тиверій приказалъ Вителлію начать войну противъ Ареты, царя Аравійскаго. Вителлій повелъ свою армію противъ Ареты и прибылъ вмѣстѣ, съ Иродомъ въ Іерусалимъ, гдѣ принесъ жертвы во время наступившаго въ это время общественнаго праздника. Онъ былъ принять въ Іерусалимѣ съ большими почестями, пробылъ въ немъ три дня и передалъ въ это время званіе первосвященника брату Іонаѳана Ѳеофилу. На 4-й же день онъ получилъ извѣстіе о смерти Тиверія и привелъ Евреевъ къ присягѣ на подданство новому императору Каю. Затѣмъ Вителлій распустилъ свою армію и размѣстилъ ее по квартирамъ. Всѣ эти событія записаны Іосифомъ Флавіемъ въ Іудейскихъ древностяхъ, кн. 18, гл. 6 и 7. Тиверій царствовалъ 22 года 7 мѣсяцевъ и умеръ 16 марта въ началѣ 37-го года по Р. Хр. Праздникъ же Пасхи въ этомъ году приходился на 20 апрѣля, т. е. 35 дней спустя послѣ смерти Тиверія. А такъ какъ для того, что бы извѣстіе о смерти Тиверія дошло изъ Рима къ Вителлію въ Іерусалимъ, необходимо дней 36—38, то отсюда слѣдуетъ, что праздникъ, на который прибылъ въ Іерусалимъ Вителлій, былъ Пасха. Если же предположить какъ это обыкновенно дѣлается, что этотъ праздникъ былъ Пятидесятница, то придется заключить, что Вителлій

оставался въ невѣдѣніи о смерти императора въ течѣніе 3-хъ мѣсяцевъ, чего допустить невозможно.

Однако событія, происшедшія въ промежутокъ времени между этимъ праздникомъ и Пасхою, въ теченіе которой Вителлій былъ въ Иерусалимѣ, а именно: возбужденіе мятежа въ странѣ Парѳянъ, усиленіе этого мятежа, заключеніе вслѣдъ затѣмъ союза съ Парѳянами, отправленіе извѣстія о заключеніи этого союза въ Римъ, полученіе оттуда новаго приказа итти войною противъ Аравитянъ и приведеніе этого приказанія въ исполненіе, — требовали гораздо болѣе продолжительнаго времени, нежели 50 дней, раздѣляющіе Пасху и Пятидесятницу одного и того же года. Слѣдовательно, Пасха, во время которой Вителлій прибыль въ Терусалимъ, была годомъ ранѣе. Отсюда слѣдуетъ, что Пилатъ былъ смѣщенъ передъ Пасхой 36 г. по Р. Хр. и, слѣдовательно, страсти Христовы происходили ранѣе этой Пасхи: ибо Христосъ пострадалъ во время правленія не Вителлія и не совмѣстнаго правленія Вителлія и Пилата, а при одномъ Пилатѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что должность первосвященника стала къ этому времени замѣщаться лишь на одинъ годъ и временемъ назначенія новаго первосвященника была Пасха. Поэтому Грата, предшественникъ П. Пилата, по словамъ Іосифа Флавія, послѣ Анны назначилъ первосвященникомъ Измаила; нѣсколько времени спустя, вѣроятно — годъ, онъ низложилъ его и назначилъ вмѣсто него Елеазара, а годъ спустя — Симона, а на слѣдующій годъ Каіафу. Послѣ этого самъ онъ былъ замѣщенъ Пилатомъ. Точно такъ же и Вителлій во время одной Пасхи назначилъ преемникомъ Каіафы Іонаѳана, а на слѣдующую Пасху на мѣсто послѣдняго назначилъ Ѳеофила. Поэтому-то ап. Лука и говоритъ, что въ 15-й годъ царствованія Тиверія первосвященниками были Анна и Каіафа, — т. е. Анна до *Пасхи* и Каіафа — послѣ нея. Точно такъ же и

изъ словъ евангелиста Іоанна видно, что первосвященники смѣнялись ежегодно. Ибо онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что въ послѣдній годъ проповѣди Іисуса первосвященникомъ былъ Каіафа (Іоаннъ XI, 49, 51; XVIII, 13). А на слѣдующій годъ, по словамъ Луки, первосвященникомъ былъ Анна (Дѣянія IV, 6). Слѣдовательно, Ѳеофилъ былъ назначенъ первосвященникомъ въ 1-й годъ царствованія императора Кая, Іонаѳанъ — въ 22-мъ г. царствованія Тиверія, а Каіафа — въ 21 - мъ году того же царствованія. Такимъ образомъ, считая, что каждый изъ нихъ былъ первосвященникомъ въ теченіе одного года, найдемъ, что страсти, происходившія въ то время, когда Каіафа занялъ мѣсто Анны, не могли быть позже 20-го года царствованія Тиверія, т. е. 34-го года по Р. Хр.

Такимъ образомъ намъ остается только выбрать между 33 и 34 годами, при чемъ я исключаю 33-й годъ по слѣдующимъ основаніямъ. Во время Пасхи за два года до страстей Своихъ, когда Христосъ проходилъ по засѣяннымъ полямъ, ученики Его срывали колосья и, растеревъ руками, ѣли; этотъ случай очень важенъ, такъ какъ спѣлость хлѣба доказываетъ, что Пасха была въ этотъ годъ поздно; а такой поздней Пасхой была Пасха въ 32-мъ году по Р. Хр.: 14 апреля; Пасха же въ 31-мъ году пришлась на очень раннее время — 28 марта. Такимъ образомъ Христосъ былъ распятъ два года спустя послѣ 32-го года, а не 31-го.

Итакъ: всѣ обстоятельства согласно свидѣтельствуютъ, что страсти произошли на 34 году жизни Іисуса; и при этомъ это единственный годъ, съ которымъ всѣ эти обстоятельства согласуются вполнѣ.

ГЛАВА XII.
Исполненіе пророчества Даніила.

Царства, представленныя вторымъ и третьимъ звѣремъ, т. е. медвѣдемъ и леопардомъ, были еще разъ описаны Даніиломъ въ его послѣднемъ пророчествѣ, возвѣщенномъ въ третій годъ владычества Кира надъ Вавилономъ, т. е. въ тотъ годъ, когда онъ завоевалъ Персію. Такимъ образомъ, это пророчество является комментаріемъ къ видѣнію объ овнѣ и козлѣ.

«Вотъ, — говоритъ онъ, — еще три царя возстанутъ въ Персіи (Киръ, Камбизъ и Дарій Гистаспъ) и четвертый (Ксерксъ) превзойдетъ всѣхъ великимъ богатствомъ, и когда усилится богатствомъ своимъ, то подниметъ всѣхъ противъ царства Греческаго. И возстанетъ царь могущественный (Александръ Вел.), который будетъ владычествовать съ великой властью и будетъ дѣйствовать по волѣ своей. Но когда онъ возстанетъ, царство его разрушится и раздѣлится по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ и не къ его потомкамъ перейдетъ и не съ той властью, съ какою онъ правилъ; ибо раздробится царство его и достанется инымъ кромѣ этихъ». Александръ Великій, завоевавъ всю Персидскую имперію и нѣкоторую часть Индіи, умеръ въ Вавилонѣ въ 425 г. эры) Набонассара[70] за мѣсяцъ до лѣтняго солнцестоянія, и полководцы его передали единодержавіе незаконнорожденному брату его Филиппу Аридею, человѣку слабоумному, а главнымъ правителемъ сдѣлали полководца Пердикку. Пердикка по соглашенію съ ними назначилъ Мелеагра начальникомъ войска, Селевка начальникомъ конницы, Кратера государственнымъ казнохранителемъ, Антипатра — правителемъ Македоніи и Греціи,

---

[70] Въ 323 г. до Р. Х.

Птоломея — правителемъ Египта, Антигона — правителемъ Памфиліи, Ликіи, Ликаоніи и Великой Фригіи (Малой Азіи), Лизимаха, — правителемъ Ѳракіи, и другихъ вождей правителями прочихъ провинцій, при чемъ въ должностяхъ оставлены были многіе отъ временъ Александровыхъ. Съ тѣхъ поръ Вавилоняне начали вести лѣтосчисленіе по новой эрѣ, которую они назвали эрой Филиппа, при чемъ 425-й годъ эры Набонассара они стали считать 1-мъ годомъ эры Филиппа. Жена Александра Роксана осталась послѣ смерти его беременною и 8 или 4 мѣсяца спустя родила сына; Македоняне назвали его Александромъ, провозгласили его царемъ вмѣстѣ съ Филиппомъ, возведеннымъ на тронъ ранѣе. Филиппъ царствовалъ три года при управленіи Пердикки, два года — при управленіи Антипатра и кромѣ того болѣе года при управленіи Полиперхона, всего же 6 лѣтъ 4 мѣсяца, а затѣмъ, вмѣстѣ съ царицей Евридикой, былъ убитъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ по приказанію Олимпіи, матери Александра Великаго. Греки, возмутившись жестокостями Олимпіи, обратились къ Кассандру, сыну и преемнику Антипатра. Кассандръ, домогаясь господства надъ Греціей, убилъ Олимпію и вскорѣ послѣ того заключилъ царя Александра вмѣстѣ съ матерью его Роксаной въ крѣпость Амфиполисъ и поручилъ наблюденію за ними Главку (432 г. эры Набонассара). Въ слѣдующемъ году Птоломей, Кассандръ и Лизимахъ по замыслу Селевка заключили союзъ противъ Антигона; и послѣ извѣстной войны заключили съ нимъ миръ (438 г. эры Набонассара) на слѣдующихъ условіхъ: Кассандру предоставлялось начальствовать надъ европейскими силами до тѣхъ поръ, пока Александръ, сынъ Роксаны, не достигнетъ совершеннолѣтия Лизимахъ долженъ править Ѳракіей, Птоломей — Египтомъ, Ливіей и Антигонъ всей Азіей. Селевкъ завладѣлъ Месопотаміей, Вавилоніей, Сузами и Мидіей

еще за годъ передъ этимъ. Около 3 лѣтъ спустя послѣ смерти Александра В. онъ былъ поставленъ Антипатромъ въ правители Вавилоніи и затѣмъ оттуда изгнанъ былъ Антигономъ, теперь же онъ вновь получилъ свою область и распространилъ свою власть на большую часть Востока. Это дало поводъ къ установленію новой эры, называмой эрой Селевкидовъ.

Въ тотъ же самый годъ, говорить Діодоръ, вскорѣ послѣ заключенія мира съ Антигономъ, Кассандръ, видя, что Александръ, сынъ Роксаны, приходитъ въ возрастъ и что по всей Македоніи говорятъ, что ему пора передать въ управленіе царство его отца, — приказалъ Главку, начальнику крѣпости, въ которой содержался Александръ съ матерью, тайно убить ихъ обоихъ. Тогда Полиперхонъ возвелъ на престолъ Геркулеса, сына Александра Великаго отъ Варсинои, но вскорѣ, по подстрекательству Кассандра, велѣлъ его убить. Вскорѣ затѣмъ, послѣ большой морской побѣды, одержанной Дмитріемъ, сыномъ Антигона, надъ Птоломеемъ, Антигонъ принялъ титулъ царя, и такой же титулъ далъ своему сыну (441 г. эры Набонассара). По его примѣру Селевкъ, Кассандръ, Лизимахъ и Птоломей также приняли царскій титулъ и достоинство; прежде же они воздерживались отъ этого, потому что были въ живыхъ наслѣдники Александра по крови.

Такимъ образомъ Греческая монархія распалась на нѣсколько государствъ, за отсутствіемъ законнаго наслѣдника власти Александра Великаго. Четыре изъ этихъ государствъ, расположенныя «по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ», пріобрѣли преимущественное значеніе. Именно, Птоломей воцарился надъ Египтомъ, Ливіей и Эѳіопіей, Антигонъ надъ Сиріей и надъ Малой Азіей. Лизимахъ надъ Ѳракіей и Кассандръ надъ Македоніей, Греціей и Эпиромъ.

Селевкъ въ это время господствовалъ надъ народами, жившими за Евфратомъ и принадлежавшими

къ составу двухъ первыхъ звѣрей; но черезъ 6 лѣтъ онъ побѣдилъ Антигона и вслѣдствіе этого овладѣлъ однимъ изъ названныхъ 4-хъ царствъ, Кассандръ же, опасаясь могущества Антигона, соединился противъ него съ Лизимахомъ, Птоломеемъ и Селевкомъ; и въ то время какъ Лизимахъ вторгся въ ближайшія къ Геллеспонту части Азіи, Птоломей покорилъ Финикію и Килосирію и прибрежныя части Азіи.

Селевкъ, явившись съ большимъ войскомъ въ Каппадокію и соединившись съ союзными силами, сразился съ Антигономъ во Фригіи, убилъ его и завладѣлъ его царствомъ (447 г. эры Набонассара). Послѣ этого Селевкъ построилъ Антіохію, Селевкію, Лаодикію, Апамею, Беррею, Эдессу и другіе города въ Сиріи и Азіи и далъ въ нихъ Евреямъ права, равныя съ Греками.

Дмитрій, сынъ Антигона, удержалъ только малую часть владѣній своего отца и наконецъ потерялъ Кипръ, отвоеванный у него Птоломеемъ. Но затѣмъ, убивъ Александра, сына и преемника Кассандра, царя Македонскаго, онъ завладѣлъ его царствомъ (454 г. эры Наб.). Нѣсколько времени спустя онъ вооружилъ огромную армію, намѣреваясь отвоевать назадъ всѣ владѣнія своего отца въ Азіи. Тогда Селевкъ, Птоломей, Лизимахъ и Пирръ, царь Эпира, соединились противъ него, и Пирръ, вторгшись въ Македонію, разбилъ войска Димитрія, обратилъ его самого въ бѣгство и овладѣлъ его государствомъ, которое затѣмъ и подѣлилъ съ Лизимахомъ. Спустя 7 мѣсяцевъ, Лизимахъ напалъ на Пирра, разбилъ его, отнялъ у него Македонію и владѣлъ ею въ теченіе $5^1/_2$ лѣтъ, соединивъ царства Македонское и Ѳракійское. Лизимахъ во время войнъ съ Антигономъ и Димитріемъ отнялъ у нихъ Карію, Лидію и Фригію, казнохранилище свое онъ устроилъ въ Пергамѣ, въ замкѣ на вершинѣ коническаго холма во Фригіи, при рѣкѣ Каикѣ. Охрану его онъ ввѣрилъ нѣкоему

Филетэру, который сначала былъ вѣренъ ему, но въ послѣдній годъ его царствованія отложился и возсталъ. Произошло это такимъ образомъ. Лизимахъ, по подстрекательству жены своей Арсиноэ, убилъ своего собственнаго сына Агаѳокла, а затѣмъ и тѣхъ, кто осмѣливался оплакивать его смерть. Жена убитаго Агаѳокла вмѣстѣ съ дѣтьми, братьями и нѣкоторыми изъ своихъ друзей бѣжала и убѣдила Селевка объявить Лизимаху войну. Филетэръ же, опечаленный смертью Агаѳокла и вслѣдствіе этого обвиненный Арсиноэ, поднялъ оружіе и соединился съ Селевкомъ. Селевкъ и Лизимахъ встрѣтились и сразились во Фригіи; Лизимахъ былъ въ этой битвѣ убитъ, и царство его досталось Селевку (465 г. эры Набонассара). Благодаря этому царство Греческое, распавшееся сначала на 4 отдѣльныхъ царства, образовало теперь *два* сильныхъ государства, названныхъ Даніиломъ «царями Сѣвера и Юга»; ибо Птоломей царствовалъ надъ Египтомъ, Ливіей, Эѳіопіей, Аравіей, Финикіей, Килосиріей и Кипромъ; Селевкъ же, соединивъ подъ своей властью 3 изъ 4-хъ царствъ, имѣлъ въ своемъ обладаніи государство не меньшее, нежели царство Персидское, покоренное Александромъ Великимъ. Все это было предъизображено Даніиломъ въ слѣдующихъ словахъ: «И усилится южный царь (т. е. *Птоломей),* и одинъ изъ князей его (т. е. *Селевкъ, одинъ изъ князей Александра)* пересилитъ его и будетъ владычествовать, и велико будетъ владычество его»[71] Послѣ этого Селевкъ царствовалъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ надъ Македоніей, Греціей, Ѳракіей, Азіей, Сиріей, Вавилономъ, Мидіей и всѣмъ Востокомъ до Индіи. Птоломей Керавнъ, младшій братъ Птоломея Филадельфа, царя Египетскаго, измѣннически убилъ его и захватилъ его владѣнія въ Европѣ. Въ это же время Антіохъ Сотеръ, сынъ Селевка, унаслѣдовалъ отъ отца своего Сирію,

---

[71] Гл. XI, 5.

Азію и большую часть Востока; черезъ 19 же или 20 лѣтъ ему наслѣдовалъ сынъ его Антіохъ Өеосъ, который послѣ продолжительной войны съ Птоломеемъ Филадельфомъ закончилъ ее, женившись на Вереникѣ, дочери Филадельфа. Но на 15-мъ году царствованія первая жена его Лаодикея отравила его и возвела на тронъ своего сына Селевка Каллиника.

Каллиникъ въ самомъ началѣ своего царствованія по подстрекательству матери своей Лаодикеи осадилъ Веронику въ Дафнахъ, близъ Антіохіи, и убилъ ее вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ и многими изъ окружавшихъ ее женщинъ. Вслѣдствіе этого Птоломей Эвергетъ, сынъ и наслѣдникъ Филадельфа, объявилъ Каллинику войну, отнялъ у него Финикію, Сирію, Киликію, Месопотамію, Вавилонію, Сузіану и нѣсколько другихъ областей, и привезъ съ собою въ Египтъ 40.000 талантовъ серебра и 2.500 идоловъ, между которыми были боги Египта, увезенные оттуда еще Камбизомъ. Антіохъ Гіераксъ сначала сталъ на сторону брата своего Каллиника, а потомъ затѣялъ съ нимъ распрю изъ-за Азіатскихъ владѣній. Въ это время Евменъ, правитель Пенгалеа, разбилъ Антіоха и отнялъ у нихъ обоихъ всю Азію западнѣе Тавра. Это произошло въ 6-й годъ царствованія Каллиника, после 20-лѣтняго безславнаго царствованія котораго на престолъ вступилъ сынъ его Селевкъ Керавнъ, а черезъ 4 года послѣ этого (527 г. эры Набонассара) Эвергету наслѣдовалъ сынъ его Птоломей Филопаторъ.

Все это было предсказано Даніиломъ[72] въ слѣдующихъ словахъ: «Но чрезъ нѣсколько лѣтъ они (т. е. цари южный и сѣверный) сблизятся, и дочь южнаго царя *(Вереника)* придетъ къ царю сѣверному, чтобы установить правильныя отношенія между ними; но она не удержитъ силы въ рукахъ своихъ, не устоитъ и родъ ея, но преданы будутъ какъ она, такъ и сопровождавшіе

[72] Гл. XI, 6, 7, 8.

ее и рожденный ею и помогавшіе ей въ тѣ времена (т. е. во время осады Дафнъ). Но возстанетъ отрасль отъ корня ея (братъ ея Эвергетъ), придетъ къ войску и войдетъ въ укрѣпленія царя сѣвернаго и будетъ дѣйствовать противъ нихъ и усилится. Даже и боговъ ихъ вмѣстѣ съ князьями, истуканы ихъ съ драгоцѣнными сосудами ихъ, серебряными и золотыми, увезетъ въ плѣнъ въ Египетъ и на нѣсколько лѣтъ будетъ стоять выше даря сѣвернаго».

Селевкъ Керавнъ, унаслѣдовавъ остатки царства своего отца и разсчитывая возвратить себѣ остальное, повелъ противъ правителя Пергама, провозгласившаго себя царемъ, большое войско, но умеръ на 3-мъ году своего царствованія. Его братъ и наслѣдникъ Антіохъ Великій продолжавшій начатую войну, отнялъ у царя Пергамскаго почти всю Малую Азію, а также вернулъ Мидію, Персію и Вавилонію отъ намѣстниковъ, возставшихъ противъ него.

На 5-мъ году своего царствованія онъ вторгся въ Килосирію и послѣ незначительнаго сопротивленія завладѣлъ большею частью ея. На слѣдующій годъ онъ явился сюда вновь, чтобы подчинить своей власти остальныя части Килосиріи и Финикію, разбилъ войско Птоломея Филопатора при Беритѣ. Затѣмъ онъ занялъ Палестину и сопредѣльныя части Аравіи. На 3-й годъ онъ располагалъ арміей въ 78.000 человѣкъ, но Птоломей явившись изъ Египта съ войскомъ въ 75.000 человѣкъ, разбилъ его при Рафіи около Газы, между Палестиной и Египтомъ, и отнялъ у него всю Килосирію и Финикію (532 г. эры Набонассара).

Послѣ этой побѣды Египтяне сдѣлались очень надменными и, наконецъ, возстали противъ Птоломея и вели съ нимъ долгую войну, но въ конце концовъ были покорены, при чемъ во время этого мятежа было избито около 60.000 Египетскихъ Евреевъ. Все это предвозвѣщено Даніиломъ такимъ образомъ: «Потомъ

вооружатся сыновья его *(Селевкъ Керавнъ и Антіохъ Великій, сыновья Каллиника)* и соберутъ многочисленное войско, и одинъ изъ нихъ *(Антіохъ Великій)* быстро пойдетъ, наводнитъ и пройдетъ и потомъ, возвращаясь, будетъ (на *второй годъ)* сражаться съ нимъ до укрѣпленій его (т. е. до пограничныхъ городовъ Египта). И раздражится южный царь и выступитъ *(на 3-й годъ)* и сразится съ нимъ, съ царемъ сѣвернымъ; и онъ (т. е. царь сѣверный) выставитъ большое войско, и предано будетъ войско въ руки его. И когда будетъ прогнано войско (и ободрится войско == рус. библ.), (и) сердце царя вознесется; онъ низложитъ многія тысячи, но отъ этого не будетъ сильнѣе: ибо сѣверный царь возвратится»[73] и т. д.

Спустя около 12 лѣтъ послѣ битвы съ Антіохомъ Филопаторъ умеръ и оставилъ престолъ своему пятилѣтнему сыну Птоломею Епифану. Тогда Антіохъ Великій вошелъ въ ближайшія сношенія съ Филиппомъ, царемъ Македонскимъ, съ тою цѣлію, чтобы захватить и раздѣлить съ нимъ сопредѣльныя владѣнія Епифана.

Отсюда возникъ рядъ войнъ между Антіохомъ и Епифаномъ, среди которыхъ Финикія и Килосирія переходили поочередно изъ рукъ въ руки, причемъ обѣ стороны терпѣли отъ этой войны страшныя бѣдствія. Сначала ими овладѣлъ Антіохъ; затѣмъ нѣкто Скопасъ, посланный съ Египетской арміей, отнялъ ихъ у Антіоха; на слѣдующій годъ (550-й эры Набонассара) Антіохъ разбилъ Скопаса близъ истоковъ Іордана, осадилъ его въ Сидонѣ, взялъ городъ и отнялъ у Египтянъ Сирію и Финикію, при этомъ Евреи перешли на его сторону добровольно. Но приблизительно черезъ три года, готовясь къ войнѣ противъ Римлянъ, онъ прибылъ въ Рафію на границѣ Египта, заключилъ съ Епифаномъ миръ и выдалъ за него дочь свою Клеопатру. Ближайшею осенью онъ переправился черезъ

[73] Гл. XI, 10 и слѣд.

Геллеспонтъ и, напавъ на греческіе города, находившіеся подъ протекторатомъ Рима, захватилъ нѣкоторые изъ нихъ въ свои руки. Но лѣтомъ слѣдующаго года онъ былъ разбитъ Римлянами и вынужденъ былъ вмѣстѣ съ войскомъ вернуться въ Азію. Въ концѣ того же года флотъ Антіоха былъ разбитъ близъ береговъ Фокеи флотомъ Римлянъ. Тогда Епифанъ и Клеопатра отправили въ Римъ посольство, чтобы поздравить Римлянъ съ побѣдою, одержанной ими надъ ихъ отцомъ Антіохомъ, и убѣдить ихъ перенести войну противъ него въ самую Азію.

Римляне вновь разбили Антіоха на морѣ близъ Ефеса, переправили свои легіоны черезъ Геллеспонтъ, одержали новую большую побѣду на сушѣ, отняли у Антіоха всю Азію на западъ отъ Таврскихъ горъ, которую передали царю Пергамскому, помогавшему имъ въ войнѣ, а на Антіоха наложили огромную дань. Тогда царь Пергама, при помощи Римлянъ, опять возвратилъ себѣ все, что Антіохъ передъ тѣмъ отнялъ у него. Антіохъ же два года спустя былъ убитъ Персами въ то время, когда грабилъ храмъ Юпитера Бела въ Элимаисѣ съ цѣлью добыть денегъ для уплаты дани Римлянамъ. Все это было предсказано Даніиломъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ибо царь сѣверный *(Антіохъ)* возвратится и выставитъ войско больше прежняго и чрезъ нѣсколько лѣтъ быстро придетъ съ огромнымъ войскомъ и большимъ богатствомъ. Въ тѣ времена многіе возстанутъ противъ южнаго царя *(главнымъ образомъ Македоняне)* и мятежные изъ сыновъ твоего народа (т. е. Самаряне и др.) поднимутся, чтобы исполнилось видѣніе, и падутъ. И придетъ царь сѣверный, устроитъ валъ и овладѣетъ укрѣпленнымъ городомъ, и не устоятъ мышцы юга, ни отборное войско его, и не достанетъ силы противостоять. И кто выйдетъ противъ него, будетъ дѣйствовать по волѣ его, и никто не устоитъ передъ нимъ. И на славной землѣ поставитъ

станъ свой, и она пострадаетъ отъ руки его. И вознамѣрится войти со всею силой своего царства (и праведные съ нимъ == р. Б.) и заключитъ съ нимъ союзъ (въ Раѳіи) (и совершитъ это == р. Б.) и дочь женъ отдастъ ему, на погибель ея; но она не станетъ на его сторону и не будетъ ему въ пользу (но этотъ замыселъ не состоится, и ему не будетъ пользы изъ того == р. Б.). Потомъ обратитъ лицо свое къ островамъ и овладѣетъ многими. Но нѣкій вождь (т. е. Римляне) прекратитъ нанесенный имъ позоръ и даже свой собственный позоръ обратитъ на него. Затѣмъ онъ обратитъ свое лицо на крѣпости своей земли, но споткнется, падетъ, и не станетъ его»[74].

Селевкъ Филопаторъ наслѣдовалъ отцу своему Антіоху въ 561 г. эры Набонассара и царствовалъ 12 лѣтъ, но не совершилъ ничего, достойнаго памяти, такъ какъ былъ очень лѣнивъ и заботился лишь о вымоганіи денегъ для уплаты дани Римлянамъ. Онъ былъ убитъ Геліодоромъ, котораго онъ послалъ въ Іерусалимъ для ограбленія храма. Даніилъ такъ пророчествуетъ о его царствованіи:

«На мѣсто его возстанетъ нѣкій, кто пошлетъ сборщика податей въ царство славы, но после немногихъ дней погибнетъ[75] только не при возмущеніи и не въ сраженіи»[76].

Незадолго до смерти Филопатора сынъ его Дмитрій былъ посланъ въ Римъ заложникомъ, на мѣсто Антіоха Епифана, брата Филопатора. Антіохъ находился еще въ Аѳинахъ по дорогѣ изъ Рима, когда Филопаторъ умеръ, Тогда Иліодоръ, хранитель государственной казны, воспользовался этимъ и захватилъ престолъ. Антіохъ же устроилъ такъ, что Римляне задержали Дмитрія въ Римѣ, а въ то же время

[74] Гл. XI, 18—19.
[75] У Ньютона текстъ иной.
[76] Гл. XI, 20.

союзникъ ихъ, царь Пергамскій, изгналъ Иліодора и возвелъ на тронъ Антіоха, Дмитрій же, законный наслѣдникъ, оставался въ Римѣ въ качествѣ заложника. Антіохъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, при помощи царя Пергамскаго, властелиномъ, сталъ могущественнымъ царемъ Сиріи и сопредѣльныхъ съ нею народовъ. Но въ то же время онъ велъ себя ниже своего достоинства: украдкой ускользалъ изъ своего дворца, шатался переодѣтый по городу въ обществѣ 2—3 своихъ приближенныхъ, бражничалъ съ людьми самаго низкаго званія, и чужеземцами, посѣщалъ сборища распутныхъ людей и предавался тамъ кутежамъ и буйному разгулу; одѣвался въ тогу римскихъ чиновниковъ, передразнивалъ ихъ манеры на публичныхъ праздникахъ, кривлялся и танцовалъ со служанками, женщинами легкаго поведенія, привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе шутовскими выходками. Вслѣдствіе такого поведенія многіе считали его сумасшедшимъ и называли его Антіохъ επιμενηζ . Въ 1-й годъ своего царствованія онъ смѣстилъ первосвященника Онію и продалъ его мѣсто Ясону, младшему брату Оніи, ибо Ясонъ обѣщалъ заплатить ему за это званіе 440 талантовъ серебра и кромѣ того еще 150, если получитъ позволеніе воздвигнуть зданіе для гимнастическихъ упражненій юношества (палестру) по обычаямъ язычниковъ. Это позволеніе было царемъ дано, и Ясонъ привелъ его въ исполненіе. Вскорѣ царь послалъ нѣкоего Аполлонія въ Египетъ на коронованіе Птоломея Филометора, юнаго сына Филометора и Клеопатры. Узнавъ, что Филометоръ очень недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ Финикіи, онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ ради своихъ выгодъ. Итакъ онъ явился въ Яффу и затѣмъ въ Іерусалимъ, гдѣ былъ принятъ съ почестями. Отсюда онъ съ небольшимъ войскомъ направился въ Финикійскіе города и здѣсь, съ цѣлью привязать ихъ къ себѣ и возстановить противъ

Египта, онъ всячески ласкалъ народъ и осыпалъ его чрезвычайными милостями. Все это предъизображено у Даніила въ такихъ выраженіяхъ: «И возстанетъ на мѣсто его (*т. е. Филопатора*) презрѣнный и не воздадутъ ему царскихъ почестей *(Сирійцы, такъ какъ они почитали Иліодора)*. Но онъ придетъ мирно (безъ шума == р. Б.) и лестью (*главнымъ образомъ царю Пергамскому)* овладѣетъ царствомъ. И все потопляющія полчища *(выступивши въ защиту Иліодора)* будутъ потоплены и сокрушены имъ — и даже самъ вождь завѣта (т. е. *Онія, первосвященникъ)*. И послѣ того, какъ онъ вступитъ въ союзъ съ нимъ *(царемъ Египетскимъ, чрезъ посольство Аполлонія на коронованіе его),* онъ будетъ дѣйствовать обманомъ *(противъ царя Египетского)* и взойдетъ и одержитъ верхъ съ малымъ народомъ (*въ Финикіи)*. Онъ войдетъ въ мирныя и плодоносныя страны (*въ Финикію)* и *чтобы привязать къ себѣ Финикійскихъ и Египетскихъ Евреевъ и съ ихъ друзьями)* совершитъ то, чего не дѣлали отцы его и отцы отцовъ его: добычу, награбленное имущество и богатство *(добытыя въ другихъ странахъ)* будетъ расточать своимъ; и на крѣпости *(Египетскія)* будетъ имѣть замыслы свои, но только до времени»[77].

Всѣ эти событія произошли въ 1-й годъ его царствованія (573 г. эры Набонассара). Послѣ этого, онъ направилъ свои помыслы на Египетскія крѣпости — это относится уже къ 6 году. Три года спустя, т. е. на 4-й годъ царствованія, Менелай купилъ мѣсто первосвященника у Ясона. Но такъ какъ онъ не заплатилъ условленныхъ денегъ, то былъ вызванъ на судъ къ царю. Однако царь, не успѣвъ разрѣшить дѣла, отправился въ Киликію для усмиренія возгорѣвшагося тамъ мятежа и оставилъ въ Антіохіи своимъ намѣстникомъ Андроника. Въ это время братъ Менелая въ поискахъ за деньгами похитилъ изъ храма нѣсколько сосудовъ и продалъ нѣкоторые изъ нихъ въ Тирѣ, а

[77] Дан. XI, 21—24.

остальные послалъ Андронику. Когда Онія сталъ за это упрекать Менелая, то послѣдній уговорилъ Андроника убить Онію. Царь же, вернувшись изъ Киликіи, осудилъ за это Андроника на смертную казнь. Послѣ этого Антіохъ сталъ готовиться ко второму походу противъ Египта, который онъ предпринялъ на 6-мъ году своего царствованія (578 г. эры Наб.). Онъ предпринялъ этотъ походъ въ виду того, что послѣ смерти Клеопатры опекуны ея малолѣтняго сына, царя Египетскаго, заявили притязаніе на Финикію и Килосирію, какъ на ея вдовій выдѣлъ; для занятія этихъ областей Антіохъ и собралъ большое войско; при этомъ онъ ссылался на то, что отецъ его не отказывался отъ владѣнія этими странами именно потому, что онѣ вовсе не составляютъ вдовьей части Клеопатры. Съ большимъ войскомъ онъ встрѣтилъ Египтянъ на границѣ Египта между Пелузіемъ и горою Касіей и сразился съ ними. Онъ побѣдилъ ихъ и даже могъ уничтожить все ихъ войско, но онъ не захотѣлъ этого, напротивъ, самъ разъѣзжалъ между своими и приказывалъ не убивать враговъ, а брать живыми въ плѣнъ. Благодаря такому человѣколюбію онъ пріобрѣлъ Пелузіумъ, а затѣмъ и весь Египетъ, вторгшись туда съ огромными полчищами пѣшаго войска, колесницами, слонами, конницей и большимъ флотомъ. Овладѣвъ городами Египта безъ кровопролитія не какъ врагъ, а какъ другъ, онъ направился въ Мемфисъ и, объявивъ единственнымъ виновникомъ войны Евлея, царскаго опекуна, вошелъ съ юнымъ Египетскимъ царемъ въ притворную дружбу и принялъ на себя управленіе Египтомъ. Пока все это происходило, въ Финикіи разнесся слухъ, что Антіохъ убитъ. Тогда Ясонъ, чтобы возвратить свое первосвященническое мѣсто, напалъ на Іерусалимъ съ тысячью человѣкъ и взялъ городъ[78]. Царь же, полагая, что Іудея возстала противъ него, разгнѣванный

---

[78] 2 Маккав. III, 5, 8; IV, 4.

покинулъ Египетъ, взялъ Іерусалимъ, избилъ свыше 40.000 человѣкь, столько же взялъ въ плѣнъ и плѣнныхъ продалъ въ рабство; между прочимъ онъ вошелъ въ храмъ и ограбилъ его драгоцѣнности, украшенія, посуду, золотые и серебряные сосуды, всего до 1800 талантовъ; все это онъ отправилъ въ Антіохію. Эти событія произошли въ 578 году эры Набонассара. Они были прѣдсказаны Даніиломъ слѣдующимъ образомъ: «И возбудитъ силы свои и отвагу свою съ многочисленнымъ войскомъ противъ царя южнаго, и южный царь выступитъ на войну съ великимъ и еще болѣе сильнымъ войскомъ, но не устоитъ *(потому что они, Антіохъ и его друзья, будутъ имѣтъ противъ него заговоръ, какъ разсказано выше* (будетъ противъ него коварство, Р. Б.); даже участники трапезы (измѣнять ему и == у Ньютона) погубятъ его, и войско его разольется, и падетъ много убитыхъ. У обоихъ царей сихъ на сердцѣ будетъ коварство, и *(ставъ теперь друзьями)* за однимъ столомъ будутъ говорить ложь *(противъ Евреевъ и Святаго Завѣта)*; но успѣха не будетъ, потому что конецъ *(когда воцарится мерзость запустѣнія)* еще отложенъ. И отправится онъ въ землю свою съ великимъ богатствомъ, и сердце его будетъ противъ святого завѣта. И онъ будетъ дѣйствовать *(противъ него, разграбивъ храмъ)* и возвратится въ свою землю»[79].

Александрійскіе Египтяне, видя, что Филометоръ сначала воспитывался въ изнѣженности евнухомъ Евлеемъ, а теперь попалъ въ руки Антіоха, передали престолъ Эвергету, младшему брату Филометора. Вслѣдствіе этого Антіохъ, дѣлая видъ, что защищаетъ Филометора, началъ войну противъ Эвергета, разбилъ его въ морскомъ, сраженіи и осадилъ его вмѣстѣ съ его сестрой Клеопатрой въ Александріи. Тогда осажденные отправили пословъ въ Римъ, чтобы

[79] Гл. XI, 25 и дал.

вымолить помощь у сената. Антіохъ, видя, что онъ въ этомъ году не въ состояніи взять городъ, вѣрнулся къ себѣ въ Сирію, оставивъ Филометора править Египтомъ въ Мемфисѣ. Но Филометоръ въ ту же зиму помирился со своимъ братомъ. Весной (580 г. эры Набон.) Антіохъ направился въ Египетъ съ намѣреніемъ осадить своихъ братьевъ въ Александріи, но на пути былъ встрѣченъ Римскими послами — Попиліемъ Леной, С. Дециміемъ и С. Гостиліемъ. Антіохъ протянулъ имъ свою руку для поцѣлуя, но Попилій, показавъ ему таблицы, на которыхъ было написано посланіе сената, прочелъ ихъ ему. Когда Антіохъ выслушалъ сенатское посланіе, то отвѣчалъ, что посовѣтуется съ друзьями, какъ ему поступить. Но Попилій, очертивъ вокругъ него кругъ, велѣлъ ему отвѣтить прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ этого круга. Антіохъ, подавленный такой дерзостью и необычайной повелительностью, отвѣтилъ, что требованія Римлянъ имъ будутъ исполнены. Тогда Попилій протянулъ ему свою руку для поцѣлуя. Антіохъ удалился изъ Египта. Въ тотъ же самый годъ (580 г. эры Набон.) военачальники по его приказанію начали грабить и убивать Евреевъ, осквернили храмъ, учредили во всей Іудеѣ поклоненіе языческимъ богамъ и стали преслѣдовать и избивать тѣхъ, кто отказывался поклоняться имъ. Все это предречено Даніиломъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ назначенное время онъ опять пойдетъ на югъ; но послѣдній походъ не такой будетъ, какъ прежній, ибо въ одно время съ нимъ придутъ корабли Киттимскіе *(съ Римскими послами)*. И онъ упадетъ духомъ и возвратится и озлобится на святой завѣтъ, и исполнитъ свое намѣреніе и войдетъ въ соглашеніе съ отступниками отъ святого завѣта[80].

Въ тотъ же самый годъ, когда Антіохъ по приказу Рима удалился изъ Египта и учредилъ въ Іудеѣ

---

[80] Дан. XI, 29 — 30. Послѣдняя фраза въ англійской библіи передана нѣсколько иначе.

поклоненіе греческимъ богамъ, Римляне завоевали царство Македонское, составлявшее оплотъ Греческаго мірового могущества, и обратили его въ Римскую провинцію; такимъ образомъ они положили начало концу царствованія третьяго звѣря Даніилова пророчества. «И выше его будетъ стоять оружіе (т. е. Римляне)». Какъ åðòò значитъ «выше царя» (Дан. XI, 8), такъ âïòò можетъ обозначать «выше его». «Оружіе» въ этомъ пророчествѣ Даніила всюду употребляется для обозначенія военной силы царства. И она «выдвигается», «стоитъ высоко», когда войско побѣждаетъ или усиливается. До этого мѣста Даніилъ предъизображаетъ дѣянія царей сѣвернаго и южнаго; послѣ же завоеванія Римомъ Македоніи онъ прекращаетъ описаніе дѣяній Грековъ и начинаетъ пророчество о дѣяніяхъ Римлянъ въ Греціи. Римляне завоевали Македонію, Иллирію и Эпиръ въ 580 г. эры Набонассара. 35 лѣгь спустя по завѣщанію Аттала, послѣдняго царя Пергамскаго, они унаслѣдовали это богатое и цвѣтущее государство, т. е. всю Азію къ Западу отъ Таврскихъ горъ. Спустя 69 лѣтъ они покорили царство Сирійское и обратили его въ свою провинцію, а черезъ 34 года послѣ этого то же самое сдѣлали съ Египтомъ. Благодаря всему этому Римское оружіе высоко поднялось надъ Греческимъ. Спустя еще 95 лѣгь они объявили войну Евреямъ, когда «осквернили святилище могущества и прекратили ежедневную жертву и поставили мерзость запустѣнія» на мѣстѣ святомъ[81]. Это исполнилось послѣ І. Христа (Матѳ. XXIV, 15). Въ 16-мъ году царствованія императора Адріана (132 г. по Р. Х.) эта мерзость запустѣнія была поставлена въ видѣ храма Юпитеру Капитолійскому, воздвигнутаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Іерусалимсмй храмъ Богу живому. Вслѣдствіе этого

[81] Дан. XI, 31.

Іудеи подъ предводительствомъ Баркохба подняли противъ Римлянъ оружіе, и въ этой войнѣ было разрушено 50 городовъ, совершенно уничтожено 985 лучшихъ поселеній, и погибло отъ меча 580.000 человѣкъ; по окончаніи же войны Евреи были изгнаны изъ Іудеи, причемъ имъ было запрещено возвращаться туда подъ страхомъ смертной казни, и съ той поры страна была лишена своихъ прежнихъ обитателей.

Въ началѣ іудейской войны, въ царствованіе Нерона, Апостолы удалились изъ Іудеи вмѣстѣ со своей паствой, — одни за Іорданъ въ Пеллу и другія мѣста, иные въ Египетъ, Сирію, Месопотамію, Малую Азію, иные же еще дальше. Петръ и Іоаннъ ушли въ Азію, и отсюда Петръ черезъ Коринѳъ направился въ Римъ. Іоаннъ же, оставшійся въ Азіи, быль сосланъ Римлянами на Патмосъ, какъ вождь секты того народа, который находился съ Римлянами въ войнѣ. Благодаря такому разсѣянію христіанъ-евреевъ, христіанская религія, распространившаяся уже до самаго Рима, быстро расцвѣла во всѣхъ концахъ имперіи и затѣмъ претерпѣла много гоненій, продолжавшихся до Константина Великаго и его сыновей. Все это описано Даніиломъ слѣдующимъ образомъ: «Поступающихъ нечестиво противъ завѣта онъ *(тотъ, кто поставилъ мерзость)* привлечетъ къ себѣ лестью *(и поклоненіемъ языческимъ богамъ).* Но люди, чтущіе своего бога, усилятся и будутъ дѣйствовать. И разумные изъ народа вразумятъ многихъ, хотя долгое время будутъ страдать отъ меча и огня, отъ плѣна и грабежа. И во время страданія своего будутъ имѣть нѣкоторую помощь» — т. е. въ царствованіе Константина Великаго. И въ это время, благодаря ихъ процвѣтанію «многіе *(изъ язычниковъ)* присоединятся къ нимъ, но притворно. Пострадаютъ нѣкоторые и изъ разумныхъ *(народа Божія)* для испытанія ихъ, для очищенія *(ихъ отъ*

притворщиковъ) и для убѣленія къ послѣднему времени; ибо есть еще время до срока»[82].

До этого времени Римская имперія существовала нераздѣльной; и подъ ея властью малый рогъ козла продолжалъ быть «сильнымъ, но не своей силой». Теперь же, благодаря основанію Константинополя, учрежденію въ немъ сената и сравненію его по правамъ съ Римомъ, — Римская имперія раздѣлилась на двѣ — Греческую и Латинскую имперію, изъ которыхъ каждая имѣла свою столицу; такимъ образомъ создается новый порядокъ вещей, въ которомъ «Царь тотъ (Греческая имперія) будетъ поступать по своему произволу и *(поставивъ свои собственные законы выше закона Божія)* возвеличится выше всякаго божества и о Богѣ боговъ будетъ говорить хуленіе и будетъ имѣть успѣхъ, доколѣ не совершится гнѣвъ. И о богахъ отцовъ своихъ онъ не помыслитъ, ни о *(законномъ)* желаніи женъ (о *супружествѣ),* ни даже божества никакого не уважитъ, ибо возвеличитъ себя выше всѣхъ. Но на мѣстѣ его воздастъ честь Магуззимамъ *(т. е. вѣрнымъ хранителямъ, душамъ умершихъ).* И вмѣстѣ съ этимъ бога, котораго не знали отцы его, онъ будетъ чествовать золотомъ и серебромъ *(въ ихъ храмахъ),* дорогими камнями и разными драгоцѣнностями»[83] Все это предсказаніе относится къ наводненію Греческой имперіи монахами и монахинями, полагавшими истинную святость въ воздержаніи отъ брака; къ утвержденію культа святыхъ и почитанію ихъ останковъ и тому подобныхъ вѣрованій, которыя распространились въ 4 и 5 столѣтіяхъ. «Подъ конецъ же времени сразится съ нимъ царь южный (т. е. *Сарацинская имперія*); и царь сѣверный (т. е. *Турецкая имперія)* устремится какъ буря на него съ колесницами, всадниками и многочисленными кораблями, и нападетъ

[82] Гл. XI, 32—35.
[83] Дан. XI, 36—38.

на области *(Греческія),* наводнитъ ихъ и пройдетъ черезъ нихъ. И войдетъ онъ въ прекраснѣйшую изъ земель; и многія области пострадаютъ, и спасутся отъ руки его только Едомъ, Моавъ и большая часть сыновъ Аммоновыхъ (т. е. *тѣ, кому караваны его будутъ платить дань).* И простретъ руку свою на разныя страны, не спасется и земля Египетская. И завладѣетъ онъ сокровищами золота и серебра и (разными Р. б.) всѣми драгоцѣнностями Египта; Ливійцы и Еѳіопляне послѣдуютъ за нимъ». Всѣ эти народы составляютъ Турецкую имперію и, слѣдовательно, подъ «царемъ сѣвернымъ» здѣсь надлежитъ разумѣть именно эту имперію. Они составляютъ также тѣло козла; слѣдовательно, козелъ будетъ царствовать въ своемъ послѣднемъ рогѣ, но не своею силою.

ГЛАВА XIII.
О царѣ, который будетъ поступать по своему произволу и возвеличится выше всякаго божества и будетъ воздавать честь Магуззимамъ и не уважать желаніе женщинъ.

Въ первые вѣка христіанства христіанскія общины каждаго города управлялись совѣтомъ пресвитеровъ подъ предсѣдательствомъ епископа. Епископъ и пресвитеры одного города не мѣшались въ дѣла другого города – развѣ только чрезъ посредство увѣщательныхъ писемъ и послами. Точно также до императора Коммода епископы различныхъ городовъ не собирались на соборы, такъ какъ имъ не было предоставлено на то права со стороны римскихъ намѣстниковъ въ провинціяхъ, и лишь со временъ императора Коммода съ дозволенія проконсуловъ они начали собираться на провинціальные соборы. Первый провинціальный (помѣстный) соборъ былъ созванъ въ Азіи по поводу катафригійской ереси, а вскорѣ затѣмъ начали собираться соборы и въ другихъ мѣстахъ и по другимъ поводамъ. Предсѣдателемъ на этихъ соборахъ избирался обыкновенно епископъ главнаго города или метрополіи данной провинціи. Отсюда и возникла власть епископовъ метрополій надъ прочими епископами той же провинціи. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что Римскій епископъ во времена Кипріана сталъ называть себя епископомъ епископовъ. Съ провозглашеніемъ христіанства господствующей религіей, римскіе императоры начали созывать соборы изъ всѣхъ провинцій. Указывая этимъ соборамъ предметы обсужденія и воздѣйствуя на нихъ силою своей власти, императоры въ собственныхъ интересахъ оказывали содѣйствіе только соборамъ угодной имъ партіи. Вслѣдствіе этого Греческое владычество, послѣ

раздѣла Римской имперіи на Греческую и Латинскую, стало «царемъ, который (въ дѣлахъ религіи) поступалъ по своему произволу; (въ законодательствѣ же) вознесся и возвеличился выше всякаго божества» и, наконецъ, на седьмомъ вселенномъ соборѣ установилъ поклоненіе иконамъ и душамъ умершихъ людей, называемыхъ въ пророчествѣ Даніила Магуззимами.

Тотъ же царь полагалъ святость въ воздержаніи отъ брака. Евсевій въ своей Церковной исторіи разсказываетъ, что Музанъ написалъ трактатъ противъ впавшихъ въ ересь энкратитовъ, тогда только что возникшую и заключавшую въ себе опасныя заблужденія; что главою этой ереси былъ Таціанъ, ученикъ Іустина, и что Ириней въ своей первой книгѣ противъ этой ереси пишетъ о ней и ея главѣ такъ:

«A Saturnino et Marcione profecti, qui vocantur Continentes, docuerunt non contrahendum esse matrimonium reprobantes scilicet primitivum illud opificium Dei, et tacite accusantes Deum, qui masculum et feminam condidit ad procreationem generis humani. Induxerunt etiam abstinentium».

«Происшедшіе отъ Сатурнина и Маркіона, такъ называемые, энкратиты проповѣдывали безбрачіе, отвергали первоначальное созданіе Божіе и втайнѣ порицали создавшаго мужа и жену для рожденія людей. Они проповѣдывали воздержаніе отъ всего, какъ говорили, одушевленнаго, и черезъ то показали себя неблагодарными предъ Создателемъ всяческихъ — Богомъ. Отвергаютъ они спасеніе первозданнаго человѣка, что однакоже выдумано ими только теперь. Нѣкто Таціанъ первый принесъ это богохульное ученіе. Онъ былъ слушателемъ Іустина и, пока былъ въ общеніи съ нимъ, не высказывалъ ничего подобнаго, по смерти же сего мученика отпалъ отъ Церкви, возгордился достоинствомъ учителя и, ослѣпившись мыслію, будто онъ лучше другихъ людей, составилъ особенное ученіе.

Подобно послѣдователямъ Валентина, онъ баснословилъ о какихъ то невидимыхъ зонахъ; вмѣстѣ съ Маркіномъ и Сатурниномъ бракъ называлъ растлѣніемъ и блудомъ, и самъ отъ себя изобрѣталъ доказательства для опроверженія ученія о спасеніи Адама». Такъ говоритъ Евсевій.

Однако, хотя послѣдователи Таціана и были сначала осуждены какъ еретики подъ именемъ энкратитовъ (континентовъ) или воздержниковъ, тѣмъ не менѣе принципы ихъ не были вполнѣ отвергнуты. И Монтанъ совершенствуетъ ихъ ученіе, признавая незаконнымъ только второй бракъ; онъ вводитъ также частыя пощенія, ежегодные постные дни, великій постъ и сухояденіе. Въ срединѣ 3-го столѣтія появилась секта апостоликовъ, осуждавшихъ бракъ, эта секта была отраслью секты Таціана.

Гіерокиты, появившіеся въ Египтѣ въ самомъ концѣ 3-го вѣка, также осуждали бракъ. Павелъ Пустынникъ удалился отъ гоненій Декія въ пустыню и велъ тамъ уединенную жизнь вплоть до царствованія Константина Великаго, но не оставилъ непосредственныхъ учениковъ. Такъ же поступилъ во время, гоненія Діоклетіана, или нѣсколько ранѣе, Антоній (Великій), оставившій послѣ себя учениковъ; и вскорѣ многіе послѣдовали его примѣру.

До сихъ поръ принципы энкратитовъ отвергались церквами. Но постепенно рѣзкости этихъ принциповъ были сглажены монахами; такъ безбрачіе теперь налагалось уже не на всѣхъ, а лишь на могущихъ вмѣстить иноческую жизнь. Въ такомъ видѣ ученіе энкратитовъ къ концу 3-го столѣтія стало пользоваться уваженіемъ и, подобно стремительному потоку, распространяться на Востокѣ и Западѣ, сначала между Греческими, а затѣмъ и между Латинскими церквами.

Евсевій въ своей книгѣ «Жизнь Константина» (кн. 4, гл. 28) разсказываетъ, что Константинъ Великій

относился съ величайшимъ почтеніемъ къ этимъ людямъ, всецѣло отдавшимся божественной философіи, и что онъ почти обоготворялъ высоконравственную общину дѣвъ, посвятившихъ себя непрестанному служенію Богу: онъ былъ совершенно убѣжденъ, что Богъ, Которому онѣ себя посвятили, лично живетъ въ ихъ душѣ. Во время царствованія его и его сына, иноческая жизнь проповѣдывалась въ Египтѣ Антоніемъ и въ Сиріи Иларіемъ, она распространилась столь быстро, что вскорѣ послѣ Юліана Отступника третья часть Египтянъ удалилась въ пустыни. Тамъ они жили сначала отдѣльно въ келіяхъ, а затѣмъ соединялись въ виновіи или монастыри; въ концѣ же концовъ они возвращались въ города и наполнили церкви епископами, пресвитерами и діаконами, вышедшими изъ ихъ среды. Аѳанасій въ молодости былъ послушникомъ Антонія. Видя, что монахи держатъ его сторону, онъ многихъ изъ нихъ поставилъ епископами и пресвитерами въ Египтѣ. Эти новые епископы, въ свою очередь, учреждали новые монастыри, откуда избирали пресвитеровъ для своихъ городовъ и посылали епископами въ другіе города. Такъ дѣло было поставлено въ Сиріи, гдѣ монашество быстро распространялось трудами Иларія, ученика Антонія. Спиридоній, Епифанъ Кипрскій, Іаковъ Низибійскій, Кириллъ Іерусалимскій, Евстаѳій Севастійскій изъ Арменіи, Евсевій изъ Эмизы, Титъ изъ Бостріи, Василій Анкирскій, Акакій изъ Кесаріи Палестинской, Элпидій Лаодикейскій, Мелетій и Флавіанъ Антіохійскіе, Ѳеодоръ Тирскій, Протогенъ Каррскій, Акакій Веррейскій, Ѳеодотъ изъ Іераполиса, Евсевій Халкидонскій, Амфилохій Иконійскій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Злотоустъ Константинопольскій — всѣ были монахами и епископами (IV ст.). Въ городахъ, гдѣ Евстаѳій, Григорій Назіанзинъ, Григорій Нисскій, Василій и др.

были епископами, были учреждены монастыри, изъ которыхъ монахи посылались въ прочіе города епископами. Они, въ свою очередь, строили тамъ новые монастыри, пока, наконецъ, всѣ церкви стали получать епископовъ исключительно изъ монастырей. Поэтому Іеронимъ въ письмѣ, написанномъ около 385 г., говоритъ о клирѣ «Quasi et ipsi aliud sint quam Monachi, et non quidquid in Monachos dicitur redundet in Clericos, qui patres sunt Monachorum, Detrimentum pecuris pastoris ignominia est» (т. е.; какъ будто клиръ представляетъ что либо иное, нежели тѣхъ-же монаховъ, и какъ будто все, что говорятъ о монахахъ, не распространяется вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ родоначальниковъ — самихъ клириковъ! Безславіе пастыря — гибель для стада)[84]. Затѣмъ, въ книгѣ своей противъ Вигилянція, онъ говоритъ: «Quid facient Orientis Ecclesiae? Quae aut virgines Clericos accipiunt, aut continentes, aut si uxores habuerint, mariti esse desistunt». (Что дѣлается въ восточныхъ церквахъ? Принимаютъ въ клирики иноковъ, воздерживающихся отъ брака, или такихъ женатыхъ, которые отказываются отъ брачной жизни). Вскорѣ после этого сами императоры предписали церквамъ избирать священнослужителей изъ монаховъ. Вотъ этотъ указъ:

«Impp. Arcad. et Honor. A Caesario PF. P. Si quos forte Episcopi deesse sibi Clericos arbitrantur, ex monachorum numero rectius ordinabunt: non obnoxios publicis privatisque rationibus cum invidia tenent, sed habeant jam probatos. Dat VII Kalend. Aug. Honor. A. IV et Euthychiano Coss. A. C. 398» (т. е.: Августѣйшіе императоры Аркадій и Гоноpій, Цезарію, Префекту Преторскому. Если епископы будутъ нуждаться въ клирикахъ, то правильнѣе рукополагать ихъ изъ числа монаховъ; при этомъ не слѣдуетъ назначать лицъ, осуждаемыхъ частнымъ и общественнымъ мнѣніемъ, а выбирать испытанныхъ. Дано въ 7 день Августовскихъ

[84] Іеронимъ 10 письмо.

Календъ, IV годъ консульства Гонорія Августа и Евтихіана по Р. Х. 398).

Подпаденіе Греческой имперіи подъ власть энкратитовъ и почитаніе ихъ Даніилъ символизировалъ въ образѣ царя, поступающаго по своему произволу, который «не посмотритъ на вожделѣніе женщинъ».

Дѣйствительно, секта энкратитовъ, возникшая подъ вліяніемъ ученія гностиковъ, распространявшаяся въ концѣ второго вѣка Таціаномъ и Монтаномъ, которые церквами второго и третьяго вѣка были осуждены и признаны за еретиковъ, — въ 4-мъ столѣтіи захватила всѣ восточныя церкви и въ концѣ этого вѣка начала проникать и въ западныя. Съ тѣхъ поръ христіанскія церкви, имѣя лишь внѣшнія формы набожности, но отрицаясь отъ духа истинной вѣры, подпали подъ власть энкратитовъ; язычники же, которые въ 4-мъ вѣкѣ начали въ большомъ числѣ переходить въ христіанство, относились къ этому виду христіанства, весьма сродному ихъ прежнимъ суевѣріямъ, съ большимъ расположеніемъ. Вѣрованіями же отрицавшихъ монастыри искреннихъ христіанъ, руководившихся въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ свѣточами семи азійскихъ церквей, они пренебрегали.

Катафригійцы, въ свою очередь, внесли въ религію много новыхъ суевѣрій, напр. ученіе о духахъ и о наказаніи ихъ чистилищемъ, — при чемъ наказаніе это якобы возможно смягчить молитвами и жертвами, какъ поучаетъ Тертулліанъ въ книгахъ своихъ De anima (О душѣ) и De monogamia (О единобрачіи). Точно также на знаменіе креста они смотрѣли, какъ на волшебный талисманъ. Тертулліанъ въ книгѣ своей de Corona militis пишетъ: «Ad omnem progressum atque promotum, ad omnem aditum et exitum, ad vestitum, ad calceatum, ad lavaera, ad mensas, ad lumina, ad cubilia, ad sedilia quacunque nos conversatu exercet, frentem crucis signaculo terimus» (т. е. «мы осѣняемъ себя знаменіемъ креста при

всякомъ движеніи, при входѣ и выходѣ, при одѣваніи, при обуваніи, при омовеніи, за столомъ, при зажиганіи свѣтильниковъ, передъ сномъ, передъ тѣмъ, какъ сѣсть, при разговорѣ»).

Апостолъ Павелъ въ посланіи своемъ къ Тимоѳею говоритъ объ этихъ суевѣріяхъ такъ: «Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольщающимъ (== обольстителямъ == р. Б.) и ученіямъ бѣсовскимъ *(такъ какъ язычники поклонялись бѣсамъ и духамъ),* говоря лицемѣрную ложь (чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ == р. Б.) (относительно *явленія духовъ, чудесъ, совершенныхъ ими, мощей и знаменія креста),* имѣя совѣсть (прожженную == р. Б.), заклейменную каленымъ желѣзомъ, воспрещая вступать въ бракъ и предписывая воздерживаться отъ употребленія мясной пищи (употреблять то, что Богъ сотворилъ == р. Б.) и т. д. (1 Тимоѳ. IV, 1, 2, 3). Отъ катафригіянъ такія воззрѣнія и обрядности перешли позднѣйшимъ поколѣніямъ, «ибо тайна беззаконія *(во времена Апосотольскія)* была уже въ дѣйствіи» — въ *лицѣ гностиковъ, затѣмъ въ лицѣ отпрыска гностиковъ — таціанистовъ и катафригіянъ и должна была дѣйствовать,*—«пока не возстанетъ человѣкъ грѣха, коего пришествіе по дѣйствію сатаны будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными и со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ», — прикрытымъ лишь внѣшними формами христіанской набожности, но безъ внутренней силы вѣры (2 Ѳессал. II, 7—10).

До конца 4-го вѣка распространенію катафригійскаго христіанства препятствовали помѣстные соборы. Когда же римскіе императоры стали христіанами, и язычники въ огромномъ количествѣ перешли въ христіанство и приняли внѣшнія формы новой религіи, то они нашли, что катафригійское христіанство, полагавшее религію во внѣшнихъ

формахъ, церемоніяхъ, обрядахъ, праздникахъ и т. д., болѣе подходитъ къ ихъ старымъ вѣрованімъ, чѣмъ религія сердца истинныхъ христіанъ. Вслѣдствіе этого они охотно становились на сторону катафригійскихъ христіанъ и къ концу 4-го вѣка положили основаніе этой формѣ христіанства. Благодаря всему этому «разумные изъ народа», подвергавшіеся гоненіямъ отъ языческихъ императоровъ въ первые три вѣка, и благодаря переходу Константина Великаго въ христіанскую религію «получившіе малую помощь», подверглись новымъ гоненіямъ «для очищенія ихъ (отъ лицемѣровъ и притворщиковъ) и для убѣленія ихъ къ послѣднему времени» (Дан. XII, 34, 35).

ГЛАВА XIV.
О Магуззимахъ, которымъ поклонился царь, поступающій по своему произволу.

Писаніе говоритъ, что одни вѣруютъ въ Бога, другіе въ идоловъ, и что Богъ — наше прибѣжище, наша твердыня, нашъ заступникъ. Въ этомъ смыслѣ Богъ — есть «скала своего народа», а ложные боги — называются «скалой тѣхъ, кто вѣруетъ въ нихъ» (Втор. XXXII, 4, 15, 18, 30, 31, 37). Въ томъ же смыслѣ боги царя, который будетъ дѣйствовать по своему произволу, называются Магуззимами, т. е. укрѣпленіями, крѣпостями, покровителями, защитниками, охраной. «Магуззимамъ (т. е. богу крѣпостей) — говоритъ Даніилъ[85], — на мѣстѣ его будетъ онъ воздавать честь и этого бога, котораго не знали отцы его, онъ будетъ чествовать серебромъ и золотомъ и дорогими камнями и разными драгоценностями. И это будетъ онъ творить въ крѣпкихъ твердыняхъ (или *храмахъ)* (и устроитъ твердую крѣпость съ чужимъ богомъ == Р. Б.); и онъ дастъ имъ власть надъ многими и землю раздѣлитъ (между ними == у Ньют.) въ награду» == Р. Б. (во владѣніе == у Ньют.) и все это произошло постепенно слѣдующимъ образомъ.

Григорій Нисскій говоритъ, что послѣ гоненій при императорѣ Декіи Григорій, епископъ неокесарійскій (въ Понтѣ), учредилъ праздничные дни въ честь тѣхъ, кто боролся и потерпѣлъ за вѣру, т. е. въ честь мучениковъ, при чемъ это новое учрежденіе считалъ проявленіемъ особой набожности. И въ оправданіе этого нововведенія онъ приводитъ следующіе доводы: «Когда онъ замѣтилъ, — говоритъ

---

[85] Гл. XI, 38, 39.

Григорій Нисскій[86], что простая темная толпа ради наслажденій плоти пребывала въ идолослуженіи, и что надлежитъ придать другой видъ самому существенному въ ихъ вѣрованіяхъ, а именно — обратить ихъ взоры вмѣсто идоловъ на истиннаго Бога, — то онъ позволилъ, чтобы въ воспоминаніе о святыхъ мученикахъ были учреждены праздники, во время которыхъ толпа радовалась, веселилась и развлекалась».

Язычники веселились во время дней чествованія своихъ боговъ и неохотно разставались съ этими удовольствіями. Вслѣдствіе этого Григорій, чтобы облегчить ихъ обращеніе въ христіанство, учредилъ ежегодныя торжества въ честь святыхъ и мучениковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главные христіанскіе праздники были назначены въ сроки, совпадающіе съ праздниками языческими и, чтобы подорвать привлекательность послѣднихъ, сопровождались такими же обрядностями. Такъ на Рождество установился обычай украшать жилища *плющомъ* и устраивать пиры, забавы, игрища — какъ это делалось на языческихъ вакханаліхъ и сатурналіхъ; вмѣсто флоралій стали праздновать день 1 мая, украшая себя цвѣтами. Точно также праздники св. Дѣвы Маріи, Іоанна Крестителя, а также апостоловъ были пріурочены къ поворотнымъ моментамъ года сообразно прохожденію солнцемъ знаковъ зодіака. Во время того же гоненія Декія *Кипріанъ* установилъ ежегодныя богослуженія и приношенія въ дни смерти африканскихъ мучениковъ; днямъ этимъ, по распоряженію Кипріана, велась точная запись. Феликсъ, епископъ римскій, какъ сообщаетъ Платина, Martyrum gloriae consulens, constituit; ut quotannis sacrificia eorum nomine celebrarentur — въ заботахъ о прославленіи мучениковъ, приказалъ ежегодно совершать въ честь ихъ богослуженія. Благодаря удовольствіямъ, связаннымъ съ такими празднествами, христіане

[86] Orat. de vita Qreg. Thaumaturg. T. 3, p. 574.

возрасли количественно, но зато это отразилось неблагопріятно на чистотѣ и искренности ихъ религіозныхъ убѣжденій, «пока они не были очищены и убѣлены» гоненіями Діоклетіана.

Таковъ былъ первый шагъ, сдѣланный христіанской религіей въ отношеніи почитанія мучениковъ; и хотя оно не дошло еще до противозаконнаго поклоненія, однако предрасположило христіанъ къ такому почитанію умершихъ, которое въ короткій промежутокъ времени завершилось призываніемъ святыхъ.

Вторымъ шагомъ въ этомъ направленіи было установленіе моленій на гробницахъ мучениковъ; обычай этотъ получилъ начало во время гоненія Діоклетіана. На Эльвирскомъ соборѣ въ Испаніи, состоявшемся на 3 и 4 году гоненія Діоклетіана (305 г. по Р. Х.), были установлены слѣдующія правила. Прав. 34: «Cereos per diem placuit in coemeterio non incendi: inquietandi enim spiritus sanctorum non sunt. Qui haec non observarent arceantur ab Ecclesiae communione» (т. е.: «Воспрещается на кладбищахъ возжигать свѣтильники, ибо не слѣдуетъ безпокоить душъ усопшихъ святыхъ. Кто не будетъ соблюдать этого, да будетъ отлученъ отъ общенія съ Церковью»). Прав. 35: «Placuit prehiberi ne feminae in coemeterio pervigilent, eo quid saepe sub obtentu orationis latenter scelera committant» (т.е. прав. 35 говоритъ: «Женщинамъ воспрещается оставаться на кладбищахъ на ночь, ибо часто подъ предлогомъ молитвы онѣ совершаютъ тамъ тайно всякія мерзости»). Теперь же, вскорѣ послѣ названнаго гоненія, Лаодикійскій соборъ во Фригіи (около 314 г. послѣ Р. Х.), созванный для возстановленія пошатнувшейся церковной дисциплины, постановилъ слѣдующія правила. Прав. 9: «На кладбища всякихъ еретиковъ, или въ такъ именуемыя у нихъ мученическія мѣста, да не будетъ позволено церковнымъ ходити для молитвы или

для врачеванія. А ходящимъ, аще суть вѣрные, быти лишенными общенія церковнаго на нѣкое время». Прав. 34: «Всякому христіанину не подобаетъ оставляти мучениковъ Христовыхъ, и отходити ко лжемученикамъ, которые, то-есть, у еретиковъ находятся, или сами еретиками были, ибо сіи удалены отъ Бога; того ради прибѣгающіе къ нимъ да будутъ подъ клятвою». Прав. 51: «Не подобаетъ въ четыредесятницу дни рожденія мучениковъ праздновати, но совершати память святыхъ мучениковъ въ субботы и въ дни воскресные». Пафлагонскій соборъ 324 года установилъ слѣдующее правило: «Если кто-либо будетъ высокомѣрно гнушаться посѣщеній могилъ мучениковъ и совершаемыхъ тамъ литургій и панихидъ, — да будетъ анаѳема».

Изъ всего этого явствуетъ, что христіане временъ Діоклетіанова гоненія имѣли обыкновеніе совершать моленіе на кладбищахъ умершихъ, куда они собирались, отчасти въ цѣляхъ избѣжать преслѣдованій, а отчасти за неимѣніемъ церквей, такъ какъ прежнія были всѣ разрушены. Когда же гоненія прекратились, они продолжали держаться этого обыкновенія въ честь мучениковъ, пока не были воздвигнуты новые храмы; а затѣмъ, благодаря привычкѣ, стали считать этотъ обычай особенно благочестивымъ и способствующимъ исцѣленію отъ недуговъ. Отсюда видно также, что мученики поминались въ мѣстахъ ихъ погребенія ежегодно въ назначенные дни, что почитаніе умершихъ мучениковъ считалось дѣломъ религіознымъ и благочестивымъ, и что предавали анаѳемѣ тѣхъ, кто не признавалъ такихъ обычаевъ или молился на могилахъ мучениковъ-еретиковъ. Точно также предъ могилами мучениковъ стали возжигать факелы въ дневное время, какъ язычники дѣлали это передъ своими богами. Этотъ обычай къ концу 4 вѣка былъ весьма распространенъ на западѣ. Окропляли почитателей мучениковъ святой

водой, какъ язычники дѣлали это съ поклонявшимися ихъ богамъ. Началось паломничество въ Іерусалимъ и другія святыя мѣста, въ надеждѣ, что мѣста эти сообщатъ своимъ посѣтителямъ святость. Отъ обычая совершать моленія на гробахъ мучениковъ произошелъ обычай перенесенія останковъ святыхъ и мучениковъ во вновь сооружаемыя церкви. Это обыкновеніе было установлено императоромъ Констанціемъ, который въ 359 году приказалъ перенести тѣла апостоловъ Андрея, Луки и Тимоѳея, въ новый Константинопольскій храмъ. Но еще и раньше этого распоряженія Констанція Египтяне хранили тѣла мучениковъ и святыхъ въ частныхъ домахъ непогребенными и разсказывали разныя исторіи о ихъ душахъ, являющихся послѣ смерти и восходящихъ опять на небо, какъ объ этомъ сообщаетъ Аѳанасій въ своей книгѣ объ Антоніи. Все это дало поводъ императору Юліану, какъ передаетъ Кириллъ, обвинять христіанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Возможно ли достаточно заклеймить то, что къ поклоненію давно умершаго Іисуса вы присоединяете еще поклоненіе множеству другихъ умершихъ людей. И хотя вамъ не позволено поклоняться имъ открыто, вы наполнили всѣ мѣста гробницами и памятниками». И нѣсколько далѣе: «Послѣ того какъ Іисусъ сказалъ, что гробницы полны гнили, какъ осмѣливаетесь призывать Бога на этихъ именно гробахъ?» Далѣе онъ прибавляетъ: «Если христіане придерживаются религіозныхъ предписаній Евреевъ, то они должны поклоняться одному Богу, а не многимъ, и во всякомъ случаѣ не человѣку, а тѣмъ болѣе не многимъ несчастнымъ людямъ». Затѣмъ онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они «поклоняются дереву креста, изображая знаменіе его на своихъ лбахъ и ставя кресты передъ своими домами».

Итакъ, гробницы святыхъ и мучениковъ были обращены въ мѣста богопоклоненія, а церкви — въ

гробницы, и мертвымъ тѣламъ погребенныхъ въ нихъ святыхъ и мучениковъ былъ приписанъ особый видъ святости и въ честь ихъ были учреждены ежегодныя праздники съ приношеніями Богу во имя ихъ.

Слѣдующею ступенью къ призыванію святыхъ было приписываніе ихъ тѣламъ, костямъ и другимъ останкамъ чудотворной силы, проявляемой при помощи отдѣлившейся отъ тѣла души, которая, по этому ихъ мнѣнію, знала, что мы дѣлаемъ или говоримъ, и способна причинять намъ вредъ или приносить благо и творить различныя чудеса. Это было нѣчто иное, чѣмъ подлинное вѣрованіе язычниковъ, которое они имѣли о душахъ своихъ царей и героевъ, которымъ они поклонялись подъ именами Сатурна, Реи, Юпитера, Юноны, Марса, Венеры, Вакха, Цереры, Озириса, Изиды, Аполлона, Діаны и прочихъ боговъ своихъ. Изъ того, что боги эти были мужескаго и женскаго пола, мужьями и женами, сыновьями и дочерьми, братьями и сестрами, — можно видѣть, что они были ранѣе мужчинами и женщинами. Первый шагъ къ поклоненію святымъ былъ сдѣланъ во время гоненія Декія и второй во время гоненія Діоклетіана; третій былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ мѣрамъ Констанція и Юліана Отступника. Когда Юліанъ началъ возстановлять поклоненіе языческимъ богамъ и осквернять могилы святыхъ и мучениковъ, то Сирійскіе и Египетскіе христіане подняли великій шумъ по поводу чудесъ, творимыхъ останками христіанскихъ святыхъ и мучениковъ. Эти чудеса они противопоставили могуществу, приписываемому Юліаномъ и язычниками ихъ идоламъ. Созоменъ и Руффинъ разсказываютъ, что когда Юліанъ открылъ языческіе храмы и вопросилъ оракула Аполлона Дафнійскаго въ предмѣстьи Антіохіи и богатыми жертвами умилостивлялъ его дать отвѣтъ, то оракулъ наконецъ сказалъ, что кости мученика Вавилы, похороненные въ этомъ храмѣ, мѣшаютъ ему говорить.

По этому отвѣту можно заключить, что какой-то христіанинъ проникъ въ это мѣсто, откуда жрецы говорили черезъ трубу, и отвѣтилъ за оракула. Еще ранѣе этого Иларій въ книгѣ, написанной противъ Констанція, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно событій, имѣвшихъ мѣсто на Востокѣ. «Sine martyrio persequeris. Plus crudelitate vestrae, Nero, Deci, Maximiane, debemus. Diabolum enim per vos vicimus. Sanctos ubique beatorum martyrum sanquis exceptus est, dum in his Daemones mugiunt, dum aegritudines depelluntur, dum miraculorum opera cernuntur, elevari sine laqueis corpora, et dispensis pede faeminis vestes neu defluere in faciem, uri sine ignibus spiritus confitere, sine interrogantes incremento fidei».

«Ты преуспѣешь безъ мученичества. Мы больше всего обязаны вашей, о Неронъ, Декій, Максиміанъ, жестокости. Ибо благодаря вамъ мы избѣжали діавола. Всюду, гдѣ пролита святая кровь блаженныхъ мучениковъ, несмотря на неистовство демоновъ исцѣляются болѣзни, видимо совершаются чудеса; тѣла поднимаются вверхъ безъ веревки, когда женщинъ подвѣшиваютъ за ноги, одежды ихъ не ниспадаютъ на лицо; души горятъ безъ огня болѣе сильнымъ пламенемъ, чѣмъ огонь. Многіе исповѣдывали вѣру безъ вызова со стороны судей».

Григорій Назіанзинъ въ первой проповѣди своей противъ царствовавшаго тогда императора Юліана пишетъ такъ: «Martires non extimuisti quibus praeclari honores et festa constituta, a quibus Daemones propelluntur et morbi curantur, quorum sunt apparitiones et praedictiones; quorum vel sola corpora idem possunt quod animae sanctae, sive manibus contrectentur sive honorentur; quorum vel solae sanguinis guttae atque exiguica passionis signa idem possunt quod corpora. Haec non colis sed contemnis et asperaris».

«Ты не устрашился мучениковъ, во славу которыхъ установлены праздники и чествованы; которыми изгоняются демоны и исцѣляются болѣзни; которые являются какъ духи и предсказываютъ будущее; коихъ даже одни тѣла имѣютъ такую же силу, какъ и ихъ святыя души, если къ этимъ тѣламъ прикоснуться руками или воздать имъ поклоненіе. Даже однѣ капли ихъ крови или малѣйшіе знаки, оставшіеся отъ ихъ страстей, обладаютъ такой же силой, какъ и тѣла. Все это ты не чтишь, но презираешь и поносишь».

Все это вынудило язычниковъ разрушить гробницу Іоанна Крестителя въ Финикіи и сжечь его кости; но нѣсколько христіанъ замѣшались между язычниками, собрали, что можно было изъ останковъ Іоанна, и отослали ихъ къ Аѳанасію. Аѳанасій замуровалъ ихъ въ стѣну церкви, «провидя пророческимъ духомъ, какъ говоритъ Руффинъ, что они могутъ быть полезны будущимъ поколѣніямъ».

Сказанія о такихъ чудесахъ, разъ пущенныя въ народъ, съ теченіемъ времени разростались, пока не сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Златоустъ[87] во второй бесѣдѣ о св. Вавилѣ, 20 лѣтъ спустя послѣ того какъ замолкъ оракулъ Аполлона въ Дафнѣ, какъ это было описано выше (382 по Р. Х.), говоритъ о чудесахъ, совершаемыхъ святыми и ихъ останками: «Nulla est nostri hujus orbis sen reguo, sen gens, seu urbs, ubi novaet inorinata miracula haes поп decantentur, quae quiden si figmenta fuissant prorsus in tantam hominum admirationem nou venissent» (т. е.: «На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одной страны, ни народа, ни города, гдѣ не совершались бы эти новыя и неожиданныя чудеса; и если бы они были вымысломъ, то конечно не вызывали бы такого благоговѣнія со стороны людей»). И далѣе: «Abunde orationi nostrae fidem faciunt, quae quotidina a marty ribus

[87] См. Hom. 47 in s. Jlian.

miracula eduntur, magna affatim ad illa hominum multitudine affluent».

Т. е.: «Проповѣдь наша въ избыткѣ подтверждается ежедневными чудесами, совершаемыми мучениками въ присутствіи стекающагося къ нимъ множества людей». Въ 66-й бесѣдѣ, описывая, какія муки испытываютъ злые духи при приближеніи къ костямъ мучениковъ и какъ изгоняются ими, онъ прибавляетъ: «Ob cam causam multiplerumque Reges peregre profecti sunt, ut hoc spertaculo fruentur. Si quidem santorum martyrum templa futuri judicio vestiqia et signa exhibent, dum nimirum Daemones flagris caeduntur, hominesque torquentur et liberantur. Vide quae sanctorum vita functorum vis fit».

Т. е.: «Ради этого многое множество царей отправляются въ чужіе края, чтобы видѣть подобное зрѣлище, какъ въ храмахъ святыхъ мучениковъ появляется знаменіе будущаго суда въ то время, какъ демоны избиваются бичами, и люди въ корчахъ освобождаются отъ нихъ. Уразумѣй, какая сила есть у почившихъ благодаря святой жизни».

Іеронимъ въ своей эпитафіи надъ могилой святой Павлы также разсказываетъ о подобныхъ явленіяхъ: «Paula vidit Samariam: ubi siti sunt Elisaueus et Abdius prophetae et Iohannes Baptista».

Т. е.: «Павла посѣтила Самарію, гдѣ погребены пророки Елисей и Авдій и Іоаннъ Креститель; она трепетала тамъ, будучи подавлена множествомъ чудесъ». Ибо она видѣла, какъ ревѣли демоны, подвергнутые разнообразнымъ мукамъ, и выли предъ гробницами святыхъ, какъ люди, въ образѣ волковъ, лаяли по собачьи, рыкали по львиному, шипѣли по змѣиному, мычали по бычачьему, а иные вертѣли головой какъ колесомъ и затылкомъ доставали за спиной землю, а одежды подвѣшанныхъ за ноги женщинъ не падали имъ на лицо. Это было около 384 г.

Златоустъ же въ своей проповѣди о Египетскихъ мученикахъ считаетъ, какъ кажется, Египетъ первымъ наставникомъ въ этомъ. Онъ говоритъ: «Benedictus Deus quando quidem ex Aegypto prodeunt martyres ex Aegypto illa cum deopugnante et insanissima et unde impa ora, unde linquae blasphemae; ex Aegypto martyres habentur; non in Aegypto tantum nec in finitima vicinaque regione, sed ubuque terrarum».

«Благословенъ Богъ: и изъ Египта — мученики, изъ богоборнаго и безумнѣйшаго Египта, откуда — безбожныя уста, откуда — богохульные языки, изъ Египта мученики, и не въ Египтѣ только, и не въ ближайшей и сосѣдней странѣ, но и повсюду въ вселенной! Какъ при урожаѣ земныхъ произведеній жители городовъ, видя, что плодородіе превышаетъ потребности обитателей, отсылаютъ и въ иностранные города, чтобы показать и собственное дружелюбіе и вмѣстѣ при избыткѣ въ этомъ легче пріобрѣсти себѣ отъ нихъ то, въ чемъ сами имѣютъ нужду, — такъ поступили и Египтяне съ подвижниками благочестія. Видя, что у нихъ, по благодати Божіей, великое изобиліе, они не заключили въ своемъ городѣ этого великаго дара Божія, но распространили по всей землѣ свои благія сокровища, показывая свое братолюбіе, прославляя общаго всѣхъ Владыку, возвышая свой городъ предъ всѣми и представляя его метрополіей всей вселенной... Подлинно, тѣла этихъ святыхъ ограждаютъ у насъ городъ тверже всякой адамантовой и несокрушимой стѣны и подобно высокимъ скаламъ, расположеннымъ со всѣхъ сторонъ, не только отражаютъ нападенія этихъ чувственныхъ и видимыхъ враговъ, но и козни невидимыхъ бѣсовъ, и все коварство діавола ниспровергаютъ и разрушаютъ... И не только противъ козней людей и противъ коварства бѣсовъ полезно намъ это сокровище, но если бы прогнѣвался на насъ и общій нашъ Владыка за множество грѣховъ, то, предложивъ въ

защиту себя эти тѣла, мы скоро можемъ преклонить Его на милость къ городу!

Эта рѣчь была сказана въ Антіохіи въ то время, когда главнымъ городомъ Востока была еще Александрія, т. е. до 381 г., когда столицею имперіи была сдѣлана Византія. Чтобы разослать чудотворныя мощи своихъ святыхъ по всему свѣту, Египтянамъ понадобилось нѣсколько лѣтъ. Египетъ изобиловалъ останками святыхъ и мучениковъ, такъ какъ тамъ держали ихъ набальзамированными даже въ частныхъ домахъ. Александрія же въ этомъ отношеніи шла впереди всѣхъ остальныхъ городовъ, разсылая эти останки повсюду, чтобы пріобрѣсти славу и показать, что она истинная столица міра. Антіохія, слѣдуя примѣру Египта, разослала мощи 40 мучениковъ; примѣру же Египта и Сиріи вскорѣ сталъ слѣдовать и весь міръ.

Мощи 40 мучениковъ Антіохійскихъ были разосланы по церквамъ около 373 г.; объ этомъ событіи Аѳанасіемъ, умершимъ въ этомъ именно году, была сказана нарочитая рѣчь. Эта рѣчь до сихъ поръ не напечатана, но Жераръ Фоссъ видѣлъ ее въ рукописи въ библіотекѣ кардинала Асканія въ Италіи, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ коментаріяхъ на слово Ефрема Сирина о тѣхъ же 40 мученикахъ. Изъ нея видно, что александрійскіе монахи стали разсылать останки мучениковъ во всѣ страны земли и тѣмъ пріобрѣли своему народу славу и заставили признать его въ этомъ отношеніи метрополіей цѣлаго міра, какъ мы читаемъ это у Златоуста. — Отсюда слѣдуетъ заключить, что Александрія вступила на этотъ путь ранѣе, чѣмъ мощи 40 мучениковъ были разосланы изъ Антіохіи, и что она первая подала въ томъ примѣръ прочимъ городамъ. Слѣдовательно, этотъ обычай возникъ въ Египтѣ до смерти Аѳанасія. Онъ ведетъ свое начало съ того времени, когда останки Іоанна Крестителя были

принесены въ Египетъ и заключены въ стѣну церкви, «чтобы могли оказать пользу будущимъ поколѣніямъ». Въ царствованіе Юліана Отступника этому обычаю были поставлены нѣкоторыя ограниченія, а послѣ Юліана онъ изъ Египта распространился по всей имперіи, при чемъ Александрія, распространившая этотъ новый видъ благочестія, по словамъ Златоуста, стала метрополіей цѣлаго свѣта, Антіохія же и другіе города вскорѣ послѣдовали примѣру Александріи.

Главными распространителями подобныхъ вѣрованій были монахи съ Антоніемъ во главѣ. Аѳанасій сообщаетъ, что Антоній передъ своей смертью обратился къ ученикамъ, окружавшимъ его, съ слѣдующими словами: «Заботьтесь, сказалъ онъ, прежде всего о томъ, чтобы прилежать Христу, а затѣмъ Святымъ, чтобы послѣ вашей смерти они встрѣтили васъ въ вѣчной скиніи, какъ близкихъ друзей. Думайте объ этомъ исходѣ, усвойте его себѣ, и если вы сколько нибудь чтите меня, вспоминайте обо мнѣ, какъ объ отцѣ». Такія слова, сказанныя Антоніемъ при смерти (356 г.), не могли не воспламенить монашество къ почитанію святыхъ, такъ какъ это оказывалось прямою дорогою въ вѣчную скинію послѣ смерти. Отсюда происходила шумная молва относительно чудесъ, творимыхъ мощами святыхъ во времена Констанція; отсюда возникъ обычай разсыланія чудотворныхъ останковъ по всѣмъ церквамъ имперіи. Отсюда же произошло, что Аѳанасій въ царствованіе Юліана, въ 362 г., по пророческому вдохновенію, какъ говоритъ Руффинъ, сокрылъ отъ язычниковъ кости Іоанна Крестителя не въ землю, гдѣ онѣ были бы преданы забвенію, а въ стѣну храма въ присутствіи свидѣтелей, чтобы кости эти «могли стать полезными для будущихъ поколѣній». Отсюда же произошли и молитвы, обращаемыя къ святымъ, о томъ или другомъ чудѣ, о помощи и о заступничествѣ передъ Богомъ. Аѳанасій съ

самой юности своей смотрѣлъ на умершихъ святыхъ и мучениковъ, какъ на посредниковъ въ нашихъ молитвахъ. Въ письме своемъ къ Марцеллину, написанномъ въ царствованіе Константина Великаго, онъ говоритъ, что слова псалмовъ и пѣснопѣній не слѣдуетъ переставлять или измѣнять, но надлежитъ читать и пѣть безъ измѣненія такъ, какъ они были написаны, «чтобы святые, составившія ихъ, узнавъ въ нихъ свои собственныя слова, стали бы молиться вмѣстѣ съ нами, или, вѣрнѣе, чтобы Святой Духъ, говорившій устами святыхъ, узнавая слова, которыми Онъ вдохновилъ ихъ, присоединился къ заступническимъ молитвамъ святыхъ, помогая намъ».

Такъ какъ въ Египтѣ монаховъ было больше, чѣмъ во всякой другой странѣ, то поклоненіе святымъ началось тамъ раньше и развилось быстрѣе. Палладій, ходившій въ Египетъ въ 388 г. и посетившій монастыри и гробницы Аполлонія и прочихъ Ѳиваидскихъ мучениковъ, претерпѣвшихъ гоненіе при Максиминѣ, разсказываетъ о нихъ: «Iis omnibus Christiani fecerunt, aedem unam, ubi nunc multae virtutes peraguntur. Tanta autem fuit viri gratia, ut de iis, quae esset precatus statim exaudiretur, eum sic honorante servatore. Quem etiam nos in martyrio precati vidimus, cum iis qui cum ipso fuerunt martyrio affecti; et Deum adorantes, eorum corpora salutavimus». «Всѣмъ имъ христіане построили общее обиталище, въ которомъ теперь пребываетъ великая благодать. И такова милость Божія къ этому мужу (Аполлонію), что о чемъ бы кто ни молился, его молитва бывала услышана, такъ какъ это былъ великій заступникъ. Мы видѣли гробницу его рядомъ съ тѣмъ, кто былъ преданъ мукамъ вмѣстѣ съ нимъ, и, восхваливъ Бога, мы поклонились ихъ мощамъ»...

Эвнаній — язычникъ, однако достовѣрный свидѣтель событій того времени, разсказывая, какъ солдаты передали Египетскіе храмы въ руки монаховъ —

это было въ 389 г. — безбожно издѣвается надъ мучениками, будто они заняли мѣсто прежнихъ боговъ Египта: «Illi ipsi, milites, Monachos Canobi quoque collocarunt, ut pro Diis qui animo cernuntur, servos et quidem flagitiosos divinis honoribus percolerent, hominum mentibus ad cultum ceremoniasque obligatis. Ii namque condita et salita eorum capita, qui ob scelerum multitudinem a judicibus extremo judicio fuerant affecti, pro Divis ostendabant; iis genua submittebant, eos in deorum numerum receptabant, ad illorum sepulchra pulvere sordibusque conspurcati. Martyres igitur vocabuntur et ministri quidem et; legati arbitrique precum apud Deos; cum fuerint servilia infida et flagris pessimis subacta, quae cicatrices scelerum ac nequitiae vestigia corporibus circumferunt ejusmodi tamen Deus fert tellus». Онъ говоритъ: Солдаты помѣстили монаховъ въ киновіи, а тѣ вмѣсто боговъ, созерцаемыхъ лишь въ духѣ, воздавали божеское поклоненіе рабамъ и даже преступникамъ, наказаннымъ бичомъ — такъ склоненъ человѣческій умъ къ внѣшнимь обрядамъ и церемоніямъ. При помощи соли они сохраняютъ головы подвергнутыхъ судомъ смертной казни и выдаютъ ихъ за божества; склоняются передъ ними на колѣна, причисляютъ ихъ къ сонму боговъ и передъ гробницами ихъ ползаютъ въ прахѣ и грязи. И такъ, они называютъ ихъ мучениками, священниками, посланниками и посредниками въ молитвахъ, возносимыхъ къ Небу. Они были подвергнуты постыдному рабству и позорному бичеванію, они носятъ на тѣлѣ рубцы за свои преступленія и слѣды своего распутства, — и такихъ-то Боговъ порождаетъ намъ земля». Изъ этихъ словъ мы можемъ заключить, что почитаніе святыхъ уже укрѣпилось въ Египтѣ и было вообще принято и усвоено простымъ народомъ. Василій, монахъ, ставшій въ 369 г. епископомъ Кесаріи и умершій въ 378 г., въ словѣ о мученикѣ Мамантѣ говоритъ (Изъ слова Василія

Великаго на день памяти мученика Маманта): «Пусть вспомнятъ мученика всѣ тѣ, которые насладились имъ въ сновидѣніяхъ; которые, приходя на сіе мѣсто, имѣли его содѣйственникомъ въ молитвѣ; которымъ, будучи названъ по имени, предсталъ онъ самымъ дѣломъ; которыхъ привелъ въ домы изъ путешествія; которыхъ возставилъ отъ болѣзни; которымъ возвратилъ дѣтей уже умершихъ; которымъ продлилъ срокъ жизни». Нѣсколько далѣе изъ словъ его видно, какъ широко были распространены такія вѣрованія въ Каппадокіи и Вавилоніи. «Въ день памяти мученика, говоритъ онъ, вся страна пришла въ движеніе; весь городъ принималъ участіе въ праздникѣ; не родственники стекаются на гробы отцовъ, но всѣ притекаютъ на мѣсто благочестія». Въ концѣ своей бесѣды онъ молится, чтобы «Богъ сохранилъ Церковь, ограждаемую великою крѣпостью мучениковъ». Въ словѣ о сорока мученикахъ онъ говоритъ: «Вотъ, они, занявъ нашу страну, подобно какому-то непрерывному ряду столбовъ, доставляютъ безопасность отъ противниковъ, и они не стѣснены какимъ-либо однимъ мѣстомъ, но сила ихъ осѣняетъ цѣлыя области, и они украшаютъ собою многія страны. — Вы часто искали съ тревогой, кто бы молился за васъ: вотъ сорокъ возносятъ молитву яснымъ голосомъ. — Тотъ, кто въ гóрѣ, прибѣгаетъ къ нимъ; тотъ, кто въ радости, тоже стремится къ нимъ: первый, чтобы освободиться отъ зла, послѣдній — чтобы его счастіе продолжилось. Здѣсь встрѣтите благочестивую жену, молящуюся о чадахъ, испрашивающую отлучившемуся мужу возвращенія, а болящему здравія. — О вы, хранители человѣческаго рода, лучшіе помощники наши въ скорбяхъ, споспѣшники въ молитвѣ, могучіе ходатаи наши передъ Господомъ» и т. д.

Изъ всего этого явствуетъ, что уже до 378 г. въ проповѣдяхъ и словахъ обращеніе къ святымъ далеко выходило изъ границъ чисто-ораторскихъ пріемовъ и

что масса христіанскаго населенія на Востокѣ была поставлена на этотъ путь монахами.

Григорій Назіанзинъ, монахъ, въ рѣчи, написанный въ 373 г., вскорѣ послѣ назначенія его епископомъ Сасима, говоритъ: «Очистимся передъ мучениками, или лучше передъ Богомъ мучениковъ», нѣсколько далѣе онъ называетъ мучениковъ «посредниками въ пріобрѣтеніи небесной жизни или божественности». Въ томъ же году въ словѣ о только что умершемъ Аѳанасіи, онъ такъ взываетъ къ нему: «Взгляни милостиво на насъ и управляй народомъ, право вѣрующимъ въ присносущную Троицу, споклоняемую и славимую въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. Охрани меня и питай со мною паству мою во время мира; въ войнѣ защити меня и помоги возвратиться домой; по неотступной молитвѣ моей уготовь мнѣ мѣсто подлѣ себя и подлѣ тѣхъ, кто подобенъ тебѣ». Въ концѣ слова на погребеніе Василія (378 г.) онъ такъ обращается къ нему: «О божественная и священная глава, призри на насъ съ неба, удали молитвами своими терніи плоти, посланныя намъ Богомъ для испытанія, или дай намъ нести ихъ съ мужествомъ и направь нашу жизнь къ тому, что больше всего намъ на потребу. Когда же мы покинемъ эту жизнь, прими насъ въ вѣчныя обители, дабы пребыть намъ тамъ вмѣстѣ со святыми и болѣе чисто и совершенно созерцая пресвятую Троицу, которую мы нынѣ разумѣемъ лишь прикровенно, — и такимъ образомъ получить награду за брани, въ которыхъ мы то одолѣвали, то бывали поражены». Въ словѣ о Кипріанѣ (грекѣ, а не епископѣ Карѳагенскомъ) онъ взываетъ къ нему такимъ же образомъ и разсказываетъ, какъ нѣкая благочестивая дѣва, по имени Юстина, получила покровительство, молясь Дѣвѣ Маріи, и какія чудеса были совершены останками Кипріана.

Григорій Нисскій, другой знаменитый монахъ и епископъ, въ книгѣ о «Жизни Ефрема Сирина» разсказываетъ, какъ нѣкто, возвращаясь изъ далекихъ краевъ домой, оказался въ великой опасности, такъ какъ всѣ пути были преграждены толпами варваровъ. Тогда онъ обратился съ молитвой къ Ефрему говоря: «Святый Ефремъ, помоги мнѣ». И онъ избѣгъ опасности, страхъ смерти покинулъ его и онъ сверхъ всякой надежды вернулся домой невредимымъ. Въ заключеніе своего слова Григорій призываетъ Ефрема такимъ образомъ: «Ты же, о Ефреме, предстоя предъ божественнымъ жертвенникомъ и вмѣстѣ съ ангелами служа живоначальной и пресвятой Троицѣ, помяни всѣхъ насъ, прося объ отпущеніи нашихъ грѣховъ и о полученіи вѣчнаго царства, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ Нашемъ».

Тотъ же самый Григорій въ проповѣди о мученикѣ Ѳеодорѣ, написанной въ 381 г., такъ описываетъ могущество мученика и благоговѣніе къ нему народа: «Этотъ мученикъ, говоритъ онъ, усмирилъ бурю варварскаго нашествія и положилъ конецъ страшной войнѣ съ кровожадными и жестокими скиѳами.

Если кому позволено бываетъ взять земли, лежащей на поверхности мѣста его упокоенія, тотъ прахъ пріемлетъ какъ даръ и землю собираетъ какъ сокровище. Если кому счастіе доставитъ возможность прикоснуться къ самымъ останкамъ, то, какъ это вожделѣнно и какой возвышенной молитвы почитается даромъ, знаютъ тѣ, кои испытали это и которые сами одушевляемы были этимъ желаніемъ. Взирающіе на нихъ лобызаютъ оныя, какъ самое живое и цвѣтущее жизнію тѣло, приближая ихъ къ глазамъ, устамъ, ушамъ, ко всѣмъ чувствамъ; затѣмъ проливая слезы благоговѣнія и сердечнаго умиленія, приносятъ молитву о ходатайствѣ, какъ бы самому въ цѣлости видимому

мученику, умоляя его, какъ оруженосца Божія, взывая къ Нему, какъ пріемлющему дары (молитвы), когда ему угодно.

Ибо отечество мученика — страна, гдѣ онъ пострадалъ, а сограждане и сродники — тѣ, кои его погребли, у которыхъ его тѣло, кои чтутъ его. Предусматриваетъ скорби; ожидаетъ опасностей; не далеко ужасные скиѳы, замышляющіе войну противъ насъ; какъ воинъ, поборай по насъ, какъ мученикъ, яви (молитвенное) дерзновеніе (къ Богу) за служащихъ Ему вмѣстѣ съ тобою. Хотя ты и перешелъ отъ сей жизни, но знаешь страданія и нужды человѣчества; испроси намъ миръ, чтобы не прекратились празднества, чтобы не сталъ надъ храмами и жертвенниками неистовый и необузданный варваръ, чтобы не попралъ святая сквернитель. Ибо и то, что до сихъ поръ мы сохранились невредимы, — твоимъ считаемъ благодѣяніемъ; просимъ у тебя и на будущее время А если бы оказалась нужда въ бóльшемъ молитвенномъ предстательствѣ, собери мнѣ своихъ братьевъ мучениковъ и молись со всѣми ими; молитвы многихъ праведниковъ да разрѣшатъ грѣхи народовъ и племенъ. Напомни о насъ Петру, возбуди Павла, равно какъ и Іоанна Богослова и возлюбленнаго ученика, да позаботится о церквахъ, которыя они устроили, за которыя носили узы, за которыя подверглись опасностямъ и смерти, чтобы идолослуженіе опять не подняло главы надъ нами, чтобы ереси какъ тернія не произрасли въ виноградникѣ, чтобы вновь ожившія плевелы не заглушили пшеницы, чтобы не было среди насъ каменистой почвы, лишенной тука, истинной росы и препятствующей укорениться силѣ слова для принесенія благихъ плодовъ; но силою твоей и сущихъ съ тобою молитвы, о дивный и пресвѣтлый среди мучениковъ, да содѣлается гражданство христіанское до

конца временъ мѣстомъ жатвы на тучной и плодоносной пажити вѣры во Христа».

Григорій заключаетъ эту проповѣдь такими словами: «О Ѳеодоръ, мы молимъ тебя о милости, защити насъ и молись за твою родину передъ Владыкою всѣхъ и Господомъ».

Тотъ же Григорій Нисскій въ словѣ на смерть Мелетія, епископа Антіохійскаго, произнесенномъ въ Константинополѣ въ томъ же 381 году передъ епископами Востока, собравшимися на второй вселенскій соборъ, говоритъ о Мелетіи такъ: «Женихъ не взятъ отъ насъ; онъ стоитъ посреди насъ, хотя мы его и не видимъ; священникъ во святилищѣ... онъ самолично ходатайствуетъ предъ Богомъ, ходатайствуетъ же за насъ и за грѣхъ невѣдѣнія народа». Это не было простыми цвѣтами краснорѣчія, но дѣйствительнымъ убѣжденіемъ Григорія, какъ это можно заключить по приведеннымъ выше выдержкамъ изъ проповѣдей о Ефремѣ и Ѳеодорѣ. Григорій сказалъ это слово предъ Константинопольскимъ соборомъ, и изъ этого слѣдуетъ заключить, говоритъ Бароній[88], что онъ выражалъ исповѣданіе всего собора, и, слѣдовательно, — вся восточная Церковь вѣрила, что святые на небе возносятъ за насъ передъ Богомъ молитвы.

Другой знаменитый монахъ, Ефремъ Сиринъ, бывшій современникомъ Василія и умершій съ нимъ въ одномъ году, въ своей энколіи или рѣчи на смерть Василія, обращается къ нему со слѣдующими словами: «Помолись о мнѣ крайне жалкомъ, и оживи своими молитвами, отче, ты мужественный — меня разслабленнаго, ты ревностный — меня лѣниваго, ты усердный — меня безпечнаго, ты мудрый — меня неразумнаго, ты собравшій себѣ сокровища добродѣтелей — меня не имущаго ни одной заслуги». Въ началѣ своего слова о сорока мученикахъ, онъ такъ

[88] Ad an. 381 Sect. 41.

взываетъ къ нимъ: «Помогите мнѣ, вы, святые, вашимъ предстательствомъ, а вы, возлюбленные, преподобными вашими молитвами, чтобы Христосъ благодатію Своею подвигъ языкъ мой къ провѣщанію...» и т. д. Затѣмъ, вспоминая о матери одного изъ этихъ мучениковъ, онъ заключаетъ свою проповѣдь такою молитвой: «Молю тебя, о святая, вѣрная и благословенная жена, ходатайствуй за меня передъ святыми, говоря: «Помолитесь, побѣдоносные Христовы мученики, о ничтожномъ и бѣдномъ Ефремѣ, чтобы обрѣсти мнѣ милость у Христа и спастись по благодати Его». Равнымъ образомъ въ проповѣди о почитаніи святыхъ мучениковъ Христовыхъ онъ обращается къ нимъ съ такими словами: «Молимъ васъ, пречестные мученики, предстательствуйте предъ Господомъ за насъ, несчастныхъ грѣшниковъ, одолѣваемыхъ мерзостнымъ нерадѣніемъ, чтобы Онъ излилъ на насъ Свою божественную благодать». Затѣмъ, въ концѣ слова, онъ продолжаетъ: «Нынѣ, пресвятые мужи и славные свидѣтели Божіи, помогите мнѣ, великому грѣшнику, вашими молитвами, чтобы я обрѣлъ прощеніе въ тотъ страшный часъ, когда тайное всѣхъ сердецъ станетъ явнымъ. Нынѣ я предстою предъ вами, пресвятые мученики Христовы, какъ неискусный и безполезный чашеносецъ: ибо я подаю приснымъ вамъ по вѣрѣ чашу превосходнаго вина браней вашихъ къ трапезѣ устроенной во имя ваше, украшенной всякими яствами и питіями. Я старался, со всѣмъ усердіемъ и рвеніемъ ума моего, напитать вашихъ отцовъ и братій, и все родство и племя ваше, каждодневно посѣщающихъ трапезу сію. Вотъ они поютъ, съ восторгомъ и радостью славятъ Бога, который увѣнчалъ ваши добродѣтели, возложивъ на пресвятыя главы ваши нетлѣнные вѣнцы; вотъ стоятъ они съ безмѣрною радостью вокругъ священныхъ останковъ вашего мученичества, моля васъ о благословеніи, и желая унести съ собою святое

врачество для тѣла и духа. Какъ добрые ученики и вѣрные священники милосерднаго Господа и Спасителя, ниспошлите благословеніе на всѣхъ ихъ, а также и на меня, слабаго и жалкаго, получившаго лишь ради вашихъ заслугъ силу воспѣть гимнъ предъ вашими святыми мощами и прославить васъ. Умоляю васъ, станьте предъ престоломъ Всевышняго за меня, немощнаго и грѣшнаго Ефрема, чтобы ради молитвъ вашихъ я удостоенъ былъ спасенія и съ вами вѣчно радовался о милосердіи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа, коему вмѣстѣ съ Отцомъ и Духомъ Святымъ честь, слава и поклоненіе нынѣ, присно и во вѣки. Аминь».

Изъ приведенныхъ мѣстъ, заимствованныхъ у Василія, обоихъ Григоріевъ и Ефрема, видно, что почитаніе Святыхъ было введено монахами въ Египтѣ, Финикіи, Сиріи и Каппадокіи ранѣе 378 г., такъ какъ въ этомъ именно году умерли Василій и Ефремъ. Златоустъ жилъ нѣсколько позже. Онъ проповѣдывалъ въ Антіохіи въ теченіе почти всего царствованія Θеодосія Великаго и въ проповѣдяхъ своихъ побуждаетъ свою паству къ такому же поклоненію святымъ, какъ это видно въ концѣ словъ его о св. Юліи, св. Пелагіи, о мученикѣ Игнатіи, о египетскихъ мученикахъ, о судьбѣ и Провидѣніи, о мученикахъ вообще, о св. Вероникѣ и св. Просдокѣ, о Іувентинѣ и Максиминѣ, о кладбищахъ и др.

Такъ въ словѣ о св. Вероникѣ онъ говоритъ: «Можетъ быть велика стала у васъ любовь къ этимъ святымъ: будемъ же съ пламенеть и мольбами припадать къ ихъ останкамъ; будемъ обнимать ихъ гробницы, потому что и гробницы мучениковъ могутъ имѣть великую силу, равно какъ и кости мучениковъ имѣютъ великую силу. И не только въ день этого праздника, но и въ иные дни будемъ постоянно, при нихъ, будемъ призывать ихъ и умолять, чтобы онѣ были нашими

предстательницами; онѣ имѣютъ великое дерзновеніе не только при жизни, но и гораздо болѣе послѣ смерти; потому что нынѣ онѣ носятъ на себѣ язвы Христовы; а, показывая эти язвы, онѣ могутъ о всемъ умолить Царя Небеснаго. И такъ, если у нихъ такова сила и близость къ Богу, то мы, поставивъ себя въ близость къ нимъ непрестаннымъ посѣщеніемъ ихъ и постояннымъ пребываніемъ съ ними, будемъ снискивать себѣ чрезъ нихъ человѣколюбіе Божіе».

Константинополь былъ свободенъ отъ подобныхъ вѣрованій, пока туда не явился Григорій Назіанзинъ (379 г.); въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ сумѣлъ зажечь уже вѣру и здѣсь. Руффинъ[89] разсказываетъ, что когда императоръ Ѳеодосій рѣшился выступить противъ тирана Евгенія (394 г.), то со священниками и народомъ обошелъ всѣ молитвенныя мѣста, одѣтый во власяницу, онъ распростирался передъ гробами мучениковъ и апостоловъ и «молился о помощи и заступничествѣ святыхъ». Созоменъ прибавляетъ, что когда императоръ отправился въ походъ и прошелъ 7 миль отъ Константинополя, то вошелъ въ храмъ, выстроенный имъ въ честь Іоанна Крестителя, «и воззвалъ къ Крестителю о помощи»[90]. Златоустъ[91] говоритъ; «Одѣтый въ пурпуръ, идетъ и цѣлуетъ эти гробницы; отложивъ знаки своего достоинства, стоитъ и смиренно умоляетъ святыхъ предстательствовать за него предъ Богомъ; увѣнчанный царской діадемой, молитъ о покровительствѣ рыбака и того, кто дѣлалъ палатки». Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: «Цѣлые города стекались къ гробамъ мучениковъ, и народъ воспламенялся любовью къ нимъ»[92].

---

[89] Histor. Eccl. 1. 2 cap. 23.

[90] Ibit. L. 4. c. 24.

[91] Hom. 66, ad populum, circa finem et Hom. 8, 27 in Matth. Hom. 42, 43 in Gen. Hom. 1, in 1 Thess.

[92] Exposit in Psalm. 114 Sub finem.

Обычаи посылать мощи изъ одного мѣста въ другое для оживленія поклоненія почившимъ святымъ и ихъ останкамъ, а также обычай религіознаго призыванія душъ умершихъ, — продолжаются только до половины царствованія Θеодосія Великаго, когда это было воспрещено слѣдующимъ эдиктомъ: «Humatum corpus nemo ad alterum Iocum transferat; nemo mercetur: habeant vero in potestate, si quolibet in loco sanctorum est aliquis conditus, pro ejus veneratione, quod Martyrium vocandum sit, addant quod voluerint fabricarum». «Dat. in Kal. Mart. Constantinopoli, Honorio nob. puero et Euodio Con. A. C. 386 г.». Т. е.: «Погребенное тѣло никто въ иное мѣсто да не переноситъ; воспрещается дѣлить тѣла мучениковъ, а равно дѣлать ихъ предметомъ купли. Но предоставляется на волю, если кто-либо погребенъ въ мѣстѣ святыхъ, для возданія ему почитанія устраивать ему, по желанію, такъ называемую раку».

«Дано въ 4 день мартовскихъ календъ въ Константинополѣ, при Гоноріи Малолѣтнемъ и Еводіѣ консулахъ, въ лѣто отъ Р. Хр. 386».

Тогда поля и дороги стали наполняться алтарями, воздвигаемыми въ честь мучениковъ, подъ предлогомъ, что мѣста для этого указывались во снѣ или откровеніяхъ. Для противодѣйствія этому въ 14-мъ правилѣ 5 Карθагенскаго собора сказано: «A. C. 398 Item placuit, ut altaria, quae possim per agros aut vias, tanquam memoriae Martyrum constituntur, in quibus nullum corpus aut: reliquiae Martyrum conditae probantur, ab Episcopis, qui illis locis prasunt, si fieri potest, evertantur. Si autem hoc propter tumultus populares non finitur, plebes tamen admonentur, ne illa loca frequentent, ut qui recte sapiunt, nulla ibi superstitione devincti teneantur. Et omnino nulla memoria Martyrum probabiliter acceptetur, nisi aut ibi corpus aut aliquae certae reliquiae sint, aut ubi oriqo alicujus habitationis vel possessionis vel passionis fidelissima origine traditur. Nam quae per somnia et per inanes quasi revelationes quorumlibet hominum ubique constituntur altaria, omnimode reprobentur».

«Постановлено и сіе: повсюду на поляхъ, и въ садахъ поставленные якобы въ память мучениковъ алтари, при которыхъ не оказывается положеннымъ никакого тѣла или части мощей мученическихъ, да разрушатся, если возможно, мѣстными епископами. Если же не допустятъ до сего народныя смятенія, по крайней мѣрѣ да будетъ вразумляемъ народъ, чтобы не собирался въ оныхъ мѣстахъ, и чтобы правомыслящіе къ таковымъ мѣстамъ не привязывались никакимъ суевѣріемъ. И память мучениковъ, совсѣмъ да не совершается, развѣ аще гдѣ-либо есть или тѣло, или нѣкая часть мощей, или, по сказанію отъ вѣрной древности преданному, ихъ жилище или стяжаніе, или мѣсто страданія. А алтари, гдѣ бы то ни было поставленные, по сновидѣніямъ и суетнымъ откровеніямъ нѣкоторыхъ людей, да будутъ всемѣрно отвергаемы»[93].

Алтари эти предназначались для призыванія святыхъ или мучениковъ, которые были погребены или предполагались погребенными подъ ними. Сначала настроили храмы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были дѣйствительные или мнимые останки мучениковъ, чтобы призывать ихъ въ церквахъ. Затѣмъ настроили алтарей въ поляхъ и на дорогахъ, чтобы призывать ихъ вездѣ. И эта новая религія была введена монахами во всей Греческой имперіи ранѣе похода Ѳеодосія В. противъ Евгенія и, я полагаю, ранѣе упомянутаго выше эдикта 386-го года.

Та же самая религія поклоненія Магуззимамъ быстро распространилась такъ же и въ Западной имперіи. Но Даніилъ въ этомъ пророчествѣ описываетъ событія, которыя должны были совершиться главнымъ образомъ среди народовъ, входившихъ въ составъ третьяго звѣря.

[93] Ньютонъ ошибается въ цитаціи приведеннаго правила, — это 94 правило Карѳагенскаго Собора 318 г. (см. Книгу Правилъ).

ЧАСТЬ II.
ЗАМѢЧАНІЯ НА АПОКАЛИПСИСЪ СВ. ІОАННА.

ГЛАВА I.
Введеніе. О времени написанія Апокалипсиса.

Благодаря Иринею Ліонскому установилось мнѣніе, что Апокалипсисъ написанъ во времена Домиціана. Но это мнѣніе ошибочно. Ириней отнесъ составленіе священныхъ книгъ ко времени болѣе позднему, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, при чемъ Апокалипсисъ онъ помѣстилъ послѣ всѣхъ ихъ. Быть можетъ, онъ слышалъ отъ своего учителя Поликарпа, что тотъ *получилъ* эту книгу отъ Апостола Іоанна незадолго до смерти Домиціана; или можетъ быть самъ Іоаннъ около этого времени впервые лишь обнародовалъ свое откровеніе, — откуда Ириней и могъ вообразить, что оно тогда именно было и написано. Евсевій въ своей «Хроникѣ» и «Церковной Исторіи» слѣдуетъ мнѣнію святого Иринея[94]. Но впослѣдствіи, въ своихъ «Евангелическихъ Изъясненіяхъ», время ссылки Іоанна на о. Патмосъ онъ относитъ ко времени смерти апостоловъ Петра и Павла. Точно также Тертулліанъ и псевдо-Прохоръ, повторяютъ древнее сказаніе, принадлежащее неизвѣстному автору, — будто бы апостолъ Іоаннъ по приказанію Нерона былъ брошенъ въ котелъ съ кипящимъ масломъ, откуда, однако, вышелъ невредимымъ, и послѣ того былъ сосланъ на о. Патмосъ[95]. Хотя вся эта исторія не болѣе, какъ легенда, однако, она породила преданіе, идущее отъ первыхъ

[94] Demonst. Evan. 1. 3.

[95] См. у Памел. въ замѣч. на Тертул. De praescriptionibus 215 и Іеронима противъ Іовиніана, кн. 1, гл. 14 (Изд. Эразма).

церквей, по которому Іоаннъ Бог. былъ сосланъ на о. Патмосъ во дни Нерона. Епифаній доказываетъ, что Евангеліе отъ Іоанна было написано во времена Домиціана, а Апокалипсисъ даже до царствованія Нерона. Ареѳа[96] въ началѣ своихъ Комментарій приводитъ по сему вопросу мнѣніе Иринея по Евсевію, хотя и не раздѣляетъ его и далѣе утверждаетъ, что Апокалипсисъ былъ написанъ до разрушенія Іерусалима и что болѣе ранніе толкователи подъ снятіемъ шестой печати Откровенія разумѣли именно разрушеніе Іерусалима.

Съ мнѣніемъ первыхъ толкователей согласуется преданіе Сирійскихъ церквей, сохранившееся до нашего времени въ заголовкѣ сирійскаго перевода Апокалипсиса. Заголовокъ этотъ таковъ: «Откровеніе, данное евангелисту Іоанну Богомъ на островѣ Патмосѣ, куда онъ былъ сосланъ при кесарѣ Веронѣ». То же самое подтверждается исторіей, передаваемой Евсевіемъ[97] по Клименту Александрійскому и другимъ древнимъ писателямъ, юношѣ, котораго Іоаннъ (спустя нѣкоторое время послѣ своего возвращенія съ острова Патмоса) обратилъ къ истинной вѣрѣ и затѣмъ ввѣрилъ его попеченію одного епископа. Получивъ оглашеніе отъ епископа, этотъ юноша имъ же и былъ крещенъ. Нѣкоторое время спустя, онъ освободился отъ опеки епископа, попалъ въ дурное общество и сталъ предаваться порокамъ, разгулу и, наконецъ, заниматься грабежомъ, и въ этихъ порочныхъ дѣлахъ преуспѣлъ настолько, что товарищи его по разбойничеству сдѣлали его своимъ атаманомъ. Златоустъ[98] добавляетъ, что онъ былъ атаманомъ долгое время. Когда Іоаннъ возвратился въ этотъ городъ и услышалъ, что сталось съ его ученикомъ, то поѣхалъ къ нему. Разбойникъ изъ

[96] Ареѳа, гл. 18 и 19.
[97] Церк. Ист., кн. 8, 23.
[98] Chrysost. ad Theodorum lapsum.

стыда предъ своимъ бывшимъ учителемъ не рѣшился показаться ему и бѣжалъ. Іоаннъ побѣжалъ за нимъ, догналъ его, усовѣстилъ и вернулъ въ лоно Церкви. Вся эта исторія, тянувшаяся много лѣтъ, доказываетъ, что Іоаннъ возвратился съ о. Патмоса скорѣе во время смерти Нерона, чѣмъ Домиціана: между смертью Домиціана и Іоанна прошло только два года съ половиной, Іоаннъ, дожившій до 90 лѣтъ[99], въ преклонномъ возрастѣ былъ столь слабъ, что даже въ церковныя собранія его носили на носилкахъ, почему рѣшительно невозможно предположить, чтобы въ это время онъ былъ въ силахъ гоняться за разбойникомъ.

Это мнѣніе подкрѣпляется, далѣе, содержащимися въ Апокалипсисѣ намеками на храмъ, жертвенникъ и святой городъ, какъ еще существующіе, и на язычниковъ, которые вскорѣ станутъ попирать святый городъ и внѣшній дворъ храма. Оно подтверждается также и самымъ стилемъ Апокалипсиса, въ которомъ больше гебраизмовъ, нежели въ Евангеліи Іоанна. Отсюда можно заключить, что Апокалипсисъ былъ написанъ, когда Іоаннъ только что прибылъ изъ Іудеи, гдѣ онъ привыкъ къ сирійскимъ оборотамъ рѣчи; и что онъ написалъ свое Евангеліе лишь послѣ того, какъ по долгомъ обращеніи между малоазійскими Греками освободился въ значительной степени отъ гебраизмовъ. Это мнѣніе поддерживается также и существованіемъ многихъ лжеапокалипсисовъ, какъ напр. Петра, Павла, Ѳомы, Стефана, Иліи и Керинѳа, написанныхъ въ подражаніе подлинному Апокалипсису. Такъ какъ многія ложныя евангелія, дѣянія и посланія въ своемъ появленіи были обусловлены до нѣкоторой степени существованіемъ подлинныхъ, то и составленіе множества подложныхъ апокалипсисовъ и приписываніе ихъ Апостоламъ и пророкамъ свидѣтельствуетъ, что уже существовало и было

[99] Іерон. въ пис. къ Гал., кн. 3, гл. 6.

извѣстно между первыми христіанами въ постоянномъ обращеніи подлинное Апостольское Откровеніе.

Такимъ образомъ можно съ вѣроятностью предположить, что подлинный Апокалипсисъ былъ написанъ настолько давно, что уже въ Апостолическіе времена оказалось возможнымъ составленіе множества подложныхъ Откровеній въ подраженіе истинному, приписываемыхъ умершимъ ранѣе Іоанна апостоламъ Петру, Павлу, Ѳомѣ и др.[100]. Современникъ Тертулліана Кай разсказываетъ, что Керинѳъ написалъ свой Апокалипсисъ какъ великій Апостолъ и утверждалъ, что видѣнія были ему открыты Ангелами, обѣщавшими тысячелѣтіе (millennium) плотскихъ наслажденій въ Іерусалимѣ послѣ воскресенія мертвыхъ[101]. Изъ этого ясно, что его апокалипсисъ былъ написанъ въ подражаніе Апокалипсису Іоанна. А жилъ Керинѳъ въ столь раннюю эпоху христіанской эры, что имѣлъ возможность вступить въ соперничество съ Апостолами въ Іерусалимѣ въ первомъ году царствованія Клавдія, или даже ранѣе, т. е. за 26 лѣтъ до смерти Нерона, и умеръ онъ ранѣе Іоанна[102].

Всѣхъ этихъ соображеній достаточно для опредѣленія времени написанія Апокалипсиса. Впрочемъ есть еще одно соображеніе. Однимъ оно можетъ показаться основательнымъ, другимъ — нѣтъ. Я изложу его, предоставивъ усмотрѣнію каждаго принять его или нѣтъ. Въ посланіяхъ Петра, а также въ посланіи Павла къ Евреямъ есть, какъ мнѣ кажется, намеки на Апокалипсисъ, откуда можно заключать, что онъ былъ написанъ ранѣе этихъ посланій.

Такіе намеки въ посланіи къ Евреямъ я вижу въ словахъ относительно Первосвященника въ Небесной Скиніи, который подобно Мелхиседеку одновременно

---

[100] У Евсевія Церв. Ист. кн. 3, гл. 28 (Изд. Валезія).
[101] Епиф. Ерес. 28.
[102] Іерон. противъ Люциф.

является царемъ и первосвященникомъ, и въ разсужденіяхъ о «слове Божіемъ, которое острѣе всякаго меча обоюдуостраго», о субботствѣ, т. е. о концѣ тысячелѣтняго царства (хиліазма) о «землѣ, которой конецъ — сожженіе» (огненнымъ озеромъ), о «судѣ и окончательномъ осужденіи, которое пожретъ враговъ», о «небесномъ градѣ, который созидается и котораго Зиждитель и Творецъ — Богъ», о «тьмѣ свидѣтелей», «горѣ Сіонѣ», небесномъ Іерусалимѣ, вселенскомъ соборѣ, душахъ праведниковъ, которые станутъ совершенны (чрезъ воскресеніе), о «колебаніяхъ неба и земли», о «новой землѣ и новомъ царствѣ, которое не поколеблется, но пребудетъ во вѣки».

Въ первомъ посланіи Петра встрѣчаются такія выраженія: «откровеніе (явленіе) Іисуса Христа[103]», — повторяется дважды или трижды, «кровь Іисуса Христа», какъ Агнца, закланнаго отъ созданія міра»[104]; «домъ духовный» (на небѣ) [I Петра II, 5], «наслѣдство нетлѣнное чистое, неувядаемое, хранящееся въ небесахъ для васъ, соблюдаемыхъ ко спасенію, готовому открыться въ послѣднее время» (I Петра I, 4, 5)[105], «царственное священство», «святое священство»[106], «судъ въ домѣ Божіемъ»[107], «Церковь въ Вавилонѣ»[108]. Правда, все это очень неясные намеки, но второе посланіе Ап. Петра, начиная съ 19 стиха I-ой главы до конца, весьма похоже на комментарій въ Апокалипсису. Въ этомъ посланіи, обращенномъ къ тѣмъ же самымъ Азійскимъ церквамъ, къ которымъ и Іоанну повелѣно было послать свое пророчество, Апостолъ Петръ говоритъ, что «они имѣютъ вѣрнѣйшее пророческое

---

[103] 1 Пет. I, 7, 13; IV, 13 и V, 1.
[104] Апок. XIII, 8.
[105] Апок. XXI.
[106] Апокал. I, 6; V, 10.
[107] Апок. XX, 6.
[108] Апок. XX, 4, 12.

слово», чтобы руководиться имъ, «какъ свѣтильникомъ, сіяющимъ въ темномъ мѣстѣ, доколѣ не начнетъ разсвѣтать день и не взойдетъ утренняя звѣзда», т. е. пока не начнутъ понимать это пророческое слово: «ибо, говоритъ онъ, никакое пророчество въ писаніи нельзя разрѣшить самому собою, такъ какъ никогда не было оно произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы духомъ Святымъ». Самъ Даніилъ сознается, что онъ не понимаетъ возвѣщеннаго имъ пророчѣства[109]; равнымъ образомъ не слѣдуетъ ожидать истолкованій Апокалипсиса отъ апостола Іоанна, но надлежитъ изучать его самимъ намъ. Въ этомъ заключается сущность того, что Петръ говорилъ въ 1 главѣ своего посланія. А затѣмъ во второй онъ приступаетъ къ описанію того, какъ, «по вѣрнѣйшему слову пророчества» имѣютъ возстать въ Церкви «лжепророки» или «лжеучители» (названные въ Апокалипсисѣ собирательнымъ именемъ лжепророка), которые введутъ пагубныя ереси, даже отвергая искупившаго ихъ Господа», что характеризуетъ Антихриста. «И многіе продолжаетъ Апостолъ, послѣдуютъ ихъ разврату»[110]; живущіе на землѣ будутъ[111] обольщены лжепророкомъ и будутъ упоены виномъ блудодѣянія блудницы, «и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи», ибо звѣрь[112] исполненъ богохульства; «и изъ любостяжанія будутъ уловлять васъ льстивыми словами», ибо имѣющіе общеніе съ блудницею — купцы земные, и предметъ[113] ихъ купли — товары драгоцѣнные и тѣла и души людей; и «судъ имъ давно готовъ, и погибель ихъ не дремлетъ», но придетъ

[109] Дан. VIII, 15, 16, 27; XII, 8-9.
[110] ασελγειαζ.
[111] Апокал. XIII, 14; XVII, 1, 2.
[112] Апок. XIII, 1, 5, 6.
[113] Апок. XVIII, 12, 13.

на нихъ въ послѣдній день внезапно, какъ потопъ на древній міръ, какъ огонь и каменный дождь на Содомъ и Гоморру, тогда какъ праведникъ будетъ избавленъ подобно[114] Лоту, «ибо Господь знаетъ, какъ избавить благочестивыхъ отъ искушенія, а беззаконниковъ сохранить ко дню суда для наказанія (въ огненномъ озерѣ); а наипаче тѣхъ, которые идутъ во слѣдъ скверныхъ похотей плоти», будучи упоены[115] виномъ блудодѣянія блудницы, «которые презираютъ власть и не страшатся хулить славныхъ»; ибо звѣрь открылъ уста свои противъ Бога, чтобы хулить[116] Его имя и жилище Его, и тѣхъ, кто обитаетъ на небѣ. «Они, какъ безсловесныя животныя (десятирогій звѣрь и двурогій звѣрь или лжепророкъ), водимыя природою, рожденныя на уловленіе и истребленіе (въ огненномъ озерѣ) хулятъ то, чего не понимаютъ»; они ищутъ удовольствіе въ мятежахъ, наслаждаются обманами своими, пиршествуя [117]съ вами; «глаза у нихъ исполнены любострастія»[118], ибо сыны царства звѣря живутъ въ наслажденіяхъ съ блудницею, и народы упоены виномъ ея блудодѣянія. «Оставивъ прямой путь, они заблудились, идя по слѣдамъ Валаама, сына Восорова, который возлюбилъ мзду неправедную»[119], лжепророкъ, научившій Валака положить камень преткновенія предъ сынами Израильскими. «Они не источники живой воды, но безводные источники», не «облака двухъ святыхъ», на которыхъ они взошли на небо[120] свидѣтели, но «облака и мглы, гонимыя бурей» и т. п. Такимъ образомъ, авторъ Посланія употребляетъ всю вторую главу на описаніе свойствъ Апокалипсическихъ звѣрей и лжепророка; въ

---

[114] Апок. XXI, 3, 4.
[115] Апок. IX, 21 и XVII, 2.
[116] Апок. XIII, 6.
[117] Апок. XVIII, 3, 7, 9.
[118] μοιχαλιξ.
[119] Апок. XI, 14.
[120] Апок. XI, 12.

третьей же онъ болѣе полно описываетъ ихъ погибель и будущее царство. Онъ говоритъ, что такъ какъ пришествіе Христа будетъ отложено на долгое время, то будутъ насмѣхаться, говоря: «гдѣ же обѣтованіе Его пришествія?» Затѣмъ онъ описываетъ внезапное пришествіе на нихъ дня Господня, который придетъ «какъ тать въ нощи» — выраженіе Апокалипсическое, точно также и милленіумъ (хиліазмъ) или («тысяча лѣтъ, которые у Господа какъ одинъ день» и «прехожденіе земли и неба (которые сгорятъ въ морѣ огня)» и наше ожиданіе новаго неба и новой земли, въ которыхъ обитаетъ правда».

Имея въ виду, что Петръ и Іоаннъ были Апостолами обрѣзанія, я полагаю, что они пребывали съ своими церквами въ Іудеѣ и Сиріи, пока Римляне не объявили этимъ странамъ войны, т. е. до 12 года царствованія Нерона; затѣмъ, вмѣстѣ съ большей частью христіанъ оба они удалились въ Азію, а Петръ оттуда отправился въ Коринѳъ и Римъ. Римляне смотрѣли на эти еврейскія церкви недружелюбно и для предупрежденія среди іудейскаго народа возстанія задержали ихъ вождей, а Іоанна даже сослали на о. Патмосъ.

Мнѣ кажется наиболѣе вероятнымъ, что тамъ и былъ составленъ Апокалипсисъ и что вскорѣ затѣмъ были написаны посланія къ Евреямъ и соборныя посланія Петра, при чемъ изъ Апокалипсиса Апостолы заимствовали то, что имъ по ихъ особой задачѣ было нужно. Изъ Посланій этихъ явствуетъ, что они были написаны въ эпоху всеобщаго смятенія и гоненій со стороны язычниковъ, т. е. во время войны съ Римлянами; до этого же времени язычники относились къ христіанамъ-евреямъ миролюбиво, такъ же, какъ и къ другимъ. Посланіе къ Евреямъ, судя по тому, что въ немъ есть упоминаніе о нахожденіи Тимоѳея между Евреями, могло быть написано послѣ бѣгства въ Азію,

гдѣ Тимоѳей былъ епископомъ. Кажется, что и Петръ Вавилономъ называетъ Римъ, какъ въ виду предпринятой имъ противъ Іудеи войны и приближающагося разоренія Іудеи Римомъ на подобіе древняго Вавилона, такъ и потому, что тѣмъ же именемъ Римъ называется и въ Апокалипсисѣ; и въ словахъ «посланіе къ пришельцамъ, разсѣяннымъ въ Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Асіи и Виѳиніи» можно видѣть указаніе на то, что они были пришельцами, только что разсѣянными Іудейской войной, такъ какъ другихъ пришельцевъ, порученныхъ его попеченію, не было.

Такое представленіе о ходѣ дѣла наиболѣе согласуется съ провѣренными историческими фактами.

Іустинъ[121] и Ириней[122] разсказываютъ, что въ царствованіе Клавдія явился въ Римъ Симонъ Волхвъ и сталъ творить тамъ свои чудеса. Псевдо-Климентъ прибавляетъ къ этому, что онъ пытался подняться на воздухъ, но, по молитвамъ ап. Петра, низвергся и сломалъ себѣ шею. Отсюда Евсевій[123], или, лучше сказать, неправильно понявшій его переводчикъ Іеронимъ, заключаетъ, что Петръ прибылъ въ Римъ во второй годъ царствованія Клавдія; однако Кириллъ, епископъ Іерусалимскій[124], Филастрій[125],Сульпицій[126], Просперъ[127], Максимъ Таврскій и Егезиппъ-младшій[128] пріурочиваютъ эту побѣду Петра ко времени Нерона. И дѣйствительно, существовало старинное преданіе, что ап. Петръ явился въ Римъ въ царствованіе этого императора, какъ это мы читаемъ у Лактанція[129].

[121] Апολог, къ Антон. Пію.
[122] Ерес. кн. 1, гл. 20. См. также Апологію Тертул. гл. 13.
[123] Евсевій. Хроники.
[124] Кириллъ. Огл. 6.
[125] Филастрій. О ересяхъ, гл. 30.
[126] Сульпицій. Истор. кн. 2.
[127] Просперъ. Объ обѣтов. гл. 13.
[128] Максимъ, 5 рѣчь на Рождество. Егезипъ, кн. 2, гл. 2.
[129] Лактанцій, De mortib. persec. гл. 2.

Златоусть[130] говоритъ, что Апостолы оставались въ Іудеѣ долгое время, и что они разошлись на проповѣдь къ язычникамъ лишь послѣ того, какъ были изгнаны оттуда Евреями. Разсѣяніе это произошло въ первый годъ Іудейской войны, когда Евреи, какъ разсказываетъ Іосифъ, начали всюду волноваться и прибѣгать къ насилію. Всѣ при этомъ согласны въ томъ, что Апостолы разсѣялись по разнымъ странамъ всѣ сразу; а Оригенъ[131] точнѣе опредѣляетъ время этого разсѣянія, разсказывая, что въ *началѣ* Іудейской войны Апостолы и ученики Господа разошлись по всѣмъ народамъ: Ѳома ушелъ къ Парѳянамъ, Андрей въ Скиѳію, Іоаннъ въ Азію, а Петръ сначала въ Азію, гдѣ онъ проповѣдывалъ еще раньше, и оттуда въ Италію. Діонисій Коринѳскій[132] говоритъ, что Петръ изъ Азіи удалился черезъ Коринѳъ въ Римъ, и всѣ древніе единогласно утверждаютъ, что Петръ и Павелъ претерпѣли тамъ мученичество въ концѣ царствованія Нерона. Маркъ вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ пришелъ въ Римъ (2 Тимоѳ. IV, 11. Колосс. IV, 10). Силуанъ былъ помощникомъ Петра; и судя по сподвижникамъ Петра, упоминаемымъ въ его первомъ посланіи, слѣдуетъ заключать, что оно написано изъ Рима. И всѣ древніе вообще единогласно утверждаютъ, что подъ Вавилономъ въ этомъ посланіи разумѣется Римъ. Второе посланіе ап. Петра обращено имъ тѣмъ же самымъ «разсѣяннымъ пришельцамъ», какъ и первое (2 Петра III, 1), и въ немъ онъ говоритъ, что Павелъ также писалъ къ нимъ о томъ же предметѣ (стихъ 15, 16). Такъ какъ не существуетъ иного посланія Павла къ пришельцамъ, кромѣ посланія къ Евреямъ, то въ немъ (гл. X, 11, 12) мы и находимъ въ общихъ чертахъ то же самое, о чемъ говоритъ Петръ; въ частности тамъ мы находимъ ученіе о «прехожденіи стараго неба и земли»,

---

[130] Златоустъ, Бесѣд. 70 на Еванг. Матѳ., гл. 22.
[131] Въ Церк. Ист. Евсевія, кн. 2, гл. 25.
[132] Евсевій, Ист. кн. 2, гл. 25.

«установленіе наслѣдства (царства) непоколебимаго» и увѣщанія служить благоугодно Богу, ибо Богъ для грѣшниковъ «огонь поядающій» (Евр. XII, 25, 26, 28, 29).

Установивъ время написанія Апокалипсиса, я не имѣю нужды много говорить о его истинѣ, разъ въ первые же вѣка книга эта была въ такомъ почетѣ у христіанъ, что многіе пытались подражать ему, составляя Апокалипсисъ отъ имени различныхъ Апостоловъ; и сами Апостолы, какъ я только что показалъ, изучали его и пользовались его словами и выраженіями. Благодаря этому языкъ Посланія къ Евреямъ принялъ болѣе мистическій оттѣнокъ, чѣмъ языкъ другихъ Павловыхъ посланій, а языкъ Евангелія Іоанна сталъ болѣе образнымъ и величественнымъ, чѣмъ языкъ прочихъ Евангелистовъ. Ни въ одной изъ книгъ Новаго Завѣта, написанныхъ до Апокалипсиса, не встрѣчается названія Христа Словомъ Божіимъ; поэтому я того мнѣнія, что языкъ этого Евангелія заимствованъ изъ Апокалипсиса, какъ заимствованы оттуда отдѣльныя выраженія напр.: «Христосъ — свѣтъ, просвѣщающей міръ», «Агнецъ Божій, подъявшій грѣхи міра», «женихъ», «свидѣтель», «сшедшій съ неба», «Сынъ Божій» и т. д. Іустинъ Мученикъ, принявшій христіанство черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти ап. Іоанна, положительно утверждаетъ, что «нѣкій мужъ между христіанами по имени Іоаннъ, одинъ изъ 12 Апостоловъ Христа, въ явленномъ ему откровеніи пророчествовалъ, что вѣрующіе во Христа будутъ 1000 лѣтъ жить въ Іерусалимѣ». Нѣсколькими строками выше онъ говоритъ: «Но я, такъ же какъ и тѣ изъ христіанъ, которые держатся во всемъ правильныхъ мыслей, вѣрую въ воскресеніе плоти и въ 1000-лѣтнюю жизнь въ Іерусалимѣ, перестроенномъ, украшенномъ и расширенномъ». Это совершенно равносильно утвержденію, что всѣ истинные христіане первыхъ

вѣковъ принимали это пророчество: ибо во всѣ времена тѣ, кто вѣрилъ въ хиліазмъ, считали за основу своего вѣрованія Апокалипсисъ. И мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ примѣръ противоположнаго характера.

Папій, епископъ Іерапольскій, мужъ апостольскій, бывшій однимъ изъ учениковъ самого Іоанна, не только проповѣдывалъ ученіе о блаженномъ тысячелѣтіи (хиліазмѣ, но такъ же утверждалъ[133], что Апокалипсисъ написанъ по божественному вдохновенію. Мелитонъ, жившій вскорѣ послѣ Іустина[134], написалъ на это пророчество комментарій. Будучи епископомъ Сардійской церкви одной изъ семи церквей Апокалипсиса, Мелитонъ, конечно, зналъ церковныя преданія на этотъ счетъ и во всякомъ случаѣ не могъ допустить измышленій. Ириней, современникъ Мелитона, такъ же много писалъ объ Апокалипсисѣ и говорилъ, что «число 666 находится во всѣхъ древнихъ и исправныхъ спискахъ; и что то же самое ему подтверждали люди, лично видѣвшіе ап. Іоанна», въ томъ числѣ, безъ сомнѣнія, учитель Иринея св. Поликарпъ Смирнскій. Одновременно съ тѣмъ то же самое утверждалъ Ѳеофилъ[135], епископъ Антіохійскій, а вскорѣ послѣ него Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій и Оригенъ, а современникъ ихъ Ипполитъ Мученикъ, митрополитъ Арабскій[136], написалъ на Апокалипсисъ комментарій. Всѣ они были старцы, жившіе спустя 120 лѣтъ послѣ смерти ап. Іоанна и пользовавшіеся у церквей того времени величайшимъ уваженіемъ. Вскорѣ Викторинъ Пиктавійскій, жившій въ царствованіе Діоклетіана, написалъ новый комментарій.

---

133 Ареѳа въ толк. на Апокал.
134 Евсевій. Истор, кн. IV, гл. 26. Іерон.
135 Евсевій. Ист. кн. 4, гл. 24.
136 Іеронимъ.

Всего этого, безспорно, достаточно, чтобы показать, какъ принимался и изучался Апокалипсисъ въ первые вѣка; и дѣйствительно, я не знаю ни одной другой книги Новаго Завѣта, которая подвергалась бы столь глубокому изученію и комментированію въ тѣ раннія времена, — какъ эта. Пророчество гласитъ: «Блаженъ читающій и слушающій слова пророчества сего и соблюдающіе написанное въ немъ». Это одушевляло первыхъ христіанъ изучать его, доколѣ возникшія трудности не побудили ихъ обратиться къ комментированію и остальныхъ книгъ Новаго Завѣта. Такъ относились къ Апокалипсису, пока, наконецъ, ложно понимаемое «тысячелѣтіе» не породило противъ него предубѣжденій, а Діонисій Александрійскій, указавъ на изобилующіе въ немъ варваризмы, т. е. гебраизмы, укрѣпилъ это предубѣжденіе настолько, что многіе Греки IV вѣка начали сомнѣваться въ подлинности этой книги. Но такъ какъ латиняне и большая часть Грековъ держались Апокалипсиса, а остальные сомнѣвались въ немъ единственно изъ предубѣжденія, то это ничего не говоритъ противъ его значенія и силы.

Это пророчество называется Откровеніемъ въ томъ смыслѣ, что оно представляетъ собой то «истинное писаніе, которое Даніилу было повелѣно «скрыть и запечатать до послѣдняго времени». Даніилъ «запечаталъ его до послѣдняго времени; и когда это время придетъ, Агнецъ сниметъ печати. Затѣмъ два Свидѣтеля будутъ долгое время пророчествовать, облеченные во вретище, а затѣмъ взойдутъ на небо въ облакѣ». Это значитъ, что пророчества Даніила и Іоанна не будутъ поняты до послѣдняго времени; тогда же нѣкоторые въ горести и униженіи будутъ пророчествовать на основаніи ихъ долгое время, но такъ темно, что обратятъ лишь немногихъ. Когда же настанетъ послѣдній конецъ, то пророчество откроется

настолько, что убѣдитъ многихъ. «Тогда, говоритъ Даніилъ, многіе прочитаютъ ее и умножится вѣдѣніе». Ибо предъ великимъ смятеніемъ и концомъ міра Евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ. Безчисленное множество спасенныхъ, которое съ пальмами въ рукахъ выйдетъ изъ этого мірового смятенія, не было бы столь велико, если бы проповѣдь Евангелія не распространилась къ тому времени на всѣ народы. Тогда оторванъ будетъ отъ горы камень безъ помощи рукъ человѣческихъ и упадетъ на ноги истукану и станетъ великою горою и наполнитъ собой землю. И посреди неба пролетитъ Ангелъ съ вѣчнымъ Евангеліемъ, чтобы проповѣдать его всѣмъ народамъ, прежде чѣмъ падетъ Вавилонъ и Сынъ Человѣческій пожнетъ Свою жатву. Два пророка взойдутъ на небо въ облакѣ передъ тѣмъ, какъ царства міра станутъ царствомъ Христовымъ. Существенною частью этого пророчества является то, что оно не должно быть понято до самаго послѣдняго времени міра. Въ силу этого, то обстоятельство, что пророчество до сихъ поръ еще не понято, укрѣпляетъ вѣру въ него.

Но если послѣднія времена, времена раскрытія вселенской тайны нынѣ приближаются, какъ это слѣдуетъ заключить изъ большихъ успѣховъ, достигнутыхъ новѣйшими истолковатѣлями откровеній, то мы должны тѣмъ съ большею смѣлостью углубиться въ нихъ. Если приближается время повсемѣстнаго проповѣданія Евангелія, то къ намъ и къ нашему потомству должны быть отнесены слѣдующія слова пророчествъ: «Въ послѣднія времена мудрые уразумѣютъ, но никто изъ нечестивыхъ не уразумѣетъ сего» (Дан. XII, 7, 10). «Блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего и соблюдающіе написанное въ немъ» (Апок. I, 3).

Главная ошибка истолкователей Апокалипсиса заключалась въ томъ, что они на основаніи Откровенія

пытались предсказывать времена и событія, какъ будто Богъ *ихъ* сдѣлалъ пророками. Благодаря этому, эти истолкователи подверглись осужденію сами и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудили недовѣріе и къ пророчеству вообще. Но Божественное предначертаніе заключалось совсѣмъ въ иномъ. Богъ далъ *это* откровеніе такъ же, какъ и пророчества Ветхаго Завѣта, не ради того, чтобы удовлетворить любопытство людей, дѣлая ихъ способными предузнавать будущее, но ради того, чтобы исполненіемъ ихъ на дѣлѣ явленъ былъ міру святой Промыслъ Его, а не проницательность истолкователей. Ибо наступленіе событій, предсказанныхъ за нѣсколько столѣтій, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что вселенная управляется Провидѣніемъ. Ибо какъ нѣсколько неясныхъ пророчествъ относительно перваго пришествія Христова послужили для установленія христіанской религіи, нынѣ почти утраченной, такъ многія и ясныя пророчества о событіяхъ, которыя совершатся при второмъ пришествіи Христовомъ, служатъ не только предсказаніемъ, но и содѣйствуютъ обрѣтенію и возстановленію истины и установленію царства, гдѣ обитаетъ праведность. Событія оправдаютъ Откровеніе; когда же будетъ подтверждено и понято это пророчество, то раскроется смыслъ древнихъ пророковъ, и все это вмѣстѣ дастъ возможность познать истинную религію и установить ее. И тотъ, кто желалъ бы понять древнихъ пророковъ, долженъ начать съ Апокалипсиса; но время совершенного уразумѣнія его еще не пришло, такъ какъ не совершился еще тотъ полный міровой переворотъ, который предсказанъ въ Откровеніи.

«И въ дни, когда возгласитъ седьмый Ангелъ, когда Онъ вострубитъ, совершится тайна Божія, какъ благовѣствовалъ рабамъ Своимъ пророкамъ» (Апокал. X, 7). И тогда «царства міра сего сдѣлаются царствомъ Господа нашего и Христа Его, и будетъ царствовать во

вѣки вѣковъ» (Апокал. XI, 15). Уже теперь исполнилось изъ этого пророчества столько, что всякій, кто внимательно прочтетъ предлагаемый мною очеркъ, можетъ видѣть достаточно примѣровъ Божественнаго Промысла. Въ послѣднія же времена огромный переворотъ, предсказанный въ Святомъ Писаніи, сразу обратитъ взоры людей и на пророчества, и на обстоятельное истолкованіе его.

До той же поры мы должны довольствоваться истолкованіемъ лишь того, что уже исполнилось.

Между истолкователями послѣднихъ столѣтій почти каждый, сколько нибудь извѣстный, сдѣлалъ какое нибудь открытіе, достойное вниманія; и отсюда я заключаю, что Богъ вскорѣ откроетъ Свою тайну. Успѣхъ другихъ понудилъ меня заняться настоящимъ изслѣдованіемъ, и если я сдѣлалъ что-нибудь, что можетъ оказаться годнымъ для послѣдующихъ писатѣлей, то я считаю свою цѣль достигнутой.

ГЛАВА II.
Объ отношеніи, въ которомъ Апокалипсисъ Іоанна находится къ закону Моисееву и поклоненію Богу въ храмѣ.

Апокалипсисъ Іоанна написанъ тѣмъ же стилемъ и языкомъ, какъ и пророчества Даніила. Обѣ эти книги дополняютъ другъ друга, представляя собою, такимъ образомъ, одно цѣлое пророчество. Апокалипсисъ, подобно пророчеству Даніила, состоитъ изъ двухъ частей: вводнаго пророчества и *истолкованія его*.

Пророчество ап. Іоанна можно раздѣлить на 7 послѣдовательныхъ частей, соотвѣтственно снятію семи печатей съ книги, которую Даніилу повелѣно было запечатать. Поэтому-то пророчество и называется Апокалипсисомъ, т. е. снятіемъ покрова, Откровеніемъ І. Христа. Время седьмой печати въ свою очередь подраздѣляется на восемь послѣдовательныхъ частей, соотвѣтственно безмолвно на небѣ въ теченіе получаса и семикратнымъ трубнымъ звукамъ: седьмая же труба трубитъ къ брани великаго дня Всемогущаго Бога, когда «царства міра сего *стали* царствомъ Господа и Сына Его Христа» и когда были погублены «губившіе землю».

Истолкованіе начинается со словъ: «И открылся на небѣ храмъ Божій и виденъ былъ въ храмѣ ковчегъ завѣта Его», — и это продолжается до конца пророчества. Мѣстомъ видѣній былъ храмъ, видѣнія же въ храмѣ относятся къ празднику 7-го мѣсяца, такъ какъ іудейскіе праздники были прообразомъ грядущихъ событій. Пасха соотвѣтствовала первому пришествію Христа, а праздники 7-го мѣсяца — Его второму пришествію. Такъ какъ первое пришествіе было до настоящаго пророчества, даннаго Іоанну, то подъ празднествомъ, описываемымъ здѣсь, только и можно разумѣть праздники 7-го мѣсяца.

Въ первый день этого мѣсяца, утромъ, первосвященникъ приготовлялъ свѣтильники; сообразно съ этимъ пророчество начинается съ описанія видѣнія, какъ нѣкто, «подобный Сыну Человѣческому», въ одѣяніи первосвященника, появляется посреди 7 золотыхъ свѣтильниковъ, которые казались какъ созвѣздіе изъ 7 звѣздъ въ его десницѣ; и сіяніе лампадъ изображается въ видѣ семи пророчествъ, ангеламъ или епископамъ 7 Азійскихъ церквей, которыя въ первыя времена христіанства освѣщали храмъ, т. е. Вселенскую Церковь. Въ этихъ посланіяхъ заключаются предостереженія противъ приближающагося отступничества, и, слѣдовательно, они относятся къ тѣмъ временамъ, когда отступничества отъ Христа участились, хотя еще и не воспреобладали. Они начались при апостолахъ и должны продолжаться, «доколѣ не возстанетъ человѣкъ грѣха». Отступничество возникло среди учениковъ Симона Волхва, Менандра, Карпократа, Кериноа, вообще же среди тѣхъ, которые были пропитаны метафизической философіей язычниковъ и ученіемъ Евреевъ-каббалистовъ, — почему они и получили названіе гностиковъ. Іоаннъ называетъ ихъ антихристами, говоря, что въ тѣ времена антихристовъ было много. Но такъ какъ они были осуждены Апостолами и ихъ непосредственными учениками, то и не представляли для Церкви опасности во время снятія первыхъ 4-хъ печатей.

Видѣнія при открытіи этихъ печатей имѣютъ отношеніе только къ событіямъ гражданской жизни языческой Римской имперіи. Въ то время апостольскія преданія еще преобладали и охраняли Церковь въ ея чистотѣ, вслѣдствіе чего описаніе церковныхъ событій въ этомъ пророчествѣ начинается лишь со снятія 5-й печати. Затѣмъ Церковь начала клониться къ упадку, такъ что возникла нужда въ увѣщеваніяхъ и укоризнахъ; поэтому въ этихъ посланіяхъ къ ней содержатся

увѣщеванія, дабы не воспреобладало отступничество, что, однако, произошло при снятіи 7-й печати. Такимъ образомъ, увѣщеванія во всѣхъ семи посланіяхъ относятся къ состоянію Церкви во времена 5-й и 7-й печатей. При снятіи пятой печати Церковь была очищена отъ лицемѣровъ великимъ гоненіемъ.

При снятіи 6-й печати съ пути Церкви было устранено главное препятствіе, именно, была разрушена языческая Римская имперія. При снятіи 7-й возсталъ «человѣкъ грѣха». Къ этому-то времени и относятся 7 посланій.

Семь Ангеловъ, къ которымъ были написаны эти посланія, соотвѣтствуютъ семи Amark-boum, которые были священниками и главными служителями храма и совмѣстно хранили ключи отъ воротъ храма и казнохранилища, а также имѣли наблюденіе за всѣмъ, что относилось къ храму.

Когда лампады были зажжены, Іоаннъ увидѣлъ, что «дверь (храма) отверста», и «голосъ, который былъ какъ звукъ трубы», позвалъ его къ восточнымъ воротамъ большого двора, чтобы онъ могъ созерцать видѣніе; «и вотъ — престолъ стоялъ на небѣ», т. е. святилище надъ Ковчегомъ Завѣта, которое Евреи считали за тронъ Божій между двумя Херувимами» (Исход. XXV, 22. Псалом. XCVIII, 1). «И Сей Сидящій видомъ былъ подобенъ камню яспису и сардису», т. е. былъ оливковаго цвѣта, ибо то былъ цвѣтъ народа еврейскаго. И (такъ какъ солнце было на востокѣ) радуга была вокругъ престола» — какъ эмблема славы. «И вокругъ престола было 24 сѣдалища» — соотвѣтственно числу горницъ 24 князей священническихъ, изъ которыхъ 12 находились по южную сторону двора священниковъ, а 12 по сѣверную. «И на престолахъ сидѣли 24 старца, одѣтыхъ въ бѣлыя одѣянія, съ вѣнцами на головахъ», — представляя князей 24 дворовъ, одѣтыхъ въ льняныя одежды. «И отъ престола исходили молніи и громы и

голоса», — т.е. пламя огней на алтарѣ во время утренняго жертвоприношенія и громогласные звуки трубъ и пѣснопѣній съ восточныхъ воротъ двора священниковъ; такъ какъ ворота эти находились между Іоанномъ и явившимся ему въ видѣніи престоломъ, то звуки, исходившіе оттуда, казались ему какъ бы исходящими отъ самаго престола. «И семь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли предъ престоломъ, которые суть семь духовъ Божіихъ», или Ангелы 7-ми церквей, изображенныхъ въ началѣ Пророчества въ видѣ 7 звѣздъ. «И предъ престоломъ море стеклянное, подобное кристаллу, — ему соотвѣтствуетъ мѣдное море между портикомъ храма и жертвенникомъ, наполненное прозрачною водою. «И посреди престола и вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади», т. е. животное, находившееся сзади престола, и животное, находившееся спереди престола, представлялись глазамъ Іоанна какъ бы посрединѣ престола, а находившіяся по бокамъ престола казались ему стоящими вокругъ престола; множество же очей изображаетъ собою народъ, толпящійся по четыремъ сторонамъ двора для народа. «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имѣло лицо, какъ человѣкъ, и четвертое животное подобно орлу летящему». Народъ Израильскій въ пустынѣ располагался станомъ вокругъ скиніи, при чемъ съ восточной стороны располагались три колѣна подъ знаменемъ Іуды, съ западной — три колѣна подъ знаменемъ Ефрема, съ южной — 3 колѣна подъ знаменемъ Рувима, и съ сѣверной стороны 3 колѣна подъ знаменемъ Дана (Числъ II). Знаменемъ Іуды былъ Левъ, Ефрема — Телецъ, Рувима — Человѣкъ и Дана — Орелъ, какъ объясняютъ Евреи. Отсюда были заимствованы іероглифы Херувимовъ и Серафимовъ для обозначенія народа Израильскаго. У Херувима было тѣло съ 4 лицами: льва, тельца, человѣка и орла,

смотрящими на четыре «вѣтра небесные», не поворачиваясь, какъ это изображено въ видѣніи Іезекіиля (гл. I). Четыре серафима имѣли такія же четыре лица, по одному лицу каждый. Такимъ образомъ, четыре животныхъ суть 4 Серафима, стоящихъ по четыремъ сторонамъ двора народа: первый съ головою льва на восточной сторонѣ, второй съ головою тельца на западной сторонѣ, третій съ лицомъ человѣка на сѣверной стороне, четвертый съ головою орла на южной сторонѣ. И всѣ вмѣстѣ они обозначаютъ 12 колѣнъ израильскихъ, изъ которыхъ 144.000 были запечатлѣны (Апок. VII, 4). «И каждое изъ 4 животныхъ имѣло по 6 крыльевъ вокругъ» — по два на каждое колѣно, всего 24 крыла, соотвѣтственно 24 подколѣнамъ народа. «И внутри (т. е. подъ крыльями) исполнены очей». «И ни днемъ ни ночью (т. е. на утреннихъ и вечернихъ служеніяхъ) не имѣютъ покоя, взывая «святъ, святъ, святъ Господь Богъ Всемогущій, Который былъ, есть и грядетъ». Итакъ, эти животныя — тѣ самые Серафимы, которыхъ видѣлъ въ своемъ видѣніи, подобномъ видѣнію Апокалипсиса, Исаія[137]. Ибо и тамъ Господь возсѣдалъ на тронѣ въ храмѣ, и шестикрылые Серафимы восклицали: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Силъ. «И когда, животныя воздаютъ славу, честь и благодареніе Сидящему на престолѣ, Живущему во вѣки вѣковъ, тогда 24 старца (входятъ въ храмъ и) падаютъ предъ Сидящимъ на престолѣ и поклоняются Живущему во вѣки вѣковъ и полагаютъ вѣнцы свои предъ престоломъ, говоря: достоинъ Ты, Господи, пріять славу и честь и силу, ибо Ты сотворилъ все, и все по Твоей волѣ существуетъ и сотворено». На утреннихъ и вечернихъ жертвоприношеніяхъ, когда на жертвенникъ возлагалась жертва и совершались жертвенныя возліянія, то раздавались трубные звуки и левиты трижды по очереди пѣли пѣснь; и всякій разъ, когда

[137] Ис. гл. VI.

раздавался трубный звукъ, народъ падалъ на колѣна и поклонялся. Такимъ образомъ, народъ склонялся *трижды;* чтобы выразить это, животныя возглашаютъ трижды: святъ, святъ, святъ. По окончаніи пѣснопѣній народъ молился, стоя до окончанія служенія. Въ это же время священники входили въ храмъ, повергались передъ Сидящимъ на престолѣ и поклонялись Ему.

«И видѣлъ (Іоаннъ) въ десницѣ у Сидящаго на престолѣ книгу, написанную внутри и отвнѣ, запечатанную семью печатями», т. е. книгу, которую повелѣно было запечатать Даніилу, и которая нынѣ является въ видѣ пророческой книги Закона, лежащей по правую сторону кивота, т. е. десную руку Сидящаго на престолѣ. Праздники и богослужебныя обрядности, предписанные народу этой книгой, въ извѣстной степени напоминали предсказанное въ книгѣ Даніила. Написаніе же книги изнутри и отвнѣ знаменуетъ синхроничность пророчествъ. «И никто не былъ найденъ достойнымъ открыть эту книгу (кромѣ Агнца Божія). И вотъ посреди престола и четырехъ животныхъ и посреди старцевъ (т. е. у подножія жертвенника) стоялъ Агнецъ какъ бы закланный (т. е. на утреннемъ жертвоприношеніи), имѣющій семь роговъ (т. е. семь церквей) и семь очей, которыя суть семь духовъ Божіихъ, посланныхъ во всю землю. И Онъ пришелъ и взялъ книгу изъ десницы Сидящаго на престолѣ. И когда Онъ взялъ книгу, тогда 4 животныхъ и 24 старца пали передъ Агнцемъ, имѣя каждый гусли и золотыя чаши, полныя ѳиміама, которыя суть молитвы святыхъ и поютъ новую пѣснь, говоря: достоинъ Ты взять книгу и снять съ нея печати, ибо Ты былъ закланъ и кровію Своею искупилъ насъ Богу изъ всякаго колѣна и языка и народа и племени, и содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и будемъ царствовать на землѣ».

И такъ, животныя и старцы изображаютъ собою первобытныхъ христіанъ всѣхъ народностей; и богослуженіе этихъ христіанъ въ церквахъ представлено здѣсь въ видѣ поклоненія Богу и Агнцу во храмѣ: Богу за благо сотворенія всего сущаго и Агнцу за благодать искупленія насъ Своею кровью, при чемъ Богъ изображается въ видѣ Сидящаго на престолѣ во вѣки вѣковъ, а Агнецъ превознесенъ надъ всѣми заслугою Своей смерти. «И я слышалъ», говоритъ Іоаннъ, голосъ многихъ Ангеловъ вокругъ престола и животныхъ и старцевъ; и число ихъ было тьмы темъ и тысячи тысячъ, которые говорили громкимъ голосомъ: достоинъ Агнецъ закланный принять силу и богатство, премудрость и крепость, и честь и славу и благословеніе. И всякое созданіе на небѣ и на землѣ, и подъ землею и на морѣ, и все, что въ нихъ, слышалъ я, говорило: Сидящему на престолѣ и Агнцу благословеніе и честь, и слава и держава во вѣки вѣковъ. И четыре животныхъ говорили: аминь. И 24 старца пали и поклонились Живущему во вѣки вѣковъ». Таково было богослуженіе первыхъ христіанъ.

По обычаю первосвященникъ за семь дней до начала поста седьмого мѣсяца безвыходно оставался въ храмѣ, изучалъ книгу Закона, чтобы въ день искупленія быть совершеннымъ въ знаніи его. Богослуженіе, которое совершалось при этомъ имъ, было очень многосложно; часть этого служенія составляло чтеніе народу книги Закона. Въ помощь первосвященнику въ изученіи закона синедріонъ назначалъ нѣсколькихъ священниковъ, которые во всѣ эти 7 дней жили въ одномъ изъ помѣщеній храма, разсуждали съ первосвященникомъ о законѣ, читали его ему и побуждали его самого читать и размышлять надъ законами. На это-то открываніе книги Закона и чтеніе ея въ теченіе этихъ 7 дней и намекается тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о вскрытіи Агнцемъ печатей. Мы должны при

этомъ имѣть въ виду, что эти 7 дней начинаются каждый съ вечера наканунѣ этого дня (такъ какъ Евреи началомъ каждаго дня считали предыдущій вечеръ), и что установленіе поста начинается съ утра седьмого дня.

Итакъ, седьмая печать была снята въ день искупленія «и тогда сдѣлалось безмолвіе на небѣ какъ бы на полчаса. И Ангелъ (т. е. первосвященникъ) сталъ передъ жертвенникомъ, держа золотую кадильницу, и дано ему было множество ѳиміама, чтобы онъ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотой жертвенникъ, который передъ престоломъ». По обычаю, въ прочіе дни, одинъ изъ священниковъ бралъ огонь съ главнаго жертвенника въ серебряной кадильницѣ, въ этотъ-же день самъ первосвященникъ бралъ огонь съ главнаго жертвенника въ золотой кадильницѣ; отойдя уже отъ жертвенника, онъ бралъ ѳиміамъ у одного изъ священниковъ, державшихъ его въ своихъ рукахъ, и съ ѳиміамомъ шелъ къ золотому жертвеннику; и пока онъ возлагалъ ѳиміамъ, народъ безмолвно молился, — это и изображается въ словахъ: «и наступило безмолвіе въ небѣ около получаса». Возложивъ ѳиміамъ на алтарь, первосвященникъ уносилъ кадильницу, курящуюся въ его рукахъ, во святая святыхъ передъ ковчегъ, «И вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога». Въ прочіе дни для золотого жертвенника отпускалась опредѣленная мѣра ѳиміама; въ этотъ же день и для алтаря и для святая святыхъ полагалось большее количество, что и обозначается словами «множество ѳиміама». «И взялъ Ангелъ кадильницу и наполнилъ ее огнемъ съ жертвенника (главнаго) и повергъ на землю», т. е. руками священниковъ, мистически составлявшихъ части его тѣла, онъ повергалъ ее на землю внѣ храма, чтобы сжечь козла, — закланнаго въ жертву Богу. При этомъ и при другихъ существующихъ жертвоприношеніяхъ, до самаго конца вечерняго служенія «происходили голоса

и громы и молніи и землетрясенія», т. е. голосъ первосвященника, читающаго народу книгу Закона, и другіе голоса и звуки отъ трубъ и священной музыки, и блескъ огня отъ жертвенника.

По окончаніи торжественнаго служенія въ день искупленія семь Ангеловъ приготовились вострубить къ великимъ жервоприношеніямъ семи дней праздника кущей; и во время этихъ жервоприношеній «семь громовъ проговорили голосами своими» — т. е. раздавалась богослужебная музыка и пѣніе левитовъ, смѣшанные съ трубными звуками; и семь Ангеловъ излили чаши гнѣва, — т. е. совершено было жертвенное возліяніе.

Послѣ снятія шести печатей Іоаннъ говоритъ: «И послѣ всего этого (т. е. послѣ видѣнія шести печатей) видѣлъ я четырехъ Ангеловъ, стоящихъ на четырехъ углахъ земли, держащихъ четыре вѣтра земли, чтобы не дулъ вѣтеръ ни на землю, ни на море, ни на какое дерево. И видѣлъ я иного Ангела восходящаго отъ востока солнца и имѣющаго печать Бога живого. И воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ къ четыремъ Ангеламъ, которымъ дано *было* вредить землѣ и морю, говоря: не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревамъ, доколѣ не положимъ печати на челахъ рабовъ Божіихъ»[138]. Это запечатлѣніе намекаетъ на еврейское преданіе о томъ, что въ день искупленія весь народъ Израильскій записывается въ книги жизни и смерти. Въ Талмуде разсказывается[139], что въ началѣ каждаго новаго года, въ первый день мѣсяца Тисри, седьмого мѣсяца священнаго года, три книги открываются въ судилищѣ: книга жизни, въ которую вписаны имена тѣхъ, кто совершенно праведенъ; книга смерти, куда вписаны имена безбожниковъ и великихъ грѣшниковъ, и; наконецъ, третья книга, предназначенная для тѣхъ,

---

[138] Апок. VII.
[139] Buxtorf. in Sinagoga Iudaica, 21.

окончательное рѣшеніе о коихъ отложено до дня искупленія, и имена которыхъ, поэтому, не вписаны ни въ книгу жизни, ни въ книгу смерти. Первые десять дней называются днями покаянія; все это время Евреи постятся, много молятся и вообще проводятъ очень набожно, чтобы на десятый день ихъ грѣхи были отпущены имъ, а имена вписаны въ книгу жизни; поэтому-то день этотъ и называется днемъ искупленія. По истеченіи же десятаго дня, возвращаясь изъ синагогъ домой, они говорятъ: «Богъ Творецъ да запечатлѣетъ тебя на хорошій годъ»: ибо они полагаютъ, что книги запечатываются, и что рѣшеніе Бога остается неизмѣннымъ впредь до конца года. То же самое символизируется двумя козлами, на лбы которыхъ первосвященникъ ежегодно, въ день искупленія, кладетъ два жребія съ надписями: *Богу* и *Азазелю,* при чемъ Божій жребій обозначаетъ народъ, запечатлѣнный на челахъ сыновъ своихъ именемъ Божіимъ, а жребій Азазеля, — козелъ, изгоняемый въ пустыню, — обозначаетъ тѣхъ, кто получилъ клеймо съ именемъ звѣря и долженъ удалиться въ пустыню съ великою блудницею.

Такъ какъ рабы Божіи запечатлѣваются въ день искупленія, то мы должны отсюда заключить, что это запечатлѣніе одновременно съ видѣніями, явившимися при снятіи седьмой печати, и что когда Агнецъ снялъ шесть печатей и увидѣлъ видѣнія, относящіяся къ внутренней сторонѣ шестого листа книги, то взглянулъ на оборотную сторону седьмого и тогда «увидѣлъ четырехъ Ангеловъ, державшихъ четыре вѣтра небесные, и иного Ангела восходящаго отъ востока солнца и имѣющаго печать Бога живого». Замѣтимъ также, что четыре Ангела, держащіе четыре вѣтра, были первыми четырьмя изъ семи Ангеловъ, которые по снятіи седьмой печати стояли предъ Богомъ; и что послѣ того, какъ они задержали вѣтры, «настало безмолвіе

какъ бы около получаса»; и что во время запечатлѣнія рабовъ Божіихъ Ангелъ съ золотою кадильницей возносилъ ихъ молитвы вмѣстѣ съ ѳиміамомъ на золотой жертвенникъ и читалъ книгу Закона; и — наконецъ, что по окончаніи запечатлѣнія рабовъ Божіихъ, вѣтры по первой трубѣ стали вредить землѣ, а по второй — морю. Вѣтры эти означаютъ войны, къ которымъ призывали четыре первые трубные гласа. Ибо какъ первые четыре печати отличаются отъ трехъ послѣднихъ появленіемъ четырехъ всадниковъ передъ четырьмя вѣтрами небесными, такъ войны первыхъ четырехъ трубныхъ гласовъ отличаются отъ послѣднихъ трехъ тѣмъ, что первыя представляется «четырьмя вѣтрами», а послѣднія — «тремя бѣдствіями».

Въ одномъ изъ видѣній Іезекіилю[140], когда близилось Вавилонское плѣненіе, явились «шесть человѣкъ съ губительнымъ орудіемъ; и между ними одинъ, одѣтый въ льняную одежду, у котораго при поясѣ приборъ писца». И сказано ему было Господомъ: «иди посреди города, посреди Іерусалима, и на челахъ людей скорбящихъ, воздыхающихъ о всѣхъ мерзостяхъ, совершающихся среди него, сдѣлай знакъ». А потомъ, шести человѣкамъ, подобно тому какъ Ангеламъ первыхъ шести печатей, было повелѣно поразить всѣхъ, кто не имѣлъ на себѣ знака. Замѣтимъ также, что 144 тысячи были запечатлѣны ради того, чтобы предохранить ихъ отъ язвъ первыхъ шести трубъ; и что, въ конце концовъ, благодаря проповѣданію вѣчнаго Евангелія, они стали «великимъ множествомъ, котораго никто не могъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ»; при гласѣ же седьмой трубы они вышли «съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ, ибо царство міра сего (благодаря брани, къ которой призывала эта труба) стало царствомъ Бога и Христа Его»: празднованіе великой Осанны совершалось на

[140] Іезек. IX.

седьмой, т. е. послѣдній день праздника Кущей, и въ день этотъ Евреи носили въ рукахъ пальмовыя вѣтви и восклицали *Осанна*.

Послѣ того какъ протрубили шесть Ангеловъ, соотвѣтствующіе шести мужамъ съ губительнымъ орудіемъ, Агнецъ «въ видѣ Ангела сильнаго сошелъ съ неба, облеченный облакомъ, надъ головою его была радуга, и лицо его какъ солнце, а ноги его какъ столпы огненные — образъ, въ которомъ появляется Христосъ въ начале пророчества. «И въ рукѣ у него была книжка раскрытая», — книжка, которую онъ только что раскрылъ: ибо онъ получилъ отъ сидящаго на престолѣ только одну книгу, и только Онъ одинъ былъ признанъ достойнымъ раскрыть и прочесть ее. «И поставилъ онъ правую ногу свою на море, а лѣвую на землю и воскликнулъ громкимъ голосомъ, какъ рыкаетъ левъ». Первосвященникъ въ день искупленія становился, по обычаю, на возвышенномъ мѣстѣ во дворѣ народовъ при восточныхъ воротахъ двора священниковъ и читалъ народу книгу Закона, въ то время какъ внѣ храма сжигались приносимыя въ жертву Богу телица и козелъ. Мы можемъ, поэтому, предположить, что онъ стоялъ такимъ образомъ, что его правая нога могла казаться Іоанну стоящею на морѣ, а лѣвая — на основаніи зданія; и что онъ восклицалъ громкимъ голосомъ, читая Законъ о днѣ искупленія. «И когда онъ воскликнулъ, семь громовъ проговорили голосами своими». Громы — голосъ облака, а облако символизируетъ толпу; эту толпу составляли левиты, пѣвшіе громовыми голосами и игравшіе на музыкальныхъ инструментахъ во время совершенія великихъ жертвоприношеній въ теченіе семи дней праздника Кущей; въ это же время раздавались звуки трубъ, такъ какъ трубы трубили и левиты пѣли по очереди, трижды при каждой жертвѣ. Такимъ образомъ пророчество о семи громахъ представляетъ собою не что иное, какъ повтореніе

пророчества о семи трубахъ въ иномъ видѣ. «И Ангелъ, котораго я видѣлъ стоящимъ на морѣ и на землѣ, поднялъ руку свою къ небу и клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ, что (послѣ семи громовъ) времени ужѣ не будетъ; но въ дни, когда возгласитъ седьмой Ангелъ, когда онъ вострубитъ, совершится тайна Божія, какъ Онъ благовѣствовалъ рабамъ Своимъ пророкамъ». Голоса громовъ относятся, такимъ образомъ, къ концу міра сего, точно такъ же какъ и голоса трубъ.

«И голосъ, который я слышалъ съ неба», говоритъ Іоаннъ, «опять сталъ говорить со мною и сказалъ: войди и возьми раскрытую книжку» и т. д. «И взялъ я книжку изъ руки Ангела и съѣлъ ее. И она въ устахъ моихъ была сладка, какъ медъ; когда же съѣлъ ее, то горько стало въ чревѣ моемъ. И сказалъ онъ мнѣ: тебѣ надлежитъ опять пророчествовать о народахъ и племенахъ и языкахъ и царяхъ многихъ». Это является введеніемъ къ новому пророчеству, повторяющему и пророчество всей книги, и намекаетъ на съѣденіе Іезекіилемъ книжнаго свитка, открывшагося передъ нимъ, исписаннаго внутри и извнѣ, и исполненнаго плача и стенаній и скорби, но сладкаго въ устахъ. Выпиваніе и съѣданіе обозначаетъ пріобрѣтеніе и усвоеніе, съѣсть же книгу означаетъ проникнуться пророчествомъ, содержащимся въ ней. Напоминая о вдохновленности всей книги пророческимъ духомъ, оно знаменуетъ предстоящее живое повтореніе всего пророчества въ виде истолкованія, которое начинается по совершеніи пророчества о печатяхъ и трубныхъ гласахъ. Книга была сладкой въ устахъ Іоанна, и поэтому — начинается не съ горестнаго пророчества о вавилонскомъ плѣненіи, вторженіи язычниковъ въ наружный дворъ храма и попираніи ими святого града; и не съ пророчества о «двухъ свидѣтеляхъ во вретищѣ» и пораженіи ими земли всякими язвами и убіеніи ихъ звѣремъ; но какъ только исполнилось пророчество о

трубныхъ гласахъ, начинается радостное пророчество о славной женѣ на небѣ, о побѣдѣ Михаила Архангела надъ дракономъ; послѣ же этого «горько стало во чревѣ» Іоанна, такъ какъ онъ описываетъ времена великаго отступленія.

«И стоялъ Ангелъ (надъ моремъ и землею), говоря: стань и измѣрь храмъ Божій и жертвенникъ и поклоняющихся въ немъ», т. е. ихъ дворы вмѣстѣ съ зданіями, возведенными на нихъ, а именно: четырехугольный дворъ храма, называемый «отдѣльнымъ мѣстомъ», четырехугольный дворъ жертвенника, называемый дворомъ священниковъ, и дворъ поклоняющихся въ храмѣ, называемый новымъ дворомъ; «но (большой) внѣшній дворъ храма исключи и не измѣряй, ибо онъ данъ язычникамъ: они будутъ попирать снятый городъ сорокъ два мѣсяца». Это измѣреніе имѣетъ соотношеніе съ измѣреніемъ Іезекіилемъ храма Соломонова: тамъ измѣренъ былъ весь храмъ, включая внѣшній дворъ, для ознаменованія того, что онъ будетъ впослѣдствіи перестроенъ. Теперь же повелѣно измѣрить лишь дворы храма и жертвенника и тѣхъ, кто поклоняется на нихъ, — для ознаменованія построенія второго храма для тѣхъ, кто запечатлѣнъ изъ всѣхъ 12 колѣнъ Израильскихъ и поклоняется во внутреннемъ дворѣ въ искренности и истинѣ; внѣшній же дворъ, т. е. внѣшнюю форму ученія и церковнаго правительства Іоанну было повелѣно исключить и не измѣрять, ибо она была предоставлена вавилонскимъ язычникамъ. Ибо славная жена на небѣ, породившая хранящихъ заповѣди Божіи и имѣющихъ свидѣтельство Іисуса, оставалась тою же женой во внѣшнемъ обрядѣ послѣ бѣгства ея въ пустыню, гдѣ она утратила свое прежнее чистосердечіе и набожность и стала великою блудницей. Она потеряла свою чистоту, но сохранила свой наружный видъ и одежды. И когда язычники попирали святой городъ и поклонялись во

внѣшнемъ дворѣ, т. е. во внѣшней обрядности, два свидѣтеля, изображаемыя здѣсь двумя ногами Ангела, стоящаго на землѣ и на морѣ, пророчествовали противъ нихъ и была дана имъ власть, какъ Елисею и Моисею «поражать тѣхъ, кто обидитъ ихъ, огнемъ, выходящимъ изъ ихъ устъ; затворять небо, чтобы не шелъ дождь на землю во дни пророчествованія ихъ, превращать воду въ кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотятъ», т. е. язвами трубъ и чашъ гнѣва. Когда же они окончатъ свидѣтельство свое, то будутъ убиты, затѣмъ возстанутъ изъ мертвыхъ и взойдутъ на небо въ облакѣ. И тогда прозвучитъ седьмая труба ко дню послѣдняго суда.

Когда пророчество окончилось, Іоаннъ былъ вновь вдохновленъ съѣденіемъ книги и начинаетъ истолкованіе пророчества словами: «И вотъ отверзся храмъ Божій на небѣ, и явился ковчегъ Завѣта Его въ храмѣ Его». По ковчегу мы можемъ заключить, что это былъ первый храмъ, такъ какъ во второмъ ковчега не было. «И были молніи и голоса и громы и землетрясеніе и градъ великій». Это соотвѣтствуетъ войнамъ въ Римской имперіи во время царствованія четырехъ всадниковъ, явившихся въ видѣніи по снятіи первыхъ четырехъ печатей. «И явилось на небѣ знаменіе — жена, облеченная въ солнце». Въ Апокалипсисѣ дѣла Церкви начинаютъ изображаться по снятіи пятой печати; въ истолкованіи же они изображаются одновременно съ видѣніемъ Церкви, изображенной въ видѣ жены на небѣ; тамъ ее преслѣдуютъ, здѣсь она мучится отъ болей родовъ. Истолкованіе переходитъ затѣмъ сначала къ запечатлѣнію рабовъ Божіихъ и заклейменію остальныхъ клеймомъ звѣря, а затѣмъ ко дню послѣдняго суда, изображаемаго подъ видомъ жатвы и сбора винограда. Затѣмъ оно возвращается назадъ ко времени снятія седьмой печати и изъясняетъ пророчество о семи трубахъ — изліяніемъ семи чашъ гнѣва Божія. Ангелы, изливающіе ихъ, вышли изъ храма скиніи», т. е. изъ второго храма, такъ какъ скинія не имѣла внѣшняго двора. Затѣмъ истолкованіе возвращается еще разъ ко временамъ измѣренія храма и жертвенника, къ изображенію язычниковъ,

поклоняющихся въ внѣшнемъ дворѣ, и къ звѣрю, убивающему свидѣтелей на улицахъ великаго города, и изъясняетъ все это видѣніемъ «сидящей на звѣрѣ жены, упоенной кровью святыхъ» и доходитъ до паденія великаго города и дня суда.

Все пророчество о книгѣ, изображенной въ видѣ Закона, вновь, такимъ образомъ, повторяется и изъясняется посредствомъ видѣній, которыя слѣдуютъ послѣ седьмой трубы, и начинаются видѣніемъ открытаго на небѣ храма Божія. Осталось неописаннымъ и потому не изъясненнымъ лишь то, что послѣдовало за семью громами.

ГЛАВА III.
Объ отношеніи Откровенія Іоанна къ пророчеству Даніила, и о предметѣ Откровенія.

Событія, предсказанныя въ Откровеніи, совершаются въ 3-хъ главныхъ мѣстностяхъ историческаго міра: въ области за Евфратомъ, представленной въ пророчествѣ Даніила двумя первыми звѣрями; въ Греческой имперіи по сю сторону Евфрата, представленной въ пророчествѣ Даніила барсомъ и козломъ; и въ имперіи Латинской, изображенной въ образѣ звѣря о 10 рогахъ. Къ этимъ-то тремъ частямъ и относятся выраженія о «третьей части земли, моря, рѣкъ, кораблей, звѣздъ, солнца и луны». Я помѣщаю тѣло 4-го звѣря по сю сторону Греціи, такъ какъ первые три изъ 4-хъ звѣрей продолжали еще жить и послѣ того, какъ власть была отнята отъ нихъ, и поэтому они не вошли въ составъ 4-го звѣря. Онъ лишь попиралъ ихъ своими ногами.

Подъ *землею* Евреи разумѣли великіе материки Азіи и Африки, къ которымъ они имѣли доступъ сухимъ путемъ; а подъ «морскими островами» разумѣлись мѣста, куда они ходили на морскихъ судахъ, въ частности — вся Европа. Отсюда подъ словами земля и море настоящее пророчество разумѣетъ народы Греческой и Латинской имперій.

Третій и четвертый звѣри Даніила означаютъ то же, что драконъ и десятирогій звѣрь Іоанна, съ тѣмъ лишь различіемъ, что подъ образомъ дракона Іоаннъ разумѣетъ всю Римскую имперію до ея раздѣленія, такъ какъ во время видѣнія она была еще нераздѣльной; звѣрь же появляется только послѣ того, какъ она подверглась раздѣлу. Съ этого времени драконъ обозначаетъ у него Греческую имперію, а звѣрь — Латинскую. Поэтому-то у дракона и звѣря общія головы

и общіе рога; но вѣнцы у дракона только на головахъ, а у звѣря только на рогахъ: ибо звѣрь и его рога стали царствовать лишь послѣ отдѣленія отъ дракона; и когда драконъ далъ звѣрю престолъ, то 10 роговъ получили власть какъ короли въ одно время со звѣремъ. Головы суть 7 послѣдовательныхъ царей. Четыре изъ нихъ были четырьмя всадниками, которые появились при снятіи первыхъ четырехъ печатей. Въ концѣ 6-й головы (или печати), изображаемой въ видѣніи какъ событіе текущаго времени, сказано: «пять изъ семи царей пали, одинъ есть, а другой еще не пришелъ; и звѣрь, который былъ и котораго нѣтъ» (смертельно раненый мечомъ) — онъ восьмой, и изъ числа семи, т. е. онъ былъ сопредѣленъ съ семью. Рога же звѣря тѣ же самые, что рога 4-го Даніилова звѣря, описанные выше.

Четыре всадника, появляющіеся при снятіи четырехъ первыхъ печатей, хорошо истолкованы *Мійдомъ*. Я, съ своей стороны, ввелъ бы въ это истолкованіе лишь двѣ слѣдующія поправки: время третьяго всадника я продолжилъ бы до конца царствованія трехъ Гордіановъ и Филиппа Аравитянина, которыхъ слѣдуетъ считать царями юга; время же четвертаго я бы началъ считать съ царствованія Декія и продолжилъ бы до царствованія Діоклетіана. Ибо четвертый всадникъ «сидѣлъ на конѣ блѣдномъ, и имя сему всаднику смерть; и адъ слѣдовалъ за нимъ, и дана ему власть надъ четвертою частью земли — умерщвлять мечомъ и голодомъ, и моромъ и звѣрями земными», или войсками бунтовщиковъ и чужестранцевъ; — и таковы были событія во весь этотъ періодъ исторіи. До той поры Римская имперія сохраняла нераздѣльно единодержавный образъ правленія, исключая времена возстаній, что и изображено въ видѣ четырехъ всадниковъ. Но Діоклетіанъ раздѣлилъ имперію между собою и Максиміаномъ (285 г.); и имперія оставалась

раздѣленною до побѣды Константина Великаго надъ Лициніемъ (323 г.), которая положила конецъ послѣднимъ языческимъ гоненіямъ, Діоклетіана и Максиміана, описаннымъ въ Апокалипсисѣ при снятіи пятой печати. Но раздѣленіе имперіи было неполнымъ, такъ какъ обѣ части находились подъ властью одного и того же сената. Та же побѣда Константина надъ язычникомъ Лициніемъ послужила началомъ паденія языческой имперіи, что описано при снятіи 6-й печати. И видѣніе объ этомъ продолжается до конца царствованія Юліана Отступника, который былъ язычникомъ и властвовалъ надъ всей Римской имперіей нераздѣльно.

Дѣла церковныя начинаютъ описываться, какъ было сказано выше, при снятіи пятой печати. Здѣсь Церковь представлена въ видѣ жены въ небесномъ храмѣ, «облеченной въ солнце» праведности, «и луна» еврейской обрядности «подъ ея ногами, и на головѣ ея вѣнецъ изъ 12-ти звѣздъ» — соотвѣтственно 12 Апостоламъ и 12 колѣнамъ Израилевымъ. Когда она изъ храма бѣжала въ пустыню, то оставила въ храмѣ потомковъ «отъ сѣмени своего, сохраняющихъ заповѣди Божіи и имѣющихъ свидѣтельство Іисуса Христа». Слѣдовательно, до этого бѣгства она представляла истинную первобытную Церковь Божію, хотя впослѣдствіи развратилась какъ Ахола и Ахолива. Во времена Діоклетіанова гоненія она «кричала отъ болей и мукъ рожденія». По прекращеніи же этого гоненія благодаря побѣдѣ Константина надъ Максенціемъ (312 г. по Р. Х.) «она родила младенца мужского пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ», т. е. христіанскаго императора. «И восхищено было (побѣдою Константина надъ Лициніемъ въ 323 г.) дитя ея къ Богу и Престолу Его. А жена (во время раздѣленія Римской имперіи на Греческую и Латинскую) убѣжала (изъ перваго храма)

въ пустыню (т. е. въ духовно безплодную Латинскую имперію, гдѣ она затѣмъ возсѣла на звѣря и на семи холмахъ) и стала «великимъ городомъ, царствующимъ надъ земными царями», т. е. надъ 10 королями варваровъ, предавшими свои царства звѣрю.

Но до бѣгства ея въ пустыню на небѣ произошла война между Архангеломъ Михаиломъ и дракономъ (см. Откровеніе), т. е. между христіанскою и языческою религіями. «И низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ. И услышалъ — Іоаннъ — громкій голосъ, говорящій на небѣ: нынѣ настало спасеніе, и сила, и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низверженъ клеветникъ братій нашихъ. Они побѣдили его кровно Агнца и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Итакъ, возвеселитесь, небеса и обитающіе на нихъ. Горе живущимъ на землѣ и на морѣ (т. е. народамъ Греческой и Латинской имперій), потому что къ вамъ сошелъ діяволъ въ сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

«Когда же драконъ увидѣлъ, что низверженъ на землю (т. е. низложенъ съ Римскаго престола, который занялъ младенецъ мужского пола), то началъ преслѣдовать жену, которая родила младенца мужского пола. И даны были женѣ (раздѣленіе Римской имперіи между Римомъ и Константинополемъ въ 330 г.) два крыла большого орла (символъ Римской имперіи), чтобы она летѣла (изъ перваго храма) въ пустыню (Аравійскую) въ свое мѣсто (мистически названное Вавилономъ). И пустилъ змій (раздѣливъ ту же имперію между сыновьями Константина Великаго въ 337 г.) изъ пасти своей воду (т. е. Западную имперію) какъ рѣку, чтобы увлечь ее. Но земля (т. е. Греческая имперія) помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила

рѣку (посредствомъ побѣды Констанція надъ Магненціемъ въ 353 г., а самъ драконъ былъ раненъ мечомъ на смерть). И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену (въ царствованіе Юліана Отступника въ 361 г.) и — посредствомъ новаго раздѣленія имперіи между Валентиніаномъ и Валентомъ въ 364 г. — пошелъ (отъ нея въ Восточную имперію), чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея» (т. е. съ послѣдователями ея, оставшимися послѣ ея бѣгства: слѣдовательно, звѣрь ожилъ). При слѣдующемъ раздѣленіи имперіи между Граціаномъ и Ѳеодосіемъ въ 379 г. звѣрь съ 10 рогами «вышелъ изъ моря» и звѣрь съ двумя рогами — «изъ земли» и при послѣднемъ раздѣленіи имперіи, имѣвшемъ мѣсто при сыновьяхъ Ѳеодосія въ 395 г., «драконъ далъ звѣрю силу свою и престолъ свой и великую власть». И десять роговъ «получили силу какъ цари въ одно время со звѣремъ».

Жена же достигла, наконецъ, мѣста своего свѣтскаго и духовнаго владычества, возсѣдая на звѣрѣ, гдѣ она «питалась въ продолженіе времени, временъ и полвременъ отъ лица змія» (т. е. не въ его царствѣ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него). Ее питали «купцы земные» три съ половиною года или 42 мѣсяца или 1.260 дней; пророческіе же дни равны годамъ. Во время всего этого времени звѣрь дѣйствовалъ, и «она сидѣла на немъ», т. е. господствовала надъ нимъ и надъ 10 королями, «которые отдали свою власть и силу (т. е. свои королевства) звѣрю; и она «была упоена кровью святыхъ». Изъ всего этого видно, что она — 11-й рогъ Даніилова 4-го звѣря, который царствовалъ «съ видомъ болѣе могучимъ, чѣмъ другіе», и былъ отличнаго рода отъ остальныхъ и имѣлъ «очи и уста», какъ у женщины; «и дано было ему вести брань со святыми и побѣдить ихъ, и думалъ онъ измѣнить времена и законы, и даны они были въ руку его на время, времена и полвремени». Отличительныя особенности жены и малаго рога звѣря

сходятся вполнѣ: въ отношеніи свѣтской власти жена была малымъ рогомъ звѣря; въ смыслѣ обладанія духовною властью — она возсѣдала на звѣрѣ въ видѣ женщины, была его церковью и, мистически, блудодѣйствовала съ десятью королями.

Вторымъ звѣремъ, который «вышелъ изъ земли», была Церковь Греческой имперіи: ибо звѣрь этотъ имѣлъ «два рога подобно агнчимъ» и, слѣдовательно, былъ Церковью; и «онъ говорилъ, какъ драконъ» и, слѣдовательно, былъ той же религіозной вѣры какъ драконъ; онъ «вышелъ изъ земли», и, слѣдовательно, былъ въ царствѣ дракона. Онъ названъ также «лжепророкомъ», такъ какъ чудесами, которыя дано было ему творить передъ первымъ звѣремъ, онъ обольщалъ живущихъ на землѣ чтобы они приняли его знаменіе и поклонились его образу. Когда драконъ ушелъ отъ жены, чтобы вести брань съ оставшимися отъ сѣмени ея, то этотъ зверь, вышедшій изъ земли, помогалъ ему въ этой брани, «заставляя всю землю и живущихъ на ней поклониться первому звѣрю (т. е. его власти), у котораго смертельная рана исцѣлѣла», и «сдѣлать образъ его», т. е. собирать людей, подобныхъ ему во взглядахъ на религію. «И дано ему было — также — вложить духъ — и власть — въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ и дѣйствовалъ такъ, чтобы всякій (т. е. всякая религіозная община), кто не будетъ поклоняться образу звѣря (т. е. его власти), былъ — въ мистическомъ смыслѣ — убиваемъ». «И онъ сдѣлаетъ, что всѣмъ положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ, и что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ это начертаніе, или имя звѣря, или число имени его», — прочіе же будутъ отлучены звѣремъ съ двумя рогами. Начертаніе это + + +, имя его ΛΑΤΕΙΝΟΣ, а число имени его 666».

Итакъ звѣрь, получивъ смертельную рану мечомъ и исцѣлѣвъ, былъ обожествленъ, какъ язычники обыкновенно обожествляли своихъ властителей послѣ ихъ смерти; ему созданъ былъ истуканъ; и поклоняющіеся ему обращались въ эту новую вѣру, принявъ начертаніе или имя этого новаго Бога или число его имени. Вслѣдствіе избіенія тѣхъ, кто не хотѣлъ поклониться ему и его образу, первый храмъ, освещенный свѣтильниками семи Церквей, былъ разрушенъ, и для тѣхъ, кто не хотѣлъ поклониться ему, былъ построенъ новый храмъ. А для язычниковъ, которые поклонились звѣрю и его образу, былъ отведенъ внѣшній дворъ храма, т. е. внѣшняя видимость Церкви, въ то время какъ тѣ, кто не поклонился ему, были запечатлѣны на челѣ ихъ именемъ Бога и удалились во внутреній дворъ этого новаго храма. Запечатлѣнныхъ же было 144.000 изъ всѣхъ 12 колѣнъ Израилевыхъ, названныхъ здѣсь «двумя свидѣтелями» ради ихъ происхожденія отъ двухъ крыльевъ жены, когда она улетала въ пустыню, и представленныхъ двумя изъ семи свѣтильниковъ. Ихъ то и видѣлъ Іоаннъ во внутреннемъ дворѣ второго храма стоящими на горѣ Сіонѣ съ Агнцемъ какъ бы на стеклянномъ морѣ. То были «святые Всевышняго» и «воинства небесныя» и «святой народъ», о которомъ сказано у Даніила, что онъ въ послѣднія времена будетъ изгнанъ, попранъ ногами и уничтоженъ малыми рогами 4-го звѣря и козла.

Въ то время какъ язычники будутъ попирать ногами святый городъ, Богъ «дастъ силу двумъ свидѣтелямъ, и они будутъ пророчествовать 1260 дней, облеченные во вретище». Они называются «двумя масличными деревами», что намекаетъ на два оливковыя дерева, которыя, въ видѣніи Захаріи (гл. IV) стояли по обѣ стороны золотыхъ свѣтильниковъ и снабжали ихъ масломъ; масличныя же деревья, согласно Апостолу Павлу, изображаютъ собою Церкви (Римл.

XI). Они снабжаютъ светильники масломъ, поставляя учителей. Они называются также «двумя свѣтильниками», что въ этомъ пророчествѣ обозначаетъ Церкви, такъ какъ семь Азійскихъ Церквей изображены семью свѣтильниками. Пять изъ этихъ Церквей были найдены виновными и подверглись угрозамъ на тотъ случай, если не раскаются. Двѣ другіе оказались безъ вины, а свѣтильники ихъ, поэтому, были найдены достойными быть помѣщенными во второмъ храмѣ. Это были Церкви въ Смирнѣ и Филадельфіи. Онѣ были угнетаемы и подвергались гоненію, и только двѣ эти Церкви изъ всѣхъ семи были въ такомъ положеніи. Такимъ образомъ ихъ свѣтильники были пригодны для символизированія гонимыхъ Церквей во времена второго храма, и только эти двѣ изъ семи и были того удостоены. «Два Свидѣтеля» не были новыми Церквами: они были продолжателями первенствующей Церкви, потомствомъ двухъ крыльевъ жены, и поэтому правильно изображены въ видѣ двухъ изъ первоначальныхъ свѣтильниковъ. Вслѣдствіе этого мы можемъ заключить, что когда *первый* храмъ былъ разрушенъ и для поклонявшихся во внутреннемъ дворѣ былъ выстроенъ новый, то два изъ первоначальныхъ свѣтильниковъ были помѣщены въ этомъ новомъ храмѣ.

Пророчество не касается событій церковной жизни, совершившихся въ то время, когда снимались первыя четыре печати. Оно начинаетъ описывать ихъ лишь при снятіи пятой печати, какъ сказано выше; затѣмъ эти событія описываются при снятіи шестой печати; время же седьмой печати содержитъ описаніе великаго отступленія отъ Христа; поэтому посланіе писемъ къ семи Церквамъ я отношу ко временамъ пятой и шестой печатей, такъ какъ они относятся къ Церкви, когда она начинала приходить въ упадокъ, и содержатъ увѣщанія относительно приближавшагося уже времени великаго отступничества.

Когда Евсевій довелъ свою «Церковную Исторію» до царствованія Діоклетіана, то изобразилъ состояніе Церкви въ эти времена въ такихъ словахъ: «Сколь велики были и какъ далеко между всѣми народами, Греками и варварами, распространились предъ современнымъ намъ гоненіемъ, слава и дерзновеніе ученія о почитаніи верховнаго Бога, возвѣщеннаго міру Христомъ, — разсказать достойно мы не въ состояніи. Доказательствомъ же этой славы можетъ служить благосклонность къ нашимъ со стороны императоровъ, которые поручали имъ даже управленіе провинціями и по особому расположенію къ нашей религіи освобождали ихъ совѣсть отъ жертвоприношеній». И нѣсколько далѣе: «Кто достойно можетъ описать эти многочисленныя обращенія ко Христу, эти многолюдныя церкви во всякомъ городѣ и блестящія собранія въ молитвенныхъ домахъ, благодаря чему, не довольствуясь уже старыми зданіями, христіане по всѣмъ городамъ начали строить обширныя церкви, новыя съ самаго фундамента? Такое благосостояніе съ теченіемъ времени увеличивалось, съ каждымъ днемъ приходило въ лучшее положеніе и силу, — и никакая ненависть не могла умалить его, ни демонская злоба не была въ состояніи повредить, ни людскіе навѣты помѣшать, доколѣ десница всемогущаго Бога осѣняла и охраняла народъ свой, по мѣрѣ его достоинства. Когда же, пользуясь излишней свободой мы впали въ лѣность и небреженіе, когда всѣ другъ другу стали завидовать и вредить; когда мы начали вести между собою какъ бы внутреннія войны, поражая другъ друга словами какъ оружіемъ или нѣкіими копьями; когда намѣстники стали возставать противъ намѣстниковъ, народъ на народъ, лицемеріе же и притворство достигло высшей ступени злобы, — тогда судъ Божій, нѣ тяжкою пока рукою ради ненарушенной еще церковности и продолжающихся частыхъ молитвенныхъ собраній

вѣрующихъ, началъ обнаруживать свое надъ нами смотрѣніе слегка и умѣренно, возбудивъ на насъ гоненіе сперва со стороны служившихъ въ войскѣ. Но мы, какъ бы лишившись всякаго смысла, совсѣмъ не заботились о пріобрѣтеніи милости Божіей; а напротивъ того, подобно какимъ-то нечестивцамъ, думая, что дѣла человѣческія не находятся ни подъ чьимъ управленіемъ и промысломъ, непрерывно прилагали преступленія къ преступленіямъ; а пастыри наши, презрѣвъ законъ богопочтенія, воспламенялись взаимными распрями, умножали только одно — раздоры и угрозы, ревность, вражду другъ противъ друга и ненависть, домогаясь пламенно первенства какъ бы какой-нибудь неограниченной власти. Тогда, наконецъ, по слову Іереміи, *омрачилъ Господь во гнѣвѣ Своемъ дщерь Сіона и свергъ съ* небесъ на *землю славу Израилеву»*. Таково было состояніе Церкви въ началѣ Діоклетіанова гоненія; съ этимъ вполнѣ согласуется первое изъ семи посланій Ангеламъ семи Церквей, — письмо къ Церкви Ефесской. «Но имѣю противъ тебя то, — говоритъ Христосъ Ангелу этой Церкви, — что ты оставилъ пѣрвую любовь твою. Итакъ, вспомни, откуда ты ниспалъ, и покайся и твори прежнія дѣла: а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его, если не покаешься. Впрочемъ, то въ тебѣ хорошо, что ненавидишь дѣла Николаитовъ, которыя и Я ненавижу»[141]. Николаиты — это описанныя выше *воздержники* (энкратиты, континенты), полагавшіе смыслъ религіи въ воздержаніи отъ брака и удаленіи отъ своихъ женъ, если были женаты. Они назывались Николаитами отъ имени Николая, одного изъ 7 діаконовъ первобытной Іерусалимской Церкви, который, имѣя жену-красавицу, оставилъ ее и разрѣшилъ ей выйти замужъ, за кого она хочетъ. Утверждая, что надлежитъ укрощать плоть, онъ жилъ

[141] Апок. II, 4 сл,

одиноко, въ воздержаніи, и дѣти его слѣдовали его примѣру. Энкратиты (воздержники) усвоили впослѣдствіи ученіе объ зонахъ и духахъ мужского и женскаго пола. Они были осуждены Церквами до IV вѣка. Поэтому то Ефесской Церкви и ставится въ заслугу, что она возненавидѣла дѣла ихъ.

Діоклетіаново гоненіе началось въ 302 году отъ Р. Х. и продолжалось 10 лѣтъ въ Восточной имперіи и два года въ Западной. Такому положенію дѣлъ Церкви соотвѣтствуетъ второе посланіе[142], обращенное къ Церкви Смирнской. «Знаю, — говоритъ Христосъ, — твои дѣла и скорбь, и нищету (впрочемъ, ты богатъ) и злословіе отъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи; но они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебѣ надобно будетъ претерпѣть. Вотъ, дьяволъ будетъ ввергать изъ среды вашей въ темницу, чтобы искусить васъ, и будете имѣть скорбь дней десять. Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебе вѣнецъ жизни». Десятидневная скорбь можетъ соотвѣтствовать только Діоклетіанову гоненію, такъ какъ только одно оно продолжалось десять лѣтъ. Подъ «злословіемъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но которые не таковы, а — сборище сатанинское», — я разумѣю идолослуженіе Николаитовъ, которые лживо называли себя христіанами.

Николаиты изобличаются также въ 3-мъ посланіи, какъ люди, «держащіеся ученія Валаама, который научилъ Валака ввести въ соблазнъ сыновъ Израилевыхъ, чтобы они ѣли идоложертвенное и — духовно-любодѣйствовали»[143]. Ибо Валаамъ научилъ Моавитянъ и Мадіанитянъ искушать и прельщать Израиля женщинами своими къ блудодѣянію и пированію вмѣстѣ съ ними при жертвоприношеніяхъ

[142] Апок. II, 9, 10.
[143] Чис. XXV, 1, 2, 18 и сл. и XXXI, 16.

ихъ богамъ. Такимъ образомъ драконъ появился уже между населяющими и землю, и море.

Николаиты изобличаются также и въ 4-мъ посланіи подъ именемъ «жены Іезавели, называющей себя пророчицей, вводящей въ заблужденіе рабовъ Христовыхъ и учащей любодѣйствовать и ѣсть идоложертвенное». Жена, слѣдовательно, полетѣла уже въ пустыню.

Константинъ Великій послѣ побѣды надъ Лициніемъ правилъ самодержавно надъ всей Римской Имперіей. Затѣмъ имперія была раздѣлена между сыновьями Константина; а впослѣдствіи она опять соединилась подъ единой властью при Констанціи, благодаря побѣдѣ его надъ Магненціемъ. Третье, четвертое и пятое посланія, т. е. посланія къ ангеламъ Пергамской, Ѳіатирской и Сардійской Церквей, относятся, какъ кажется, къ дѣламъ Церкви въ эти три послѣдовательные періода. Слѣдующимъ же императоромъ былъ Юліанъ Отступникъ.

Въ шестомъ посланіи къ Ангелу Церкви Филадельфійской, Христосъ говоритъ: «И какъ — во время царствованія императора-язычника Юліана — ты сохранилъ слово терпѣнія моѣго, то и я сохраню тебя отъ годины искушенія, которая (благодаря удаленію жены въ пустыню и брани дракона противъ происшедшихъ отъ сѣмени ея и убіенію непоклонившихся образу звѣря) придетъ на всю вселенную, чтобы испытать живущихъ на землѣ», тогда всѣ будутъ раздѣлены: одни будутъ запечатлѣны на челахъ именемъ Бога, а другіе печатью звѣря. «Побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего, и онъ уже не выйдетъ вонъ. И напишу на немъ имя Бога моего»—(на челѣ его). Такъ христіане Филадельфійской Церкви, тѣ, которые побѣдятъ, будутъ запечатлѣны печатью Божіей, помѣщены во второмъ храмѣ и не выйдутъ оттуда вонъ. То же самое слѣдуетъ разумѣть и о

Смирнской Церкви, которая также хранила слова терпѣнія Божія и была безупречной. Слѣдовательно, эти двѣ Церкви съ ихъ отпрысками и суть «два столпа», и «два свѣтильника», и «два свидѣтеля» во второмъ храмѣ.

Послѣ царствованія императора Юліана и его преемника Іовіана, который царствовалъ всего только 5 мѣсяцевъ, имперія вновь была раздѣлена — между Валентиніаномъ и Валентомъ. Вселенская Церковь этого времени изображена въ посланіи къ Ангелу Лаодикійской Церкви какъ «теплохладная» и къ ней обращается угроза «быть низвергнутой изъ устъ» Христовыхъ. Она говорила, что она «богата, разбогатѣла и ни въ чемъ не имѣетъ нужды (процвѣтая внѣшнимъ образомъ); и не знаетъ, что — внутренне — она несчастна, и жалка, и нища, и слѣпа, и нага». Поэтому она и «извергается изъ устъ» Христовыхъ при открытіи седьмой печати; и это полагаетъ конецъ временамъ перваго храма.

Во времена Константина Великаго и его сыновей около половины Римской имперіи обратилось въ христіанство. Юліанъ Отступникъ открылъ языческіе храмы и возстановилъ въ нихъ языческое служеніе; императоры Валентиніанъ и Валентъ относились къ этому терпимо во все продолженіе своего царствованія, такъ что пророчество о 6-й печати окончательно исполнилось лишь при ихъ преемникѣ Граціанѣ. У языческихъ священниковъ было въ обычаѣ при восшествіи на престолъ каждаго новаго императора предлагать ему достоинство и званіе верховнаго жреца (Pontifex Maximus). Всѣ императоры до сей поры принимали это званіе, но Граціанъ отвергъ его, ниспровергъ идоловъ, воспретилъ жертвоприношеніе имъ, отнялъ у храмовъ доходы и вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ жрецовъ жалованья и почетнаго званія. Ѳеодосій Великій слѣдовалъ примѣру Граціана. Съ той поры

язычество уже не поднимало головы и исчезло столь быстро, что Пруденцій черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Ѳеодосія называлъ язычниковъ vix pauca ingenia et pars hominum rarissima. Итакъ, событія шестой печати окончились вмѣстѣ съ царствованіемъ Валента, или вѣрнѣе, — съ началомъ царствованія Ѳеодосія Великаго, когда онъ, какъ и его предшественникъ Граціанъ, отказался принять званіе верховнаго жреца. Въ царствованіе Валента и Валентиніана Римская имперія много страдала отъ вторженій варварскихъ племенъ.

«Въ это время — говоритъ Амміанъ — по всему лицу Римской имперіи раздавались трубные звуки, призывающіе къ оружію, повсюду рыскали, какъ бѣшеныя, жестокія варварскія племена: Аллеманы опустошали Галлію и Рацію, Сарматы и Квады — Паннонію, Пикты, Саксы, Скотты и Аттакоты разоряли постоянными набѣгами Британію; Австеріаны и другія мавританскія племена вторгались въ Африку; ищущія добычи разбойничьи шайки Готовъ грабили Ѳракію; царь Персидскій налагалъ руку на Арменію». И между тѣмъ какъ императоры были заняты отраженіемъ этихъ враговъ, Гунны, Аланы и Готы перешли черезъ Дунай двумя отрядами, разбили Римскую армію и убили Валента, произведя при этомъ такое кровопролитіе, что Амміанъ выражается о немъ такъ: «И во всѣхъ лѣтописяхъ не описывается ни одного сраженія, кромѣ битвы при Каннахъ, которое было бы столь кровопролитно». Войны эти не прекращались въ разныхъ мѣстахъ имперіи до самаго царствованія Ѳеодосія Великаго (379—380). Съ той же поры имперія была ограждена отъ вторженія варваровъ и покой продолжался до смерти Ѳеодосія (395 г.): на все это время были задержаны «четыре вѣтра», и продолжалось молчаніе въ небѣ. И седьмая печать была снята при самомъ началѣ этой тишины.

Мійдъ изъяснилъ пророчество о первыхъ шести трубахъ весьма полно. Но его объясненіе было бы еще полнѣе, если бы онъ обратилъ вниманіе на одновременность предрекаемаго пророчествомъ объ изліяніи чашъ гнѣва и пророчествомъ о трубныхъ звукахъ.

Названіе горя присвоено войнамъ, къ которымъ протрубили три послѣднія трубы, чтобы отличить ихъ отъ войнъ, къ которымъ трубили первыя четыре трубы. Жертвоприношенія въ теченіе первыхъ четырехъ дней праздника Кущей, къ которымъ трубили первыя четыре трубы, и четыре первыя чаши гнѣва, суть кровопролитія четырехъ великихъ войнъ; и изображаются эти войны какъ четыре вѣтра отъ четырехъ концовъ земли. Первымъ былъ восточный вѣтеръ, вторымъ — западный, третьимъ — южный, четвертымъ — сѣверный вѣтеръ, — всѣхъ ихъ слѣдуетъ опредѣлять относительно города Рима, метрополіи древней Римской имперіи. Эти четыре бѣдствія поразили «третью часть земли, моря, рѣкъ, солнца, луны и звѣздъ»[144], т. е. землю, море, рѣки, солнце, луну и звѣзды третьей части всего театра событій, описываемыхъ въ пророчествахъ Даніила и Іоанна.

Язва восточнаго вѣтра, когда вострубила первая труба, поразила *землю,* т. е. народы Греческой имперіи. И дѣйствительно, послѣ смерти Ѳеодосія Великаго Готы, Сарматы, Гунны, Исавры и Асторійскіе мавры вторглись и ужасно опустошали Грецію, Ѳракію, Малую Азію, Арменію, Сирію, Египетъ, Ливію, Иллирію, — въ теченіе 10 или 12 лѣтъ.

Язва западнаго вѣтра, при второмъ трубномъ звукѣ, поразила море, — т. е. Западную имперію, — посредствомъ «большой горы, пылающей огнемъ», упавшей въ него и обратившей его въ кровь. И дѣйствительно, въ 407 году имперія подверглась

[144] Апок. VIII, 7 сл.

нападенію Вестготовъ, Вандаловъ, Аланъ, Свевовъ, Бургундовъ, Остроготовъ, Герудовъ, Квадовъ, Гепидовъ; въ теченіе этихъ войнъ она расчленилась на 10 королевствъ и была страшно опустошена; и даже самъ Римъ, — гора пылающая,— былъ осажденъ и былъ взять Остроготами въ самомъ началѣ этихъ смутъ.

При третьемъ трубномъ звукѣ началась кара южнаго вѣтра, «и упала съ неба большая звѣзда, горящая подобно свѣтильнику, и пала на третью часть рѣкъ и на источники водъ, и обратила ихъ въ полынь» и въ кровь, и сдѣлала ихъ горькими. Западная имперія расчленилась на много отдѣльныхъ государствъ. Соотвѣтственно этому пророчеству Гензерихъ, король испанскихъ Вандаловъ и Аланъ, переправился въ 427 году въ Африку съ войскомъ въ 80.000 человѣкъ. Здѣсь онъ напалъ на Мавровъ и началъ войну противъ Римлянъ какъ въ Африкѣ, такъ и по европейскому побережью. Во время этой войны, тянувшейся почти безъ перерыва 50 лѣтъ, былъ взятъ Иппонъ (431 г.) и самая столица Африки Карѳагенъ (439 г.). Въ 455 году съ многочисленнымъ флотомъ и войскомъ изъ 300.000 человѣкъ Вандаловъ и Мавровъ онъ вторгся въ Италію, взялъ и разграбилъ Римъ, Неаполь, Капую и много другихъ городовъ, при чемъ всѣ ихъ богатства, а также множество молодыхъ дѣвушекъ были отправлены въ Африку; въ слѣдующемъ (456) году онъ отторгъ отъ имперіи всю Африку, совершенно изгнавъ оттуда Римлянъ. Затѣмъ Вандалы захватили острова Средиземнаго моря — Сицилію, Сардинію, Корсику, Эбузу, Майорку, Минорку и др., а Рицимеръ осадилъ императора Анѳима въ Римѣ, взялъ городъ въ 472 г. и отдалъ его на разграбленіе своимъ солдатамъ. Около того же времени Вестготы изгнали Римлянъ изъ Испаніи. Такимъ образомъ Западный императоръ, «великая звѣзда, которая упала съ неба, горя какъ свѣтильникъ» благодаря всѣмъ этимъ войнамъ утратилъ

почти всѣ владѣнія, и наконецъ въ 476 г. былъ побѣжденъ Одоакромъ, королемъ Геруловъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 477 г. возстали Мавры. Они одержали надъ Вандалами верхъ въ нѣсколькихъ битвахъ и отняли у нихъ Мавританію.

Войны эти продолжались вплоть до пораженія Вандаловъ Велизаріемъ (534 г.), и благодаря имъ Африка была доведена почти до совершеннаго опустошенія, при чемъ, по словамъ Прокопія, погибло свыше 5.000.000 человѣкъ. Когда Вандалы въ первый разъ явились въ Африку, страна эта была густо населена и состояла почти изъ 700 епископій, т. е. болѣе, чемъ ихъ было во всей Франціи. Испаніи и Италіи, вмѣстѣ взятыхъ. Но вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между Вандалами, Римлянами и Маврами она была опустошена въ такой степени, что, по словамъ Прокопія, для путника было чудомъ встрѣтить на дорогѣ живого человѣка.

Объ изліяніи третьей чаши гнѣва въ пророчествѣ сказано: «Ты праведенъ, Господи, — ибо такъ судилъ Ты: они пролили кровь святыхъ Твоихъ и пророковъ, Ты далъ имъ пить кровь, ибо того они достойны». Какъ проливалась кровь святыхъ, можно видѣть изъ приводимаго ниже эдикта императора Гонорія. Эдиктъ этотъ былъ исходатайствованъ четырьмя епископами, посланными къ императору соборомъ Африканскихъ епископовъ, происходившимъ въ Карѳагенѣ 14 іюня 410 г. Вотъ этотъ эдиктъ:

«Императоры Гонорій и Ѳеодосій Августы, Геракліану, комиту Африканскому.

«На уста оракула, благодаря коему еретики упорствовали въ своихъ суевѣрныхъ обрядахъ, пусть будетъ наложено молчаніе, и да будетъ извѣстно всѣмъ врагамъ святого закона, что они обрекаютъ себя наказанію проскрипціей и смертною казнью, если съ заслуживающимъ проклятія безразсудствомъ будутъ

порываться на публичное оказательство своего служенія. Дано въ 8 день сентябрьскихъ Календъ въ консульство Варана въ 410 г. отъ Р. Хр.».

Приведенный эдиктъ былъ подтвержденъ черезъ пять лѣтъ слѣдующимъ новымъ эдиктомъ:

«Императоры Гонорій и Ѳеодосій Августы, Геракліану, комиту Африканскому.

«Да будетъ извѣстно всѣмъ упорствующимъ въ своихъ суевѣрныхъ еретическихъ обрядахъ, врагамъ пресвятого закона, что они подлежатъ проскрипціи и смертной казни, если будутъ дерзко пытаться публично отправлять служеніе своей мерзости, дабы этою заразой не поколебалось истинное и правильное богопочитаніе. Дано въ 8 день сент. Календ., въ 10-е консульство Гонорія и 6-е Ѳеодосія, Августовъ, въ 415 г. отъ Р. Хр.».

Такъ какъ эти эдикты были обращены только къ правителю Африки, то и касались только однихъ Африканцевъ. До этихъ эдиктовъ въ Африкѣ было издано много другихъ суровыхъ распоряженій, направленныхъ противъ донатистовъ, но эти распоряженія не повлекли за собою кровавой расправы. Начиная же съ этихъ двухъ эдиктовъ молитвенныя собранія донатистовъ, такъ же какъ и всякихъ другихъ иномыслящихъ стали считаться тягчайшимъ уголовнымъ преступленіемъ, караемымъ смертною казнью, ибо всѣ безъ изъятія иномыслящіе считались еретиками, что видно изъ слѣдующаго эдикта противъ *Евресія*, епископа Люциферанскаго:

«Императоры Аркадій и Гонорій Августы, Авреліану, проконсулу Африки.

«Всѣ тѣ, кто будетъ изобличенъ хотя бы въ малѣйшемъ уклоненіи отъ ученія каѳолической религіи и ея путей, сіи должны почитаться еретиками и подлежать всѣмъ изданнымъ противъ послѣднихъ карательнымъ законамъ. Точно также да будетъ извѣстно твоей опытности, что и Евресій — еретикъ.

Дано въ 3 день сентябрьскихъ Нонъ въ Константинополѣ, въ консульство Олибрія и Пробина, въ 395 г. отъ Р. Хр.»

Греческій императоръ Зенонъ усыновилъ Теодориха, короля Остроготовъ, назначилъ его магистромъ конницы, патриціемъ и консуломъ Константинополя; препоручивъ ему Римскій народъ и сенатъ и всю Западную имперію, онъ послалъ его въ Италію противъ Одоакра, короля Геруловъ. Теодорихъ, поэтому, повелъ свой народъ въ Италію, побѣдилъ Одоакра и воцарился надъ Италіей, Сициліей, Рэціей, Норикомъ, Далмаціей, Либурніей, Истріей, а также надъ частью Овевіи, Панноніи и Галліи. На этомъ основаніи *Эннодій* въ панегирикѣ своемъ Теодориху говоритъ: «Ad limitem suum Romana regna remeasse» до послѣдняго предѣла распространилъ онъ Римскую власть. Теодорихъ правилъ съ большою мудростью, умѣренностью и счастіемъ; онъ относился къ Римлянамъ съ особымъ благоволеніемъ, правилъ ими по ихъ собственнымъ законамъ и даже возстановилъ власть сената и консуловъ; онъ занималъ императорскій тронъ, не присваивая себѣ лишь титула.

«Онъ слѣдовалъ примѣрамъ древнихъ, — говоритъ Прокопій, — ему присущи были всѣ доблести, свойственныя истинному императору: онъ неустанно заботился о поддержаніи правосудія и самъ былъ настойчивымъ стражемъ законовъ; владѣнья свои онъ умѣлъ защитить отъ сопредѣльныхъ варваровъ» и т. д. Вслѣдствіе всего этого царствованіе этого короля я не помѣщаю между язвами четырехъ вѣтровъ.

Язва сѣвернаго вѣтра, при трубномъ звукѣ четвертой трубы, «помрачила солнце, луну и звѣзды», т. е. государя, государство и князей Западной имперіи, и мракъ продолжался нѣкоторое время. Согласно съ этимъ Велизарій, поднявъ Вандаловъ, вторгся въ Италію (въ 535 г.) и началъ войну противъ Остроготовъ

въ Далмаціи, Либурніи, Венеціи, Ломбардіи, Тосканѣ и другихъ областяхъ сѣвернѣе Рима, при чемъ во время этой войны, продолжавшейся въ теченіе 20 лѣтъ, многіе города подверглись осадѣ, брались приступомъ, или снова отбивались назадъ. Отнявъ у Римлянъ Миланъ, Остроготы избили всѣхъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ (что по расчету Прокопія составило 300.000 человѣкъ), плѣнныхъ же женщинъ отправили своимъ союзникамъ Бургундамъ. Самъ Римъ неоднократно подвергался захвату, вслѣдствіе чего населеніе его уменьшилось, исконное сенатское правленіе прекратилось, нобили были разорены и все великолѣпіе города погибло. Въ 552 году, после 17-тилѣтней войны, королевство Остроготовъ пало, но остатки Остроготскаго племени и вооруженныя толпы Германцевъ, призванные ими на помощь, продолжали войну еще три или четыре года. Затѣмъ началась война съ Герулами, которые, но словамъ Анастасія, perimebant cunctam Italiam — избивали все населеніе Италіи. Вслѣдъ затѣмъ возникла война съ Лонгобардами, самымъ сильнымъ изъ варварскихъ племенъ. Она началась въ 568 году и продолжалась всего 38 лѣтъ, facta tali clado, говоритъ Анастасій, qualem a saeculo nullus meminit (т. е. она сопровождалась такимъ кровопролитіемъ, какого никто не помнитъ отъ вѣка). Окончилась она при папѣ Сабиніанѣ, въ 605 г., когда съ Лонгобардами былъ заключенъ миръ. За три года до ея окончанія Григорій Великій, тогда епископъ Римскій, такъ говоритъ о ней: «Сколько терпимъ мы отъ меча и въ ежедневныхъ битвахъ и во время вторженій Лонгобардовъ вотъ уже на протяженіи свыше 35 лѣтъ, мы не въ состояніи выразить никакими словами». Въ одной изъ проповѣдей своихъ, сказанныхъ народу, онъ въ такихъ словахъ описываетъ великое истребленіе Римлянъ во время этихъ войнъ: «Смотрите, сколько осталось васъ отъ нѣкогда неисчислимаго народа, и однако, къ довершенію

бѣдъ, васъ ежедневно поражаютъ еще новые удары (flagella urgent): нежданныя нападенія враговъ и кровопролитія». Въ другомъ словѣ своемъ онъ описываетъ запустѣніе Рима въ такихъ словахъ: «Разрушены города, уничтожены лагери, опустошѣны поля, вся земля обращена въ пустыню, не стало земледѣльцевъ въ полѣ, ни жителей въ городахъ. Но даже и эти малые остатки рода человѣческаго ежедневно, безпрерывно (feriuntur) подвергаются мукамъ, и нѣтъ конца бичамъ небеснаго правосудія. Римъ, который нѣкогда былъ, какъ казалось, владыкой міра, — что осталось отъ него послѣ безчисленныхъ страданій, разоренія гражданъ, нападеній враговъ, безконечныхъ бѣдствій. Отнята отъ него вся власть міра сѣго, все населеніе его истреблено. — Гдѣ нынѣ сенатъ? Гдѣ самый народъ? Сокрушены кости, потреблено мясо. Весь чинъ свѣтской власти уничтоженъ, и наконецъ сами мы, оставшіеся въ маломъ числѣ, подвергаемся ежедневнымъ нападеніямъ и безчисленнымъ лишеніямъ. Опустѣлый Римъ пылаетъ. Но что говорить о людяхъ, когда самыя зданія рушатся. Послѣ того какъ истреблено населеніе, падаютъ каменныя стѣны» и т. д. Все это Григорій говорилъ Римлянамъ, которые, какъ очевидцы, сами могли засвидѣтельствовать истину этихъ словъ. Такимъ образомъ «казнями четырехъ вѣтровъ» Греческая имперія была поколеблена, а Латинская разрушена. Съ тѣхъ поръ Римъ сделался лишь столицею бѣднаго дукатства, подчиненнаго Равеннѣ, теперь ставшей резиденціей экзарховъ.

Пятая труба протрубила къ войнамъ, которыя «царь южный», какъ онъ называется Даніиломъ, велъ «въ послѣднее время», «напавъ на царя, поступавшаго по своему произволу». Эта язва началась открытіемъ «бездоннаго кладязя», что обозначаетъ распространеніе и укорененіе ложной религіи; при чемъ «дымъ, шедшій изъ кладязя», обозначаетъ множество людей,

принявшихъ эту ложную религію; «саранча же, вышедшая изъ этого дыма», означаетъ войска, набранныя изъ народа, _принявшаго эту ложную вѣру. Колодезь былъ открытъ и дымъ и саранча могли распространиться въ 4-хъ царствахъ или въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Царемъ этой саранчи» былъ «Ангелъ бездоннаго кладязя», ставшій верховнымъ властелиномъ и въ дѣлахъ духовныхъ такъ же, какъ и въ свѣтскихъ, какими именно были Сарацинскіе калифы.

Въ Счастливой Аравіи (Arabia Felix) часто отрождаются цѣлыя тучи саранчи и отсюда, какъ чума, нападаютъ на сосѣднія страны, являясь какъ бы прообразомъ многочисленныхъ арабскихъ шаекъ, вторгавшихся въ Римскіе предѣлы. Эти вторженія начались въ 634 г. по Р. Х., а въ 637 г. (635?) Сарацины завладѣли Дамаскомъ. Въ 766 г. они построили Багдадъ и пріобрѣли господство надъ Персіей, Сиріей, Аравіей, Египтомъ, Африкой и Испаніей. Впослѣдствіи Африка была отнята у нихъ Махадами (910 г.); Мидія, Гирканія, Хорасанъ и вся Персія Делемитами (927—935 г.); Месопотамія и Міафарекинъ — Насируддавлами (930 г.), Сирія и Египетъ — Ахсидами (935 г.). Затѣмъ Калифъ Багдадскій (936 г.), находясь въ великой опасности, уступилъ остатки своей свѣтской власти Магомету, сыну Ражиса, царя Васитовъ въ Халдеѣ, и поставилъ его царемъ царей. Но черезъ два года Багдадъ былъ отнятъ у Магомета Турками, и затѣмъ постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки — то къ Туркамъ, то къ Сарацинамъ, пока наконецъ Тогрулъ-бей, котораго называютъ также Тогрой, Догриссой, Тангролиниксомъ и Садокомъ, завоевалъ Хорасанъ и Персію и въ 1055 году присоединилъ къ нимъ Багдадъ, сдѣлавъ послѣдній столицей своей имперіи. Преемники его Олубъ-Арсланъ и Мелехъ-шахъ покорили страны, лежащія по Евфрату. Завоеванія эти послѣ смерти Мелехъ-шаха раздѣлились на царства Армянское, Месопотамское, Сирійское и

Каппадокійское. Такимъ образомъ въ общей сложности Сарацинскіе Калифы царствовали надъ Дамаскомъ и Багдадомъ 300 лѣтъ (отъ 637 по 936 годъ включительно).

Теперь саранча живетъ только пять мѣсяцевъ; поэтому и сказано, что саранча «мучила людей пять мѣсяцевъ»— т. е. что пять мѣсяцевъ она жила въ Дамаскѣ, а другіе 5 мѣсяцевъ въ Багдадѣ, всего же 10 мѣсяцевъ или 300 пророческихъ дней, т. е. 300 календарныхъ лѣтъ.

Шестая труба протрубила къ войнамъ, которыя Даніиловъ «Сѣверный царь» велъ противъ упомянутаго выше царя, «поступавшаго по своему произволу». Во время этихъ войнъ Сѣверный царь, согласно Даніилову пророчеству, покорилъ Греческую имперію, а также Іудею, Египетъ, Ливію и Эѳіопію; благодаря этимъ побѣдамъ была основана Турецкая имперія, какъ это можно видѣть по вошедшимъ въ ея составъ областямъ. Война эта началась въ 1258 году, когда четыре Турецкихъ государства, лежавшихъ за Евфратомъ — Великая Арменія, лежавшая при Міафарекинѣ, Мегаркинѣ, или Мартирополисѣ, царство Месопотамское, лежавшее при Мосулѣ, царство Сирійское, лежавшее при Алеппо, и царство Каппадокійское, лежавшее при Иконіи, были побѣждены Татарами подъ начальствомъ Гулака, и отнесены къ Западнымъ предѣламъ Малой Азіи, гдѣ они начали войну противъ Грековъ, что и послужило началомъ нынѣ существующей Турецкой имперіи.

Когда протрубила шестая труба, «Іоаннъ услышалъ голосъ (исходящій) отъ четырехъ роговъ Золотого алтаря передъ Богомъ, говорящій: развяжи четырехъ Ангеловъ, связанныхъ при великой рѣкѣ (Евфратѣ). И четыре Ангела были развязаны, готовые поразить третью часть людей въ теченіе дня, мѣсяца и года». Подъ четырьмя рогами Золотого алтаря

разумѣется расположеніе главныхъ городовъ четырехъ названныхъ государствъ — Міафарекина, Мосула, Алеппо и Иконіи, составлявшихъ какъ бы четыреугольникъ. При покореніи Греческой имперіи и взятіи Константинополя въ 1453 г. была избита третья часть людей, и это избіеніе подготовлялось съ 1063 г., когда Олубъ-Арсланъ началъ покорять народы, жившіе за Евфратомъ. Этотъ промежутокъ времени названъ въ пророчествѣ «часомъ и днемъ, мѣсяцемъ и годомъ», что составляетъ 391 пророческій день, иначе 391 календарный годъ. Въ первые 30 лѣтъ этого періода Олубъ-Арсланъ и Мелехъ-шахъ покорили народы, жившіе за Евфратомъ, и стали царствовать надъ ними. Мелехъ-шахъ умеръ въ 1092 г. и оставилъ послѣ себя наслѣдникомъ грудного ребенка. И въ это время царство это распалось на четыре царства, какъ указано выше.

ПРИБАВЛЕНІЕ

(Послѣднія страницы замѣчаній на Апокалипсисъ изложены авторомъ. въ двухъ различныхъ версіяхъ; поэтому мы приводимъ здѣсь и вторую версію).

«И никто не былъ найденъ достойнымъ открыть эту книгу», пока не явился Агнецъ Божій; здѣсь въ образѣ агнца, закланнаго у подножія алтаря во время утренняго жертвоприношенія представленъ великій первосвященникъ. «И Онъ пришелъ и взялъ книгу изъ десницы Сидящаго на престолѣ». Первосвященникъ во время праздника седьмого мѣсяца входилъ во святая святыхъ и бралъ книгу Закона, лежащую на правой сторонѣ кивота, чтобы читать ее народу; для того же, чтобы читать ее хорошо, онъ изучалъ ее въ теченіе семи дней, т. е. въ 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й день мѣсяца. При этомъ присутствовали нарочито назначенные священники, съ тою цѣлью, чтобы слушать и помогать первосвященнику подготовиться къ чтенію. Эти-то семь дней и подразумѣваются подъ послѣдовательнымъ открытіемъ семи печатей.

На 10-й день праздника приносился въ жертву за грѣхи первосвященника молодой телецъ, а за грѣхи народа — козелъ; бросался также жребій на двухъ козловъ, чтобы опредѣлить, который изъ нихъ долженъ быть принесенъ въ жертву Богу за грѣхи; другой же козелъ назывался Азазелемъ, козломъ отпущенія. Первосвященникъ, въ льняныхъ одеждахъ, взявъ кадильницу, наполненную горящими угольями, съ жертвенника, и горсть благоуханнаго ѳиміама, шелъ въ святая святыхъ за завѣсы, клалъ ѳиміамъ на огонь и кровью тельца семь разъ окроплялъ съ пальца крышку и мѣсто передъ крышкой; затѣмъ онъ закалывалъ козла, указаннаго жребіемъ въ удѣлъ Богу, въ искупительную жертву за народъ, уносилъ кровь его за завѣсу и также окроплялъ ею крышку (кивота) семь разъ. Затѣмъ онъ

шелъ къ жертвеннику, чтобы окропить также и его семь разъ кровью тельца, а иногда и кровью козла. Послѣ этого онъ «возлагалъ обѣ руки свои на голову живого козла и исповѣдалъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ Израиля, всѣ преступленья ихъ и всѣ грѣхи ихъ и возлагалъ ихъ на голову козла; и отсылать съ нарочнымъ человѣкомъ въ пустыню; и козелъ уносилъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ въ землю непроходимую» (Левитъ IV и XVI). Пока первосвященникъ совершалъ все это во святая святыхъ, народъ въ молчаніи молился у жертвенника. Затѣмъ первосвященникъ шелъ въ святилище, снималъ свои льняныя одежды и одѣвалъ другія, затѣмъ онъ выходилъ и приказывалъ сжечь внѣ стана въ жертву тельца и козла огнемъ, взятымъ въ кадильницѣ съ жертвенника, когда же народъ возвращался изъ храма домой, то говорили другъ другу: «Да запечатлѣетъ тебя Богъ на новый годъ».

На все это намекаютъ слова: «когда онъ снялъ седьмую печать, настало безмолвіе на небѣ какъ бы на полчаса. И Ангелъ сталъ передъ жертвенникомъ, держа золотую кадильницу, и дано ему было множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ святыхъ возложилъ его на золотой жертвенникъ, который передъ престоломъ. И вознеся дымъ ѳиміама, съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Бога. И взялъ Ангелъ кадильницу и заполнилъ ее огнемъ съ жертвенника и повергъ на землю», — надо предположить: внѣ стана, чтобы сжечь козла, предназначеннаго по жребію въ жертву Богу. Телецъ здѣсь опускается, такъ какъ первосвященникъ символизируетъ самого Христа. Во время этого жертвоприношенія «происходили голоса и громы (музыка въ храмѣ) и молніи (жертвенныхъ огней) и землетрясеніе; и одновременно со всѣмъ этимъ происходило «запечатлѣніе 144.000 избранныхъ изъ 12 колѣнъ сыновъ Израиля печатью Бога на челахъ ихъ», тогда какъ всѣ прочіе изъ 12 колѣнъ получали печать

звѣря и жены, бѣжавшей изъ храма въ пустыню въ мѣсто свое на этомъ звѣрѣ. И это запечатлѣніе печатью Божіей и клейменіе начертаніемъ звѣря и жены символизированы въ образѣ бросанія жребія на двухъ козловъ, при чемъ одинъ приносился въ жертву Богу на горѣ Сіонѣ, а другой, обремененный грѣхами народа, изгонялся въ пустыню.

Въ пятнадцатый день и въ слѣдующіе шесть дней совершались торжественныя жертвоприношенія. Какъ намекъ на праздничные трубные звуки, громогласное пѣніе и жертвенныя возліянія, говорится: «протрубили семь трубъ» и «семь громовъ возвысили голоса свои» и «изливаются семь чашъ гнѣва». Изъ этого слѣдуетъ, что «семь трубъ», голоса «семи громовъ» и изліяніе «семи чашъ гнѣва» суть событія одновременныя и относятся къ одной и той же эпохѣ седьмой печати, раздѣленной, сообразно моментамъ безмолвія, на семь послѣдовательныхъ частей. Семь дней этого праздника назывались праздникомъ Кущей; во время этого праздника сыны Израиля жили въ палаткахъ (кущахъ) и ходили съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. На это намекаетъ выраженіе: «толпы съ пальмами въ рукахъ» (появившіяся послѣ запечатлѣнія 144.000). Они ушли ко Христу отъ великой скорби, восторжествовавъ въ битвѣ великаго дня, къ которому трубила седьмая труба. Слѣдовательно, видѣніе 144.000 и пальмоноснаго множества относится къ времени седьмой трубы и вслѣдствіе этого одновременно съ седьмой печатью.

Когда «144.000 изъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ были запечатлѣны», а остальные получили «начертаніе звѣря», т. е. когда былъ разрушенъ первый храмъ, то Іоанну повелѣно было «измѣрить храмъ и жертвенникъ», т. е. ихъ дворы, «и тѣхъ, кто поклоняется въ нихъ, т. е. 144.000 стоящихъ на горѣ Сіонѣ и на стеклянномъ морѣ; «дворъ же внѣ храма», т. е. дворъ народа «оставить и не измѣрять, такъ какъ онъ отданъ

язычникамъ, тѣмъ, кто получилъ начертаніе звѣря; «и будутъ они попирать святый городъ ногами 42 мѣсяца», т. е., все то время, пока звѣрь будетъ дѣйствовать подъ властью Вавилонской блудницы; и «два свидѣтеля будутъ пророчествовать 1260 дней (т. е. все это время), облеченные во вретище. И дана имъ власть какъ Иліи пророку — затворять небо, чтобы не шелъ дождь», пока не затрубитъ первая труба; «и какъ Моисею претворять воду въ кровь», когда протрубитъ вторая труба; «и поражать землю всякою язвой, когда захотятъ».

Они пророчествуютъ о построеніи второго храма, какъ Аггей и Захарія. Они тѣ «два оливковыхъ дерева (или Церкви), которыя снабжаютъ лампады масломъ» (Зах. IV). Они «два. свѣтильника (или Церкви), стоящія предъ Богомъ земли». Пять изъ семи церквей Азіи, хотя и процвѣтали, были найдены виновными; къ нимъ обращено увѣщаніе раскаянія и угроза, что онѣ будутъ низвержены «съ мѣстъ ихъ» или «изблеваны изъ устъ Христовыхъ», или «наказаны мечомъ устъ Христовыхъ, если не раскаются». Другія же двѣ церкви — Смирнская и Филадельфійская, претерпѣвшія гоненія, останутся въ этомъ состояніи, чтобы славой перенесенныхъ гоненій озарить второй храмъ. Когда первобытная Вселенская Церковь изображенная въ видѣ «жены на небѣ», отпадетъ и раздѣлится на двѣ извратившихся Церкви, изображенныя въ видѣ «вавилонской блудницы» и «двурогаго звѣря», «тогда 144.000 запечатлѣнныхъ изъ всѣхъ 12 колѣнъ Израилевыхъ» станутъ «двумя свидетелями», для противодѣйствія этимъ двумъ Церквамъ. Истинной Церкви Божіей здѣсь дано наименованіе «двухъ свидѣтелей», и наименованіе это присваивается ей до конца пророчества и употребляется во всѣхъ случаяхъ, гдѣ о ней идетъ рѣчь.

Въ истолкованіе этого пророчества «жена въ небѣ, одѣтая въ солнце», пока она не бѣжала въ пустыню, представляетъ первобытную Вселенскую

Церковь, озаряемую «семью лампадами въ семи золотыхъ свѣтильникахъ», — которые суть «семь Церквей Азійскихъ». Драконъ обозначаетъ то же самое царство, что и Даніиловъ козелъ въ царствованіе его послѣдняго рога, т. е. Римскую имперію до ея раздѣленія на Греческую и Латинскую; со времени же этого раздѣленія онъ обозначаетъ лишь Греческую имперію; звѣрь же есть 4-й Даніиловъ звѣрь, т. е. Латинская имперія. До раздѣленія Римской имперіи на Греческую и Латинскую звѣрь включается въ тѣло дракона; со времени же раздѣленія звѣрь обозначаетъ только Латинскую имперію. Отсюда драконъ и звѣрь имѣютъ одни и тѣ же головы и рога; но на головахъ дракона короны, а на головахъ звѣря — рога. Рога суть десять королевствъ, на которыя раздѣлится звѣрь вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ дракона, какъ это было описано выше. Головы же суть семь послѣдовательныхъ династій или частей, на которыя будетъ раздѣлена Римская имперія при снятіи семи печатей. До бѣгства жены въ пустыню, она, имѣя во чревѣ ребенка (т. е. христіанскую имперію), кричала отъ болей и мукъ рожденія (во время десяти лѣтъ Діоклетіанова гоненія) «и старалась разрѣшиться»; а драконъ, т. е. языческая Римская имперія «стоялъ передъ нею, чтобы пожрать младенца, какъ только онъ родится. И она родила младенца мужского пола, которому (впослѣдствіи) надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. И восхищено было дитя къ Богу и Престолу Его» — въ храмъ, въ церковь, благодаря побѣдѣ Константина В. надъ Максенціемъ. «А жена убѣжала изъ храма въ пустыню (Аравіи и Вавилона), гдѣ ей было уготовано мѣсто Господомъ (т. е. богатство, почести и власть на спинѣ звѣря), чтобы тамъ питали ее 1260 дней. И была война на небѣ (между язычниками подъ начальствомъ Максимина и новой христіанской имперіей); и низверженъ былъ великій драконъ, древній змій, называемый дьяволомъ и сатаною, обольщающій

всю вселенную (т. е. духъ языческаго идолослуженія), низверженъ (съ престола) на землю. И они побѣдили его кровью Агнца и словомъ свидѣтельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти».

«Когда же драконъ увидѣлъ, что низверженъ на землю, то началъ преслѣдовать жену, которая родила младенца мужского пола», возбудивъ противъ нея новое гоненіе въ царствованіе Лицинія. «И даны были женѣ (основаніемъ Константинополя и уравненіемъ его съ Римомъ) два крыла большого орла, чтобы она летала въ пустыню, въ свое мѣсто (на спинѣ звѣря), отъ лица змія и тамъ питалась время, времена и полъ-времени. И пустилъ змій (послѣ смерти Константина В.) изъ пасти своей воду, какъ рѣку (т. е. Западная имперія въ царствованіе Константина Младшаго и Констанція), чтобы увлечь ее водою. Но земля (т. е. народы Азіи, бывшіе теперь подъ властію Константинополя) помогла женѣ и (побѣдивъ Западную имперію теперь подъ властію Магненція) поглотила рѣку, которую драконъ пустилъ изъ пасти своей. И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену и пошелъ вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, соблюдавшими заповѣди Божіи, имѣвшими свидѣтельство І. Христа, и запечатлѣнными (во время этой войны) изъ всѣхъ 12 колѣнъ Израиля», стоявшими на горѣ Сіонѣ съ Агнцемъ въ числѣ 144.000 и имѣвшими на челахъ своихъ начертаніе имени Агнца ихъ.

Когда земля поглотила рѣку, и драконъ пошелъ вести брань съ прочими отъ сѣмени жены, то «Іоаннъ стоялъ на морскомъ берегу и увидѣлъ звѣря, выходящаго изъ моря съ семью головами и десятью рогами. И звѣрь былъ подобенъ барсу, и ноги у него какъ у медвѣдя, а пасть у него какъ пасть льва». Здѣсь Іоаннъ перечисляетъ всѣхъ Даніиловыхъ звѣрей по порядку, поставивъ своего звѣря на мѣсто Даніилова четвертаго звѣря, чтобы показать, что это — одно и то же. «И драконъ далъ звѣрю силу свою и престолъ свой и

великую власть свою» (предоставивъ ему Западную имперію). «И одна изъ его головъ (шестая) была какъ бы смертельно ранена (мечомъ земли, поглотившей воды, пущенныя изъ пасти дракона); но эта смертельная рана исцѣлѣла (благодаря новому раздѣленію имперіи между Валентиніаномъ и Валентомъ, въ 364 г.). Іоаннъ видѣлъ, что звѣрь выходитъ изъ моря, это при раздѣленіи имперіи между Граціаномъ и Ѳеодосіемъ въ 379 г. драконъ далъ звѣрю силу и престолъ и великую власть при смерти Ѳеодосія, — когда Ѳеодосій отдалъ Западную имперію сыну своему Гонорію. Послѣ этого обѣ имперіи уже не возсоединялись болѣе никогда; но Западная имперія раздѣлилась теперь на 10 королевствъ, какъ описано выше; и королевства эти въ концѣ концовъ соединились въ религіозномъ отношеніи подъ властью жены и царствовали съ нею сорокъ два мѣсяца.

«И вотъ увидѣлъ я, — говоритъ Іоаннъ, другого звѣря, выходящаго изъ земли». Когда жена бѣжала отъ дракона въ царство звѣря и стала его церковью, то изъ земли вышелъ другой звѣрь, изображая собою церковь дракона. Ибо было у него два рога подобно агнчимъ (такими были епископіи Александрійская и Антіохійская), и онъ говорилъ (относительно религіозныхъ вопросовъ), какъ драконъ. И онъ заставилъ всю землю (т. е. народы драконова царства) поклониться первому звѣрю, у котораго смертельная рана исцѣлѣла (т. е. заставилъ принять его религію). И онъ творитъ великія знаменія, такъ что даже и огонь низводитъ съ неба на землю передъ людьми, т. е. онъ отлучаетъ и анаѳематствуетъ тѣхъ, кто разнствуетъ отъ него въ религіозномъ исповѣданіи, ибо, произнося анаѳему обыкновенно повергали на землю зажженный факелъ, какъ описано выше.

И онъ повелѣлъ живущимъ на землѣ сдѣлать образъ звѣря, который имѣетъ рану отъ меча и живъ, т. е.

повелѣлъ имъ созвать соборъ изъ людей, исповѣдующихъ религію звѣря. И дана ему была власть вложить духъ въ въ образъ звѣря, чтобы образъ звѣря и говорилъ, и дѣйствовалъ такъ, чтобы всякій, кто не будетъ поклоняться образу звѣря, былъ убиваемъ, т. е. въ мистическомъ смыслѣ посредствомъ разрушенія Церквей ихъ. И онъ сдѣлаетъ то, что всѣмъ — малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ — положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ, и что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать кромѣ того, кто имѣетъ это начертаніе или имя звѣря или число его имени, т. е. знакъ + или имя ΛΑΤΕΙΝΟΣ или число 666. Всѣ же прочіе будутъ отлучены.

Когда семь Ангеловъ изливали семь чашъ гнѣва и Іоаннъ описывалъ ихъ, какъ событія текущаго времени, то отъ эпохи седьмой чаши онъ обращается къ времени пятой печати, чтобы бросить взглядъ на судьбу жены, которая царствовала во времена нашей печати и ея звѣря. По отношенію къ позднѣйшей части эпохи пятой печати, представлявшейся Іоанну какъ въ настоящемъ, Ангелъ говоритъ Іоанну: «звѣрь, которого ты видишь, былъ и нѣтъ его и выйдетъ изъ бездны и пойдетъ въ погибель», т. е. онъ былъ въ царствованіе Констанція и Магненція, пока Констанцій не побѣдилъ Магненція и не возсоединилъ Западной и Восточной имперій. Его «нѣтъ» во время возсоединенія и онъ «выйдетъ изъ бездны» или моря при слѣдующемъ раздѣленіи имперій. Затѣмъ Ангелъ говоритъ ему далѣе: «Здѣсь мудрость: семь головъ суть семь горъ, на которыхъ сидитъ жена», такъ какъ Римъ построенъ на семи холмахъ, то и называется отсюда семихолмнымъ городомъ.

«И семь царей: пять изъ нихъ пали, одинъ есть, и другой еще не пришелъ; и когда придетъ, не долго ему быть. И звѣрь, который былъ и котораго нѣтъ, есть

восьмой изъ числа семи и пойдетъ въ погибель». Пять царей пали, когда времена первыхъ пяти печатей прошли; одинъ есть, такъ какъ время шестой печати разсматривается какъ настоящее, и другой еще не пришелъ, а когда придетъ, что будетъ при снятіи седьмой печати, то будетъ царствовать короткое время. Звѣрь же, который былъ и котораго нѣтъ, онъ восьмой, благодаря раздѣленію Римской имперіи на двѣ сопредѣльныхъ имперіи; и «онъ изъ семи», будучи половиной СЕДЬМОГО, и пойдетъ въ погибель. Слова «пять пали и одинъ есть и другой еще не пришелъ» относятся истолкователями обыкновенно ко времени Апостола Іоанна, когда давалось пророчество. Однако слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ пророчествѣ говорится, какъ о настоящемъ, о многомъ такомъ, что вовсе не существовало во время дарованія Откровенія, но будущее въ видѣніи созерцающаго обращалось въ настоящее.

Такъ, то, что говорится объ излияніи седьмого фіала гнѣва, что «Вавилонъ великій воспомянутъ предъ Богомъ, чтобы дать ему чашу вина ярости гнѣва Его», — то, явно, оно относится не ко времени самого Апостола Іоанна, но ко времени, когда будетъ пролитъ седьмой фіалъ гнѣва. Точно также тамъ, гдѣ говорится: «Палъ, палъ Вавилонъ» и «пусти серпъ твой и пожни, ибо пришло время жатвы» и «пришло время мертвымъ быть судимыми», и еще: «И увидѣлъ я, что мертвые, великіе и малые, стали передъ Господомъ». Всѣ эти выраженія относятся не ко времени Ап. Іоанна, но къ будущимъ временамъ, которыя въ видѣніи созерцаются какъ въ настоящемъ. Подобнымъ же образомъ слова: «Пять пало, и одинъ есть, а другой еще не пришелъ», и звѣрь, который былъ и его нѣтъ, онъ восьмой, не могутъ быть относимы ко времени Ап. Іоанна, а относятся къ тому времени, когда звѣрь получитъ смертельную рану мечомъ, и показываютъ, что рана эта должна быть

нанесена ему въ эпоху его шестой головы. Внѣ же этого соотношенія намъ неясно, въ эпоху которой головы звѣрю надлежало получить рану. «И десять роговъ, которые ты видишь, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примутъ власть со звѣремъ, какъ цари, на одинъ часъ. Они имѣютъ одну мысль (такъ какъ всѣ принадлежатъ къ исповѣданію блудницы) и передадутъ силу и власть свою звѣрю. Они будутъ вести брань съ Агнцемъ (въ эпоху седьмой трубы), и Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей, и тѣ, которые съ нимъ, суть званные и избранные и вѣрные. И говоритъ мнѣ: воды, которыя ты видѣлъ, гдѣ сидитъ блудница, суть народы и племена и языки (составляющіе тѣло звѣря). И десять роговъ, которые ты видѣлъ на звѣрѣ, сіи возненавидятъ блудницу и разорятъ ее и обнажатъ и плоть ея съѣдятъ, и сожгутъ ее въ огнѣ (по истеченіи 1260 дней), потому что Богъ положилъ имъ на сердце исполнить волю Его, исполнить одну волю и отдать царство ихъ звѣрю, доколѣ не исполнятся слова Божіи. И жена, которую ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями (т. е. великій городъ Латинянъ, царствующій надъ десятью царями до конца этого времени).